

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

*ЭЛЬДАР ИСМАИЛОВ
ВЛАДИМИР ПАПАВА*

Эльдар ИСМАИЛОВ

Владимир ПАПАВА

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ЕВРАЗИЯ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ SA&CC PRESS®

СТОКГОЛЬМ
2010

Эльдар Исмаилов, Владимир Папава

Центральная Евразия: геополитическое переосмысление.
Стокгольм: Издательский дом «СА&СС Press»®, 2010. —
168 с.

ISBN 978-91-978153-7-6

В монографии исследуются геополитические проблемы Центральной Евразии. Авторами предложен принципиально новый геополитический подход к данному региону, что в корне отличается от широко распространенных имперских доктрин. Исходя из географических основ Евразии и геополитических особенностей этого континента, Центральная Евразия определяется как единство стран Центральной Европы, Центральной Азии и связывающего их региона — Центрального Кавказа. В то же время единство стран Центрального Кавказа и Центральной Азии определяется как Центральная Кавказия. На основе такого переосмысления геополитики книга дает читателю возможность по-новому взглянуть на «старые» проблемы.

Книга рассчитана на ученых, преподавателей, студентов, а также на широкий круг читателей, интересующихся геополитическими проблемами Центральной Евразии.

© Эльдар Исмаилов, Владимир Папава, 2010
© Издательский дом «СА&СС Press»®, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. ЕВРАЗИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ: ИСХОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА	9
1.1. Географический и геополитический контуры Евразии и Центральной Евразии	9
1.2. Трансформация геополитического пространства Евразии	16
2. ЕВРАЗИЙСТВО И КОНЦЕПЦИЯ «ЦЕНТРАЛЬНОЙ КАВКАЗИИ»	23
2.1. Современное состояние евразийского течения русской геополитической школы	23
2.2. Центральный Кавказ: основные геополитические проблемы и евразийство	43
2.3. Центральная Азия и Большая Центральная Азия: основные геополитические проблемы и евразийство	61
2.4. «Центральная Кавказия» — новая геополитическая концепция	70
3. ТЕОРИЯ «ХАРТЛЕНДА» И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ	83
3.1. «Осевой регион» планеты в теории Маккиндера	83
3.2. Историческая эволюция «осевого региона» — Центральной Евразии	91

ОГЛАВЛЕНИЕ

3.3. Сущность, функции и принципы формирования «осевого региона» в XXI веке	111
3.4. Новая геополитическая структура Центральной Евразии	112
Заключение	120
Библиография	128

ВВЕДЕНИЕ

После развала Советского Союза (Sebestyuen, 2009; Service, 2009, pp. 467—507) началась новая историческая эпоха — становление независимых государств и формирование геополитических ареалов, которые объединяют в себе некоторые бывшие советские республики. Эти ареалы имели свои географические контуры еще в рамках бывшего СССР, что поддерживалось экономическим районированием советского государства на основе административно-территориального устройства бывшего СССР (Hirsch, 2005, pp. 145—186). Так, совокупность Латвии, Литвы и Эстонии называлась Прибалтикой, совокупность Азербайджана, Армении и Грузии — Закавказьем, а совокупность Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана — Средней Азией. Соответственно были сформированы прибалтийский, закавказский и среднеазиатский экономические районы. Иногда в состав Средней Азии включался и Казахстан, хотя Казахский экономический район (из-за относительно больших размеров этой территории) рассматривался отдельно от среднеазиатского экономического района.

Неудивительно, что после получения этими государствами независимости на повестку дня встал и вопрос об обновлении названий этих уже самостоятельных геополитических ареалов. В названия были привнесены элементы, подчеркивающие независимость от того, как они воспринимались Москвой, и только публикации, в основном некоторых российских авторов, до сих пор придерживаются названий имперских времен¹.

¹ Наиболее наглядным примером этого является перевод с английского на русский широко известной книги Збигнева Бжезинского о современных геополитических проблемах Евразии, когда используемый в английском

Считая термин «Прибалтика» так называемым «пережитком эпохи советской оккупации» Латвии, Литвы и Эстонии, эксперты предпочитают использовать термин «страны Балтии»; вместо терминов «Закавказье» и «Средняя Азия» практически утвердились термины «Южный Кавказ» (в последние годы в научной литературе все чаще используется термин «Центральный Кавказ») и «Центральная Азия» (включает в себя также и Казахстан).

В последнее время все более широкое распространение получает и относительно новый геополитический термин «Центральная Евразия», который, как правило, в единый геополитический ареал включает такие страны, как Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. По нашему глубокому убеждению, этот термин является не совсем корректным, прежде всего с геополитической точки зрения, ибо в данном термине сохраняется специфика российского восприятия этого геополитического ареала.

Цель настоящего исследования — переосмысление некоторых моментов геополитэкономического понимания региона, охватывающего в первую очередь вышеперечисленные страны на основе дескриптивного подхода, то есть безотносительно к тому, какие интересы движут мировыми или региональными державами в этом регионе.

Исследование геополитических и геоэкономических проблем Центральной Евразии дается на основе географических и исторических характеристик данного региона. Критически анализируются наиболее популярные геополитические те-

тексте термин «Central Asia» (Brzezinski, 1997, pp. 46—47, 93, 95, 113, 121, 129—131, 145, 150) в русском тексте, как правило, переведен не как «Центральная Азия», а как «Средняя Азия» (Бжезинский, 2005а, с. 61—62, 116—117, 137, 146, 155—158, 175, 180); в том же духе «the three Caucasian countries» и «the three states of the Caucasus» (Brzezinski, 1997, pp. 122, 125) на русский язык переводятся, соответственно, как «три закавказские страны» и «три закавказских государства» (Бжезинский, 2005а, с. 148, 152).

рии «Евразийства», «Хартленда» и «Римленда». Первая, как известно, является главным течением исконно русской геополитической школы, а остальные две разработаны известными учеными-геополитиками — англичанином Хэлфордом Маккиндером и американцем Николасом Спайкменом. Эти теории в настоящее время как бы обрели вторую жизнь, что вполне объяснимо на фоне роста имперского характера действий России в отношении как своих непосредственных соседей — бывших советских республик (например, война против Грузии или «газовое противостояние» с Украиной), так и всего Запада (Дубнов, 2008). В качестве «противоядия» для имперских амбиций России актуализировалась теория «Хартленда». При этом вне поля зрения остаются интересы тех стран, в отношении которых и разрабатываются, и отчасти реализуются, самые различные схемы расширения Российской империи, или хотя бы российского влияния.

Один из вопросов, который, пожалуй, в меньшей степени затрагивается многими исследователями, это вопрос о том, чего хотят сами страны Центральной Евразии. Хотят ли они быть суверенными, демократическими государствами с рыночной экономикой или предпочитают находиться под покровительством той или иной державы, заинтересованной в сохранении своего влияния любой ценой в той или иной стране?

Знание того, какие цели преследуют в данном регионе мировые или региональные державы, является жизненно важным для стран региона, ибо в этом случае им легче сориентироваться в том, какие отношения строить со своими внешними партнерами. В то же время и для остального мира далеко не безразлично знание того, какие приоритеты преследуют страны Центральной Евразии.

Авторы исследования предлагают собственные оценки, делятся своими взглядами на современное геополитическое и геоэкономическое состояние Центральной Евразии, на возможные векторы развития как всего региона, так и отдельных его стран. На основе переосмысления многих известных тео-

ВВЕДЕНИЕ

ретических конструкций предлагается новый понятийный аппарат, отражающий современные тенденции в регионализации евразийского геополитического пространства. Осознавая то, что многие вопросы, поставленные в данном исследовании, по сути, могут быть спорными, авторы приветствуют деловую и содержательную дискуссию на данную тему.

Авторами текста являются: § 1 главы 1 и глава 2 — Владимир Папава; § 2 главы 1 и глава 3 — Эльдар Исмаилов.

1

ЕВРАЗИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ: ИСХОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА

1.1. Географический и геополитический контуры Евразии и Центральной Евразии

Известно, что Евразия как континент состоит из двух частей света — Европы и Азии. Естественно, что данное географическое толкование Евразии практически без изменений можно использовать (и используется) и в геополитике, наиболее наглядным примером чего являются исследования известного американского политолога Збигнева Бжезинского (Бжезинский, 2005а, 2005б)².

Вместе с тем в настоящее время не менее распространенным является и несколько иной геополитический взгляд на Евразию. Дело в том, что после развала СССР проблема национальной и территориальной идентичности особенно остро встала перед Россией (Lapidus, 2007), которая за последние двести лет впервые оказалась в значительно суженных границах, что с новой силой стимулировало поиски концепций об ее особой роли, по крайней мере на постсоветском пространстве (O'Loughlin and Talbot, 2005). Потеряв часть империи, Россия до сих пор не может определить свою роль (Ash, 2009). Не случайно, что вопросы типа «что такое Россия?» («what is Russia?») и «где находится Россия?» («where is Russia?») и по сей день не теряют актуальности (Brzezinski, 2007b, pp. 56, 64;

² В качестве примера геоэкономического исследования географического континента Евразии можно привести работу (Linn and Tiomkin, 2005).

Service, 2003, pp. 13—44). Здесь же необходимо отметить, что формированию и развитию так называемых «мифов о родине» (Tolz, 1998), нарративов (Aktürk, 2006, p. 23) способствовали мнения о пересмотре границ Российской Федерации, которые имеют куда более широкое распространение среди интеллектуалов, политиков и общественности России, нежели это предполагается в западной научной литературе (Tolz, 1998, p. 294). Российскую элиту и в некоторой степени общество в целом волнует вопрос о существующих границах России из-за того, что некоторые территории, где после развала СССР проживает и русскоязычное население, находятся в составе других государств (Tolz, 2001, p. 271) и это якобы может быть основанием проведения со стороны России в той или иной степени агрессивной политики в адрес этих государств (Allison, 2008, p. 1167). Здесь же необходимо отметить, что согласно опросам, проведенным в России в последнее время, все большую популярность приобретает идея восстановления СССР (Петухов, 2006, с. 107), и это вполне объяснимо, если учесть распространенную в российском обществе постимперскую ностальгию (Gaidar, 2007, pp. ix—xiv). Вместе с тем российско-грузинская война августа 2008 года (Cornell and Starr, eds., 2009; King, 2008a) дает повод для того, чтобы считать, что национальная идентичность России несовместима со свободой граничащих с нею стран (Fukuяama, 2008)³. Более того, эта война для всего мира сделала очевидным то, что Россия никогда не свыкнется с мыслью о потере Советской империи

³ Если та или иная страна входит в сферу интересов России, то она всеми силами готова не допустить возможность выхода из сферы своего влияния такой страны, несмотря на то, что является ее собственным интересом, какой она ориентации — пророссийской или прозападной (Petersen, 2008). Если исходить из этого, неудивительно, что Россия предпочитает иметь у своих границ слабые и уязвимые государства, легко поддающиеся российскому влиянию (Cornell, McDermott, O'Malley, Socor, and Starr, 2004, p. 18).

(MacShane, 2008), что и объясняет приверженность России к политике силы (Himmelreich, 2008) с целью восстановления гегемонии над соседями (Asmus and Holbrooke, 2008); иначе говоря, Россия продемонстрировала готовность защищать свои интересы в постсоветской Евразии с помощью силы (Antonenko, 2008, p. 32). Такие действия России полностью вписываются в общеизвестные схемы формирования империй (Baer, 2008; Toft, 2008). Даже те эксперты, которые достаточно лояльны к Кремлю, и те не исключают возможности восстановления Россией империи, но не в классической ее форме путем захвата территорий, а путем использования так называемых неоимпериалистических механизмов, основанных прежде всего на энергетической политике (Künzl, 2008, p. 79).

При этом необходимо учесть и тот урок из истории, согласно которому завоевание Кавказа, Хазарской степи и Центральной Азии царская элита воспринимала не только как прославление империи, но и как европейскую идентичность России (Crews, 2006, p. 12).

Имперский порядок, имперское тело и имперское сознание являются тремя составляющими в структуре имперского синдрома России (Паин, 2008б). Среди этих составляющих имперское тело, то есть территория страны, является наиболее инерционным (Паин, 2009, с. 145—149). К тому же территория, как вместилище природных, трудовых, финансовых и других ресурсов, сама выступает тем основным ресурсом, расширение или хотя бы удержание которого является главной задачей имперского государства (Паин, 2008б).

В качестве теоретического обоснования имперских амбиций Россией успешно могут быть использованы идеи так называемого «евразийства», которые получили «второе дыхание» в постсоветский период (Tchantouridze, 2004). Эти идеи, в значительной степени основанные на географии (Bassin, 1991, p. 14), предполагают геополитическое переосмысление географического континента Евразии (Lewis and Wigen, 1997, p. 222).

Проблема того, что в пределах территории Старого Света есть три, а не два материка, была поставлена в конце XIX века русским профессором В.И. Поманским (Нартов и Нартов, 2007, с. 129). Позже «крестным отцом» этому материка стал известный русский геополитик Петр Савицкий, именно он назвал этот третий материк «Евразией» и указал, что в своих границах тот в принципе совпадает с Россией, а точнее — Российской империей (Савицкий, 1997)⁴. Он подчеркивал, что эта «Евразия» отличается от вышеотмеченного географического толкования Евразии, которое было разработано Александром фон Гумбольдтом (Alexander von Humboldt) (Савицкий, 1933)⁵. Так начиналось формирование одного из наиболее мощных течений русской геополитической школы — *евразийского*, которое имеет целью утверждение особой исторической и культурной роли России в географической Евразии⁶.

Известный русский историк, этнограф и географ Лев Гумилев, исследовав географические границы геополитического континента Евразии (Laguette, 2008b, pp. 50—82), приходит к заключению, что он состоит из трех регионов: Высокой Азии

⁴ По выражению Савицкого, «Россия-Евразия есть центр Старого Света» (Савицкий, 1933).

⁵ Есть и другая версия об авторстве термина «Евразия», согласно которой он принадлежит венскому геологу Эдуарду Суэсу (Eduard Suess), назвавшему Евразией в конце XIX века Европу и Азию, вместе взятые (Bassin, 1991, p. 10).

⁶ Притязания России к евразийскому континенту настолько сильны (Эйвазов, 2009), что даже в тех случаях, когда нет никакой необходимости ссылаться на Евразию, в ряде солидных публикаций авторы не могут выйти из рамок уже сложившегося клише. Например, рассматривая проблемы экономических реформ в Содружестве Независимых Государств (СНГ) и вообще не затрагивая проблемы Евразии ни в географическом, ни в геополитическом контекстах, авторы соответствующей монографии без всякого на то основания используют в заглавии термин «Евразия» (Stroev, Bliakhman, and Krotov, 1999). То же самое можно сказать и в отношении некоторых нероссийских ученых-экспертов из стран бывшего СССР (Areshidze, 2007).

(Монголия, Джунгария, Тува, Забайкалье), Южного района (Центральная Азия) и Западного района (Восточная Европа) (Гумилев, 2007, 199).

Географически, как известно, Старый Свет состоит из частей света — Европы, Азии (то есть континента Евразии) и Африки, в то время как данное толкование термина «Евразия» русской геополитической школой существенно сужает территориальные границы географического континента Евразии.

Необходимо подчеркнуть, что в данную так называемую «ловушку» русской геополитической школы, сужающей границы географического континента Евразии, быть может сами того не желая, попадают и те ученые-эксперты, которые в своих геополитических исследованиях, как правило, полностью охватывают весь отмеченный географический континент. Так, в вышеуказанной книге, посвященной современным геополитическим проблемам Евразии, регион, объединяющий Центральную Азию, Кавказ и сопредельные регионы, из-за его конфликтного характера, Збигнев Бжезинский называет «Евразийскими Балканами» (Бжезинский, 2005а, с. 149). Налицо явное противоречие: если под определением «евразийские» понимать географический континент Евразии (как это должно следовать из всего контекста рассматриваемой книги), то это ошибочно подразумевает, будто бы Балканы находятся вне этого континента, ибо географически «Евразийскими Балканами» могут быть только сами Балканы. Данное противоречие снимается, если под определением «евразийские» подразумевается тот смысл термина «Евразия», который культивируется соответствующей русской геополитической школой. Иначе говоря, Збигнев Бжезинский, по всей видимости, сам того не осознавая, оказался в плену русской геополитической школы евразийства.

С целью упрощения границы Евразии иногда сознательно сужаются рамками территории бывшего СССР (Simons, 2008, p. 2).

Согласно евразийцам⁷, Россия — это особый континент (Дугин, 2002а)⁸, и для разрешения данного терминологического конфликта между географическим и геополитическим толкованиями Евразии в геополитическом контексте используются и такие словосочетания, как «Евразия-Россия» (Нартов и Нартов, 2007, с. 133—135, 137), «Россия-Евразия» (Дугин, 1997, с. 83—84) или «Евразийская Русь» (Панарин, 2006, с. 312—364, 539—543)⁹. Эта проблема вновь приобрела особую актуальность после развала СССР, ибо во времена советской власти географы пользовались термином «Евразия» исключительно в его географическом толковании (Hauner, 1994, p. 222). Необходимо подчеркнуть, что дискуссия по поводу нахождения компромисса между правильным географическим определением Евразии и той территории, на которую распространяется российский контроль, не является исчерпанной (Hauner, 1994, p. 221).

Если толкование Евразии русской геополитической школой, как было отмечено выше, используется для обоснования российских имперских амбиций, то естественным образом встает вопрос и о термине «Центральная Евразия»: насколько географическое и геополитическое толкования этого термина совпадают и какие при этом возникают проблемы?

Географически под «Центральной Евразией», как правило, понимают территорию от Босфорского пролива на западе

⁷ Необходимо оговорить, что последователи евразийства сами себя называют «евразийцами», что, по нашему мнению, характеризуется некоторой неточностью, ибо евразийцами являются люди, населяющие Евразию, в то время как последователей и сторонников евразийства корректнее будет назвать «евразийстами». В данном исследовании именно в этом контексте и используется термин «евразийсты».

⁸ См. также: [<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=102>].

⁹ Вместо этих искусственных терминов «Евразия-Россия», «Россия-Евразия» или «Евразийская Русь» куда более оправданным является термин «постсоветская Евразия» (Торбаков, 2008), который и с географической, и с геополитической точек зрения корректно отражает действительность.

до китайской Синьцзян-Уйгурской провинции на востоке и от казахских степей на севере до Индийского океана на юге (Weisbrode, 2001, p. 11). Несложно заметить, что географическая Центральная Евразия фактически полностью охватывает географическую Центральную Азию, в то время как Центральная Европа туда не включается. Это объясняется тем, что Азия по размерам настолько превосходит Европу, что Центральная Европа как бы выходит за пределы условного центра единого континента Евразии, именуемого Центральной Евразией. В то же время, если отвлечься от физических размеров Азии и Европы и рассуждать логически, исходя из того, что *географическая Евразия как континент состоит из двух частей света — Европы и Азии, то географическая Центральная Евразия естественно должна включать в себя и Центральную Европу, и Центральную Азию, а также объединяющий их Центральный Кавказ* (Исмаилов, 2007, с. 131, 2008, с. 29)¹⁰. По нашему мнению, исходя из этого, можно сделать вывод, что над географическим толкованием Центральной Евразии довлеет ее геополитическое толкование, в котором и после распада СССР под Россией многие подразумевают Евразию (Hauner, 1994, p. 217)¹¹.

Влиянием советского образа мышления считается и ограничение Центральной Евразии лишь такими странами, как Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан¹², ибо в данном случае вне границ этого региона остаются территории (в частности,

¹⁰ Такое определение Центральной Евразии разделяется и другими исследователями (Sengupta, 2009, p. 66).

¹¹ В работах, придерживающихся более четкого определения, нынешняя Россия квалифицируется как северная часть Евразии (Моисеев, 2000).

¹² Такое представление Центральной Евразии в настоящее время является наиболее распространенным (см., например: Amineh and Houweling, 2005, pp. 2—3; Fairbanks, Nelson, Starr, and Weisbrode, 2001, p. vii; Meyer, 2004, p. 206).

Афганистан, Северный Иран, Северный Кавказ, Северо-Западный Китай, Кашмир и Тибетское плато), которые связаны с ним историческими, этническими и культурными корнями (Weisbrode, 2001, pp. 11—12). А в некоторых научных публикациях, относящихся к Центральной Евразии, под этим регионом фактически подразумевается лишь только Центральная Азия (Adams, 2008).

Таким образом, если толкование Евразии евразийской русской геополитической школой существенно сужает масштабы географического континента Евразии, то в отношении Центральной Евразии эти различия менее существенны, ибо в данном случае география является в полном подчинении геополитики, притом ее русской школы. Примером, подтверждающим это, является квалификация современными российскими географами Северной и Центральной Евразии как территории, охватывающей бывший СССР, западную часть Европейской Арктики и некоторые районы Центральной Азии (Котляков, ред., 2006, с. 13).

Относясь, мягко говоря, настороженно к евразийскому течению русской геополитической школы, необходимо разобраться в причинах этой настороженности.

1.2. Трансформация геополитического пространства Евразии

В контексте актуализации проблем регионоведения и регионального сотрудничества в современных условиях особое значение приобретает изучение процессов, происходящих в рамках сформированного СССР единого военно-политического и социально-экономического пространства — Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД), которое в конце прошлого века распалось на регионы:

1. *Центрально-Европейский (Восточно-Европейский):*

- *постСЭВовские страны:* Польша, Чехословакия¹³, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, ГДР¹⁴, СФРЮ¹⁵;
- *постсоветские страны:* Беларусь, Молдова, Украина, Латвия, Литва, Эстония;

2. *Центрально-Кавказский*¹⁶:

- *постсоветские страны:* Азербайджан, Армения, Грузия;

3. *Центрально-Азиатский:*

- *постСЭВовские страны:* Афганистан, Монголия;
- *постсоветские страны:* Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

При этом «инициирующее ядро» СССР и СЭВ это постсоветская Россия¹⁷.

На наш взгляд, интерес к трем регионам постСЭВовского пространства, отделившимся от «инициирующего ядра» — России, обусловлен специфическим положением, которое они продолжают занимать в мировом политическом пространстве, особенно при их рассмотрении в качестве единого, самостоятельного, обособленного геополитического объекта глобализирующегося мира.

¹³ В 1993 году Чехословакия распалась на два государства: Чехию и Словакию.

¹⁴ В 1990 году Германская Демократическая Республика (ГДР) вошла в Федеративную Республику Германии (ФРГ).

¹⁵ В начале 1990-х годов Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) распалась на Сербию, Хорватию, Словению, Боснию и Герцеговину, Македонию и Черногорию.

¹⁶ Более подробно о Центральном Кавказе см. ниже.

¹⁷ Наряду с перечисленными государствами в СЭВ входили государства других регионов мира: Вьетнам, Куба, а в качестве наблюдателей — Ангола, Афганистан, Народно-Демократическая Республика Йемен, Лаос, Мозамбик и Эфиопия.

После развала СССР и ОВД присущий биполярному миру геополитический понятийный аппарат начал изменяться. Политическую карту мира перестали делить на социалистический и капиталистический лагерь, и, соответственно, эти понятия, как и производные от них термины — «некапиталистический путь развития», «движение неприсоединения» и др., замещали категориями, более адекватно отражающими современные реалии. Вместе с тем, несмотря на произошедшие за последние десятилетия перемены, до сих пор в научной, учебной и справочной литературе сохраняются существенные различия по поводу отнесения стран постСЭВовского пространства к тем или иным регионам *евразийского материка* и их соответствующих названий.

В настоящее время в научной литературе и политической лексике параллельно используют как старые (царско-советские, европейские, азиатские), так и новые, еще не ставшие общепринятыми дефиниции. Например, *прибалтийские* республики стали называться также балтийскими с отнесением их к региону Северной или Северо-Восточной Европы, *среднеазиатские* республики — центральноазиатскими (Алексеева и Иванова, 2003), *закавказские* — южнокавказскими или центральнокавказскими (Исмаилов, 2002; Исмаилов и Кенгерли, 2002а, 2002б; Исмаилов и Папава, 2006, 2007; Ismailov and Papava, 2006, 2008а, 2008б), с включением их в состав Восточной или Юго-Восточной Европы, либо Центральной Азии или Северо-Западной Азии¹⁸.

Причисление государств к тем или иным регионам, как правило, осуществлялось в зависимости от сложившейся геополитической ситуации. А именно, изменения в балансе сил между основными геополитическими акторами евразийского пространства приводили к «переходу» тех или иных стран из одной сферы влияния в другую, что соответственно предподре-

¹⁸ Подробнее о концепции Северо-Западной Азии см. (Ramezanzadeh, 1996).

деляло новые границы региональных делений. Такие изменения границ регионов имели место как в Европейском, так и Азиатском сегменте Евразии. Хотя пространственные параметры регионов в какой-то степени носят условный характер, тем не менее их соответствующее сложившейся геополитической ситуации определение позволяет выявить новые тенденции развития внутри- и межрегиональных связей и отношений на евразийском материке.

Сегодня, как следствие геополитической трансформации 1990-х годов, перед нами возникла необходимость по-новому осмыслить региональную структуру политического пространства Европы и Азии, наиболее полно отражающую сложившиеся внутриконтинентальные политические, социально-экономические и культурные отношения, в соответствии с текущей глобальной конъюнктурой.

На наш взгляд, в современных условиях политическое пространство Европы следует рассматривать в единстве ее трех основных регионов.

- Западная Европа — члены ЕС и НАТО (Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, Великобритания, Дания, Ирландия, Греция, Португалия, Испания, Австрия, Финляндия, Швеция, Исландия, Норвегия, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Болгария, Румыния) и претендующие стать их участниками (Хорватия, Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория, а также нейтральная Швейцария).
- Центральная Европа — Украина, Беларусь, Молдова.
- Восточная Европа — европейская часть РФ.

Включение в состав Западной Европы постСЭВовских государств и постсоветских (прибалтийских) республик может вызвать определенную дискуссию относительно его состоя-

тельности с точки зрения социально-экономических и культурных параметров, ибо достаточно долгое пребывание названных стран в единой социалистической системе (СЭВ/СССР) наложило отпечаток на уровень и особенности их текущего развития. Необходимо отметить, что уровень социально-экономического развития этих стран, хотя они в 2004 году вошли в ЕС, был намного ниже, чем у его «старых» членов. Иными словами, учитывая бóльшую социально-экономическую совместимость «новых членов» ЕС, скажем, с Украиной, а не с Францией и Нидерландами, можно было бы допустить их группирование в центральноевропейском региональном делении, обозначив этот макрорегион как *Большую Центральную Европу* (Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Болгария, Румыния, Хорватия, Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория, Украина, Беларусь, Молдова).

Попытки регионально структурировать политическое пространство второго евразийского континента — Азии — сопряжены с определенными сложностями в связи с тем, что ее значительные пространственно-политические масштабы, а также сложившиеся политические и экономические отношения между государствами с отличающимися системами ценностей, политическими режимами, геополитическими ориентациями и в целом с существенными различиями в степени развитости не позволяют строго группировать их в региональные сегменты. Следовательно, в отличие от Европы, определение политических границ регионов Азии сопровождается бóльшей степенью условности. На наш взгляд, исходя из существующей геополитической ситуации, данный континент целесообразно рассматривать в единстве пяти региональных сегментов:

- Западная Азия — Турция, Саудовская Аравия и другие страны Аравийского полуострова, Ирак, Сирия, Иордания, Израиль, Палестина, Ливан, Иран;

- Восточная Азия — КНР, КНДР, Южная Корея, Япония, Монголия, государства Индокитая и Малайского архипелага;
- Северная Азия — Азиатская часть Российской Федерации;
- Южная Азия — Индия, Пакистан, Афганистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка, Мальдивы;
- Центральная Азия — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

Как и в случае с Европой, центральный региональный сегмент азиатского континента можно рассматривать и в более «широком формате» — как Большую Центральную Азию (Starr, 2005a, 2005b)¹⁹ — за счет включения в него Монголии из Восточной Азии и Афганистана из Южной Азии.

Пространство центральнокавказских стран можно было бы рассматривать как в рамках азиатского (основываясь на географии), так и европейского континента (основываясь на политической и институциональной вовлеченности в европейскую «сферу»). На наш взгляд, данный регион — это в геополитическом аспекте «особая зона» Евразии, область пересечения двух континентов материка.

Ввиду того, что понятие «постСЭВовское пространство» практически изжило себя и, как было отмечено, его основные сегменты — европейский, кавказский и азиатский — уже обозначаются как «центральные», соответственно для их совместного рассмотрения целесообразно использовать интегральное понятие — Центральная Евразия.

В любом случае отметим, что возврат к российской (не важно — царской или советской) или европейской и азиатской (периода «холодной войны» XX столетия) терминологии уже однозначно невозможен, поскольку мир кардинальным

¹⁹ Ряд авторов включают в этот регион и Монголию.

Эльдар ИСМАИЛОВ, Владимир ПАПАВА

образом трансформировался, что предопределило модификацию отражающих его концептуальных подходов и их категориально-понятийного аппарата.

Именно поэтому мы считали бы необходимым внести ясность в вопрос о дефинициях применительно к указанному пространству, так как от четкой систематизации понятий современной геополитической науки напрямую зависят глубина познания и отражения объективных закономерностей развития евразийского материка и в конечном счете эффективность его интеграции.

2.1. Современное состояние евразийского течения русской геополитической школы

Исторически евразийство как геополитическая теория сложилась в 1920-е годы, но в России она имеет достаточно глубокие исторические корни (Гловели, 2000; Панарин, 2006, с. 34—64).

По своему характеру евразийское течение русской геополитической школы способствует оправданию исторически складывающихся имперских амбиций России (Longworth, 2005) — господствовать в центре географического континента Евразии. Для евразийстов Россия должна быть или «евразийской державой» (Гумилев, 2002, с. 482, 2007, с. 30), «великой державой», то есть «империей», или никакой (Дугин, 2002д, с. 784), ибо для них «Россия немыслима без империи» (Дугин, 2004в, с. 342—368). Неудивительно, что, относясь отрицательно к марксистским догмам, атеизму и материализму, евразийсты тем не менее приветствовали установление советского строя, так как он существенно увеличил мощь и территорию России (Дугин, 2004б; Уткин, 2000б), и предлагали пути эволюции СССР²⁰ в Евразийское Государство (Арутюнов, 2000; Дугин, 2002з, с. 629). В таком же духе евразийсты приветствовали жесткие действия В. Путина в Чечне, именуемые «чрезвычайными геополитическими мерами»

²⁰ В данном контексте СССР квалифицируется как Советская евразийская империя (Hauner, 1994).

(Дугин, 2002б, с. 590—591, 593). Александр Дугин, главный идеолог и лидер международного евразийского движения (Laguette, 2008b, pp. 107—144), верность евразийцам имперским действиям открыто проявил и в адрес Грузии, когда в связи с ее желанием восстановить свою территориальную целостность он призвал российских военных наказать Грузию, захватить ее столицу Тбилиси (Дугин, 2008а, 2008б; Хурбатов, 2008).

Необходимо подчеркнуть, что, согласно геополитической теории «Хартленда» известного английского ученого-геополитика Хэлфорда Маккиндера (Маккиндер, 1995; Mackinder, 1904, 1919), государство, которое будет контролировать «осевой регион» («Pivot area»), то есть «Хартленд» («Heart-land»), включающий большую часть России и Центральную Азию, будет господствовать не только в географической Евразии, но и во всем мире (Мегоран и Шарапова, 2005, с. 8). Эта теория, претендующая на то, чтобы быть основой внешней политики Великобритании в начале XX века в отношении стран, находящихся внутри «Хартленда» (Мегоран и Шарапова, 2005, с. 12), и сегодня, в контексте некоторых современных геополитических теорий, разрабатываемых на Западе (Борисова, 2005; Виелмини, 2005; Шарапова, 2005), не только не теряет своей актуальности, но и становится все более и более популярной (Чантуридзе, 2008, с. 12—13; Sengupta, 2009). Неудивительно, что стремлению западных государств к увеличению своего влияния в «Хартленде» противостоят вышеотмеченные имперские амбиции России (которая не просто находится, но и является самым большим государством в «Хартленде»²¹) обрести функции мирового Центра (Уткин, 2000б). А это полностью вписывается в маккиндеровскую теорию о роли государства, контролирующего «Хартленд», ибо, по

²¹ Вовсе не случайно, что по своей сути тривиальное заявление Владимира Путина о том, что Россия — страна евроазиатская (Euro-Asiatic), имело огромное значение для неоевразийцев (Максаков, 2001).

мнению современных евразийстов, «осевой регион» географически тождественен России (Дугин, 1997, с. 44).

Схожесть маккиндеровской теории «Хартленда» и евразийского течения русской геополитической школы заключается в том, что обе теории способствуют оправданию имперских амбиций. Разница же состоит в том, что первая служит имперским амбициям Великобритании (Semmel, 1958) и, в современном контексте, Запада, а вторая — России. При этом вне поля зрения остаются интересы тех стран, на которые и распространяются эти имперские амбиции. А это, по нашему мнению, свидетельствует об односторонности и, как следствие, ограниченности обеих геополитических конструкций — и теории «Хартленда», и евразийства. Эти геополитические конструкции полностью вписываются в так называемую «имперскую геополитику», и ничего удивительного в том, что в настоящее время на повестку дня встает вопрос о разработке так называемой «демократической геополитики» (Толипов, 2007б, с. 22).

Немаловажно заметить, что чисто русское понимание евразийства несколько отличается от его тюркско-мусульманского понимания (Ларюэль, 2000; Laruelle, 2008b, pp. 145—170); при этом есть различия в понимании евразийства между тюркско-мусульманами в России и Казахстане (Ларюэль, 2000; Laruelle, 2008b, pp. 171—187). В частности, для тюркско-мусульманских народов России они являются единственными, кто действительно воплощают собой Евразию, а Россия может стать настоящей евразийской державой, только признав и должным образом оценив тюркско-мусульманский мир в себе самой. Иначе говоря, от России ждут заявления о себе, как хотя бы частично тюркском и мусульманском государстве. Вместе с тем тюркско-мусульманское евразийство, не являясь сепаратистским учением, пытается утвердить за тюркско-мусульманами особое место в Евразии, которое территориально совмещается с Российским государством (Ларюэль, 2000).

В отличие от России, где самые ярые сторонники евразийства не находятся у власти, в Казахстане евразийство является

государственной идеологией, проповедуемой самим президентом Нурсултаном Назарбаевым²². Его подход к евразийству является прагматическим, и в противоположность евразийству в России подчеркивается европейская составляющая страны и уделяется сравнительно мало внимания исламу и Востоку, чем и обосновывается политика национального многообразия (Ларюэль, 2000; Laguelle, 2008b, pp. 171—187). По всей видимости, к евразийству Назарбаева прежде всего могла подтолкнуть демографическая ситуация в Казахстане, на севере которого большинство составляют русские переселенцы, что требовало от лидера государства сбалансированной внешней и внутренней политики (Бжезинский, 2005а, с. 135). Также немаловажно отметить, что во внешней политике Нурсултана Назарбаева прослеживаются не только «роевразийские», но и не совсем «роевразийские» шаги. Это прежде всего проявилось в подходах Казахстана к поддержке углубления кооперирования, а также улучшения согласованного военного сотрудничества между государствами Центральной Азии, не говоря уже о поддержке Азербайджана в выборе Турции (а не России и/или Ирана) для транспортировки нефти и о предотвращении секретного деления континентального шельфа и природных богатств Каспийского моря между прибрежными государствами (Бжезинский, 2005а, с. 175—176).

Здесь же необходимо заметить, что, хотя в России, как было отмечено выше, сторонники евразийства не находятся у власти, но в отличие от ельцинского периода, современные евразийцы с самого начала стали более приемлемы для путинского официоза (Ingram, 2001, p. 1032), и, как следствие, евразийство быстро стало возвышаться российским политическим спектром до уровня господствующей (*mainstream*) идеологии (Berman, 2001)²³. Несмотря на то что существует и та-

²² О роли Нурсултана Назарбаева в евразийском движении см. (Дугин, 2004а).

²³ См. также (Berman, 2002).

кое мнение, что президент В. Путин всего лишь ограничивался использованием псевдофилософской риторики евразийстов²⁴ и его правительство не находило применения политическим рекомендациям современных евразийстов (Schmidt, 2005), в правомерность такой трактовки некоторые сомнения вносят события последнего времени, когда Россия на международной арене проявляет все большую агрессивность (Aron, 2007; Kennedy, 2007; McFaul, 2007; Winik, 2007), не говоря о войне против Грузии (Фельгенгауэр, 2008; Chang, 2008; Cornell, Porjanevski, and Nilsson, 2008), в числе главных виновников которой вместе с В. Путиным следует признать и президента Д. Медведева (Граунор, 2008); а такие действия вполне вписываются в экспансионистские взгляды современных евразийстов²⁵. Поэтому куда справедливее будет сказать, что приветствующего идеи евразийстов В. Путина тем не менее нельзя считать тем лидером, который руководствуется исключительно их (евразийстов) суждениями (Шлапентох, 2005), ибо считается, что в современной российской политике евразийство не представляет единственную, монолитную парадигму (Kerr, 1995). В то же время российско-грузинская война и ее последствия (Папава, 2008б) небезосновательно дают повод считать, что приход В. Путина к власти ознаменовал начало неоимперской эпохи в России (Asmus, 2008), а сама эта война не что иное, как шаг в сторону восстановления СССР (O'Sullivan, 2008), по крайней мере в некой новой форме (Goble, 2008с), хотя некоторые эксперты считают, что целью В. Путина является не восстановление СССР, а восстановление российского

²⁴ Чуть ли не классической стала характеристика распада СССР как «геополитической катастрофы», данная президентом В. Путиным в 2005 году (Тренин, 2006, с. 155; Friedman, George, 2008).

²⁵ В разрез с этими трактовками современной российской внешней политики некоторые наивные (в лучшем случае) западные эксперты считают экспансионистскую, неоимпериалистическую угрозу со стороны России одним из мифов об этой стране (Foglesong and Hahn, 2002, pp. 11—12).

влияния на постсоветском пространстве (Friedman, George, 2008). В любом случае война в Грузии полностью вписывается в интересы современной России (Cornell, 2008a), хотя ей не удалось доказать свой статус «сверхдержавы», «нового полюса влияния, противостоящего США», ибо ни одна страна, кроме Никарагуа и Венесуэлы, не поддержала признание Москвой государственной независимости Абхазии и Южной Осетии (Паин, 2008a, с. 39). Таким образом, стремление Москвы придать России статус «независимого полюса» в многополюсном мире с целью роста привлекательности стран постсоветского пространства (Penkova, 2008) оказалось нереализованным.

Еще в эпоху М. Горбачева, а затем и Б. Ельцина, создалось впечатление, что «холодная война» завершилась и новая Россия бесповоротно встала на путь сотрудничества с цивилизованным миром, демократических преобразований и перехода к рыночной экономике. Но российско-грузинская война в августе 2008 года свидетельствует, что окончание «холодной войны» — это не столько реальность, сколько принятое Западом за реальность желание самого же Запада, иными словами — иллюзия²⁶. Во второй половине 1980-х и первой половине 1990-х годов умирающий СССР и его правопреемник — вновь созданное Российское государство были настолько ослаблены политически и экономически, что желание получить от Запада экономическую помощь вынудило Москву повернуться в сторону Запада, в сторону западных ценностей. В то же время в России усиливалась ностальгия по утраченной империи.

В настоящее время многие задают вопрос о том, стоит ли весь мир на пороге новой «холодной войны» и если да, то как

²⁶ Справедливости ради необходимо отметить, что, хотя, по всеобщим оценкам, «холодная война» была окончена, тем не менее также признавалось, что оставалось множество нерешенных проблем эпохи «холодной войны» (Donaldson and Noguee, 2005, p. 119).

ее избежать (Райс, 2008; Fukuyama, 2008). Справедливости ради необходимо отметить, что этот вопрос по различным причинам ставился и до российской войны против Грузии (Brzezinski, 2007a; Cohen, 2006; Friedman; Thomas, 2008; Johnson, 2008; Kotkin, 2008; Lucas, 2008; MacKinnon, 2007). Практически никто не задает вопроса о том, что, может быть, «холодная война» XX века и вовсе не была завершена²⁷, что она была лишь «заморожена» и что в настоящее время происходит лишь ее «размораживание».

Военные действия со стороны России по отношению к Грузии, оккупация грузинских территорий, грубое нарушение Россией соглашения, подписанного президентами Д. Медведевым и Н. Саркози, одностороннее признание Москвой государственной независимости Абхазии и Южной Осетии без консультаций с государствами «Большой семерки», естественно, напомнили всем во всем мире об эпохе «холодной войны» (Asmus and Holbrooke, 2008; Powell, 2008).

С учетом того, что стороны «холодной войны» и сегодня представлены теми же странами, какие представляли ее в прошлом столетии, а причины конфликта, его движущие мотивы и стиль действий Кремля не изменились, можно сделать вывод, что имеет место не новая «холодная война», а возобновление старой «холодной войны». Иными словами, мы имеем дело с возобновлением той «холодной войны», которую на Западе ошибочно сочли завершенной. Она оказалась всего-навсего временно «замороженной», и теперь она начала размораживаться (Jackson, 2008; Parava, 2009a, 2009b). Основным вызовом для международного сообщества является выработка эффективных инструментов для реального, а не виртуального, как это было в поздних 1980-х и ранних 1990-х годах, завершения «холодной войны». Именно поэтому для Запада особенно важно выработать новые механизмы для сотрудни-

²⁷ Справедливости ради заметим, что в начале 1990-х годов такой вопрос был задан и ответ был утвердительным (Simons, 1990).

чества с Россией (Åslund and Kuchins, 2009a; Kuchins, 2008a, 2008b; Sestanovich, 2008). Предложенная администрацией президента Обамы политика «перезагрузки» отношений с Россией, к сожалению, все еще остается неэффективной из-за проводимой Кремлем политики в духе старых времен (Cornell, 2009b; Marson, 2009).

Согласно «строгому» суждению о характере внешней политики России, идеи современного евразийства появились на базе трех политически влиятельных школ геополитической мысли — Новых правых (New Right), Евразийских коммунистов (Eurasian Communists) и Демократических государственников (Democratic Statists), и что последняя школа имеет доминирующее значение в официальной внешней политике после 1993 года (Smith, 1999). Как бы там ни было, В. Путин чуть ли не с самого начала его президентства имел «полную поддержку» со стороны современных евразийцев (Yasmann, 2001).

Основываясь на наследии первых евразийцев и обновив его, «*неоевразийство*» с конца 1980-х годов постепенно превратилось в Общероссийское политическое общественное движение «Евразия», а чуть позже в партию «Евразия» (Дугин, ред., 2004в, с. 3—100) и международное евразийское движение (Dugin, 2005). Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время накопилось множество публикаций на тему евразийства (Антощенко и Кожанова, ред., 2000), и идеи евразийства становятся едва ли не главным дискурсом на постсоветском пространстве (Ларюэль, 2000), не говоря о том, что и за пределами Евразии-России они также приобретают популярность (Парвулеско, 2006; Marsh and Gvosdev, 2009).

Существует несколько классификаций неоевразийства. Согласно одной из них, неоевразийство разделяется на три основных течения (Ларюэль, 2000):

- первое квалифицируется как крайне правое течение, характеризующееся наибольшим экспансионизмом;

- второе делает упор на культуру и фольклор, на славяно-тюркский союз;
- третье, защищая понятие «империя», старается доказать, что она, являясь особой формой «государственности», которая исключает культ нации, в политическом плане способствует многообразию в Евразии.

Согласно другой классификации неоевразийство также состоит из трех течений (Нартов и Нартов, 2007, с. 148—149):

- национальной идеократии имперского континентального масштаба;
- континентального русско-иранского союза;
- экономического евразийства.

Представители первого течения противостоят либеральному западничеству, атлантизму и ставят перед собой задачу создания империи евразийского социализма.

Второе течение основывается на стратегическом партнерстве России с Ираном и Ираком, которые как союзники выступают против атлантизма и мондиализма, скептически относятся к европеизму и вместе с тем имеют немало общего с исламским «социализмом», европейским национал-большевизмом и т.п.

Третье же течение сконцентрировано вокруг идеи президента Казахстана Нурсултана Назарбаева о воссоздании экономического взаимодействия бывших республик СССР (Нартов и Нартов, 2007, с. 149).

В чем заключаются основные угрозы, содержащиеся в евразийском течении русской геополитической школы? Это принципиально отличающаяся система представлений о политическом и экономическом устройстве государства или же просто построение империи любой ценой?

Для ответа на эти вопросы необходимо с самого начала отметить, что евразийская модель устройства государства, общественной жизни, экономики, не говоря о так называемых

евразийских ценностях, существенно отличается от общепризнанных моделей и ценностей²⁸. Более того, для евразийстов вопрос о вхождении России-Евразии в единую цивилизацию вовсе не был праздным (Уткин, 2000б).

Теория евразийского государства базируется на принципиально иной конструкции, нежели правовое государство. Исходя из философского осмысления народов, государства и общества как цельных естественных существ, евразийство развивает теорию «обязательного государства» как альтернативу «правового государства». В основном, замещая обязанностями права, последние в лучшем случае могут использоваться только в подчиненном смысле в отношении тех юридических вопросов, которые удобнее рассматривать с позиции прав (Дугин, 2002е, с. 525—528).

Неудивительно, что с точки зрения евразийстов «гражданское общество» способствует усилению сепаратистских тенденций и препятствует реальному единению народов России (то есть Евразии). Отрицая «гражданское общество», вместо него евразийсты предлагают «евразийский централизм» как сочетание стратегической интеграции с многообразием автономий России-Евразии (Дугин, 2002г, с. 604—605).

Несложно заметить, что евразийское видение взаимоотношений между человеком, обществом и государством исходит из необходимости сильного государства, опирающегося на широкую сеть чиновников и на сохранение патриархальных институтов (Орлов, 2001).

В государственном устройстве евразийсты особое место отводят проблеме федерализма (Дугин, 2004в, с. 208—215). По их убеждению, автономия — это самоуправление, и она должна исключить любые атрибуты государственности. При этом

²⁸ Согласно евразийстам, устройство государства, общественной жизни и экономики должно опираться на соборность и общинность российского общества, что, по справедливому замечанию Эмиля Паина, является всего лишь мифом (Пайн, 2008в, с. 18).

размеры автономий могут колебаться от нескольких семей до целых народов, исходя из чего, в крупные автономии могут входить автономии поменьше. По типам автономии могут быть национальными, этническими, теократическими, религиозными, культурно-историческими, социально-промышленными, экономическими, языковыми и общинными. Незаселенные и малозаселенные территории, если там нет никаких общин, могут быть объявлены федеральными землями. Автономиям делегируются исключительно функции судов, правоохранительных органов, управления и контроля. Внутри евразийского пространства не должно быть понятия границы, ее место должно занять понятие «предел», который не должен иметь юридической силы и не должен быть фиксированным. Учитывая неравномерность экономического развития России-Евразии, евразийцы предполагают создание «полюсов развития», то есть экономических центров, имеющих экстерриториальный, общеевразийский статус и наделенных льготным режимом налогообложения (Дугин, 2004в, с. 296).

Евразийцы считают, что страны Содружества Независимых Государств, а также Сербия, Монголия и др. должны интегрироваться, по терминологии Нурсултана Назарбаева, в «Евразийский союз» (Дугин, 2004а, с. 86) (то есть в «государство-континент» — в Евразийское Государство), с единой экономикой, транспортными артериями, с общей системой коллективной безопасности и общей системой представительных органов (Дугин, 2004в, с. 280—284). Расширение российских границ путем включения в ее состав только Украины и Беларуси квалифицируется как «умеренное» (Moderate), то есть «славянское (Slavic) евразийство», а доведение российских границ до границ бывшего СССР — как «крайнее» (Extreme), то есть «советское (Soviet) евразийство» (O'Loughlin and Talbot, 2005, pp. 37—44). Существует и, мягко говоря, вызывающий улыбку, расписанный во времени проект формирования так называемого союзного государства Евразийской Руси, которое с 2006-го по 2014 год должно охватить не толь-

ко страны СНГ, но и Албанию, Македонию, Монголию, Сербию, Черногорию, а также на особых правах ассоциированных членов включить Болгарию, Венгрию, Грецию, Израиль, Ливан, страны Балтии, Польшу, Сирию, Словакию, Словению, Румынию, Турцию, Хорватию, Чехию, КНДР, Южную Корею (Панарин, 2006, с. 539—543).

Экономика для евразийцев должна быть в подчинении идеи Евразийского Государства, евразийской цивилизации, евразийской культуры (Дугин, 2002з, с. 627). Поэтому евразийцы особое внимание фокусируют на учениях так называемых «гетеродоксальных экономистов», которые экономику рассматривают как производную от культуры и для которых первостепенное значение имеют такие факторы, определяющие характер экономики, как исторический, культурно-цивилизационный, пространственный и национальный. Все экономические теории «гетеродоксальных традиций» (к числу авторов этих «традиций» евразийцы причисляют таких выдающихся экономистов, как Сисмонди, Лист, Кейнс, Шумпетер, Шмоллер, Перру, Геззель и др.), объединяемые в блок так называемой «экономики третьего пути» (Дугин, 2002з, с. 627), противопоставляются экономической ортодоксии — социалистической и либерально-капиталистической. Рынок и частная собственность для евразийцев относятся к области прагматической допустимости и прагматической полезности, исходя из чего, они признают не «рыночное общество», а «общество с рынком», в котором рыночный принцип не должен угрожать основам идеократии, то есть доминации идеального начала в общественной и политической жизни (Дугин, 2002з, с. 629). Исходя из сказанного, можно отметить, что задачей евразийской экономики является сохранение и развитие всех экономических систем, отражающих культурно-исторический путь конкретных народов, проживающих в Евразийском Государстве (Дугин, 2004в, с. 286).

Иначе говоря, евразийская многоукладность должна формироваться на основе (Дугин, 2004в, с. 288):

- государственного контроля в стратегических областях (то есть в государственной собственности должны быть земля Евразии, реки, озера, моря, полезные ископаемые и предприятия их добычи и первичной переработки, вооруженные силы, военно-промышленный комплекс, финансовый институт, осуществляющий эмиссию общеевразийской валюты, пенсионные фонды, транспортные магистрали, энергетика);
- свободного рынка в мелком и среднем производстве, в торговле и сфере услуг;
- разнообразных форм коллективного хозяйствования (кооперативы, акционерные предприятия и т.п., которые допускаются в промышленности, строительстве, банковско-кредитной и биржевой сферах, медицинском обслуживании, образовании, культуре и т.д.).

«Принципу собственности» евразийцы предпочитают «принцип владения», когда собственник должен исходить из социальной ответственности и ориентироваться на цели общественного блага (Дугин, 2004в, с. 289), то есть собственник должен быть ответствен за использование своей собственностью перед обществом и государством (Дугин, 2004в, с. 288). При этом государство должно поддерживать национальное предпринимательство, проводить патерналистскую политику, используя механизмы тарифного и нетарифного протекционизма (Дугин, 2004в, с. 290). Процессу расширения Российской Федерации в Евразийское Государство должно предшествовать распространение указанной патерналистской политики на страны СНГ путем их вовлечения в «таможенный союз» и формирования в границах СНГ «единой экономической зоны» (Дугин, 2004в, с. 290—291).

Экономика России-Евразии, сформированная на рассмотренных выше принципах, формирует самостоятельную так называемую «четвертую зону», которая не только в сущности отличается от остальных гигантских экономических зон —

американской, европейской и тихоокеанской, но и противостоит им (Дугин, 2002ж). Принципиальное отличие «четвертой зоны» от остальных находит свое отражение и в проблеме выбора пути в Европу или в Евразию тем или иным постсоветским государством (Жалило, 2003).

При рассмотрении основных взглядов евразийстов неизбежно встает вопрос о том, что для них важнее — те вышерассмотренные принципы, на основе которых должно строиться Евразийское Государство, или же воссоздание Российской империи любой ценой. Такая постановка вопроса спровоцирована прежде всего тем, что, как было отмечено выше, несмотря на то что евразийсты отрицательно относились к марксизму, тем не менее они приветствовали установление советского строя, увеличившего территорию России. Также отрицательно относясь к либерально-капиталистической ортодоксии (о чем говорилось выше), современные лидеры евразийства, несколько настороженно восприняв идею Анатолия Чубайса о создании так называемой «либеральной империи»²⁹

²⁹ Чубайсовская идея «либеральной империи» была особенно популярной в 1998—2005 годах (Simons, 2008, pp. 70—81). Необходимо подчеркнуть, что непосредственно идея «либеральной империи» не является российской (Крупнов, 2005). Она впервые была выдвинута еще во второй половине XIX века в Великобритании (Matthew, 1973), получила развитие в конце XX столетия (Reiff, 1999) и приобретает все более отчетливую американскую «окраску» (Farrell, 2005). По всей видимости, надо согласиться с мнением, что ускорению формирования российской версии «либеральной империи» особый толчок дали военные действия США в Афганистане и Ираке (Тогбаков, 2003), как возможность формирования американской «демократической империи» (Kurtz, 2003). Необходимо подчеркнуть, что критический анализ различных вариантов современной американской империи в настоящее время является достаточно распространенным (Amsden, 2007).

Здесь же необходимо сказать о взаимосвязке в российской политике на постсоветском пространстве «энергетической зависимости» («Energy Dependence») и «политической независимости» («Political Independence»), когда с ростом первого ослабевает второе (Smith, 2004, pp. 5—8). Не слу-

(Чубайс, 2003) (согласно которой Россия путем экономической экспансии (Crane, Peterson, and Olikier, 2005)³⁰ может и должна восстановить экономическое влияние (Kissinger, 2002, p. 76) на всем постсоветском пространстве), в итоге все-таки приветствовали эту идею (Yasmann, 2003) и вместе с тем охотно «окрасили» этот проект воссоздания Российской империи в «либерал-евразийство» (Дугин, 2004а, с. 99—103).

Знаменательно, что приведенные взгляды устройства империи России-Евразии берут начало в работах первых евразийцев и развиты их современными последователями, именуемыми себя неоевразийцами. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что неоевразийство характеризуется большей агрессивностью³¹, нежели евразийство 1920-х годов, хотя их обоих «роднит» вера в то, что Россия — это великая держава и ее ме-

чайно, что для России, наряду с формированием «либеральной империи», особое значение имеет целенаправленное продвижение в сторону создания «энергетической империи» (Hill, 2004), во многом основанной на путинском мифе о становлении России в качестве «энергетической сверхдержавы» (Shevtsova, 2007, pp. 133, 194). В итоге, энергетическая политика Москвы способствует формированию «нового экономического империализма» («New Economic Imperialism»), распространяющегося не только на внешний мир, но и на саму Россию, на ее отечественную экономику (Goldman, 2008a, 2008b, pp. 172—176). В данном контексте следует рассмотреть российскую энергетическую стратегию и в направлении Европы (Bugajski, 2008, pp. 73—80).

³⁰ По замыслу ее «архитекторов», «либеральная империя» должна создаваться не путем насильственной вооруженной оккупации бывших советских республик, а посредством овладения основными экономическими объектами, расположенными на их территориях (путем приобретения и развития активов). Реальные шаги, предпринятые российским руководством в этом направлении (Папава и Старр, 2006), далеко не всегда соответствовали общепринятым ценностям либеральности (Папава, 2007а), что не вызывает удивления, если учесть далеко не демократический и не либеральный характер режима путинской России (Eslund, 2005, Trenin, 2005).

³¹ В качестве примера агрессивного характера неоевразийцев можно привести отношение их лидера Александра Дугина к российской войне с Грузией, к оккупации последней (Дугин, 2008а).

сто в международных отношениях корнями уходит в геополитику (Rangsimarogn, 2006, p. 380).

Небезынтересно отметить, что современные критики неоевразийства считают, что это учение:

- 1) находится под сильным влиянием марксизма-ленинизма советского стиля (Tchantouridze, 2004);
- 2) является смесью марксизма и национализма (Shlapentokh, 1997);
- 3) стоит в одном ряду с большевизмом и фашизмом (Ingram, 2001), а также славофилизмом, панславизмом, антисемитизмом и сталинизмом (Umland, 1998, p. 92);
- 4) фальсифицирует русскую культуру и историю (Орешкин, 2001).

В настоящее время евразийство стало геополитической теоретической основой для современной российской «красно-коричневой» коалиции, объединяющей ультралевых и ультраправых политиков (Clover, 1999, p. 9).

На пути реализации идеи формирования Евразийского Государства президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым было инициировано создание Таможенного союза в СНГ (Дугин, 2004а, с. 86), куда вошли Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Важным шагом процесса евразийской интеграции стало создание странами, входящими в Таможенный союз, межгосударственной организации Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) как фактического ядра для нового политического образования. К ЕврАзЭСу в январе 2006 года присоединился Узбекистан. Значительным продвижением в сторону углубления евразийской интеграции стало подписание в 2003 году Россией, Казахстаном, Украиной и Беларусью договора об организации Единого экономического пространства (ЕЭП). Интересно, что опыт первых лет говорит о существовании целого ряда противоречий между интегрирующимися государствами, ко-

торые вызваны прежде всего несовпадением их интересов (Ултанбаев, 2003, с. 158—161, 2006, с. 47—49).

Существуют и проекты создания Евразийского экономического союза (Eurasian Economic Union) и Евразийского энергетического сообщества (Eurasian Energy Community), охватывающие Центральную Азию, Кавказ и Восточную Европу и нацеленные на превращение России в энергетический, транспортный и, в конечном счете, в экономический *хаб* Евразии (Hahn, 2002).

В противовес оптимизму евразийстов по поводу перспектив создания Евразийского Государства серьезнейшей задачей для России является не расширение, а сохранение ее целостности³², что проявляется в проблеме удержания Сибири, которая вызвана демографическим спадом в России и противоположными тенденциями в Китае (Бжезинский, 2005б, с. 139—140).

Признавая за Россией цель воссоздания империи, США своей основной задачей считают способствование укреплению тенденций геополитического плюрализма в регионе, углублению модернизации общества, децентрализации политической системы на основе рыночной экономики, в результате чего Россия могла бы стать конфедерацией, в которую вошли бы европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика (Бжезинский, 2005а, с. 239—240). Такая рекомендация в корне неприемлема не только для евразийстов, она не может быть принята самой общероссийской национальной идеей создания имперской державы, охватывающей бывшее советское пространство, и не только. Не иначе как «моральным реваншем» на данную версию Збигнева Бжезинского можно назвать сценарий известного российского

³² См., например: *Тихонравов Ю.В.* Хрестоматия от геополитики к хронополитике [http://vasilieva.narod.ru/gu/stat_rab/book/Geopolitika/Hrestomatia5.aspx.htm]. В кн.: *Тихонравов Ю.В.* Начала геополитики [http://vasilieva.narod.ru/gu/stat_rab/book/Geopolitika/Geopolitika.htm].

евразийста Игоря Панарина о развале США на шесть частей, с возвращением Аляски России (Osborn, 2008).

В современных интерпретациях евразийства помимо неоевразийства выделяются так называемые «прагматическое евразийство» и «межцивилизационное евразийство» (Rangsimaporn, 2006). Первое из них используется для официальных нужд политического руководства России с целью легитимации российских интересов одновременно и на Западе, и в Азии в связи с обоснованием проведения сбалансированной международной политики между этими двумя векторами; а второе — фокусируется на прагматическом использовании уникального географического положения России как моста, объединяющего Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион, что подчеркивает «межцивилизационную» функцию России между двумя континентами. Заметим, что, по нашему мнению, «межцивилизационное евразийство» вряд ли заслуживает рассмотрения в качестве самостоятельного варианта интерпретации евразийства, и не только потому, что он не имеет широкого распространения (Rangsimaporn, 2006, p. 372), но и потому, что фактически используется для обоснования «прагматического евразийства» (Rangsimaporn, 2006, p. 383), а его автор Михаил Титаренко (Титаренко, 1998) является сторонником неоевразийства (Rangsimaporn, 2006, p. 383).

Согласно более детальной классификации евразийства в современной русской геополитической мысли, можно выделить следующие пять групп: «экспансионисты» (Expansionists), «цивилизационисты» (Civilizationists), «стабилизационисты» (Stabilizers), «геоэкономисты» (Geoeconomists) и «западники» (Westerners) (Tsygankov, 2003):

- «экспансионисты» отождествляют атлантизм и свободную торговлю с США и считают это основной угрозой для России, поэтому они ее (Россию) видят как культурно антизападное государство, как империю, которая при этом территориально постоянно расширяется;

- «цивилизационистами» считаются современные прокоммунистические политики и идеологи, которые также видят в России исключительно империю, только в границах бывшего СССР;
- «стабилизационисты» вместо традиционной территориальной империи для России признают роль неформального контроля над посткоммунистической Евразией, ибо считают, что без России, как великой державы (Great Power), сохранение мира и стабильности в этом регионе будет невозможно;
- «геоэкономисты», сохраняя за Россией имидж евразийской идентичности, считают, что она (Россия) должна иметь экономическое, а также культурное влияние на евразийский регион, и, используя преимущество нахождения в «центре» Евразии, Россия должна реализовать транснациональные экономические проекты с привлечением инвестиций как с Запада, так и из азиатских государств;
- для представителей школы российского «вестернизма» (Russian Westernism) Россия по существу является европейской страной, которая должна ассоциировать себя главным образом с Западом, а ее роль в Евразии должна ограничиваться в утверждении стандартов либеральной демократии.

По нашему мнению, представителей школы российского «вестернизма» вряд ли стоит причислять к евразийцам, так как они поддерживают такую стратегию России, которая приведет к ее постепенному отходу от бывших советских республик (Tsygankov, 2003). Да и широко известная книга одного из ярких представителей этой школы Дмитрия Тренина, который целенаправленно развивает идеи современного российского «вестернизма», символично называется «Конец Евразии» (Trenin, 2002). Концепция формирования России как «нового Запада» основывается на двух факторах — откры-

тость страны для внешнего мира и развитие российского капитализма, которые медленно, но кардинально преобразуют российское общество, в результате чего Россия может стать западной, хотя и не европейской, страной (Тренин, 2006).

Очевидно, что эти два фактора пока еще не являются определяющими возможной «вестернизации» («Westernization») России, что наиболее остро проявилось в военных действиях России против Грузии в августе 2008 года. Не случайно, что западные эксперты с сожалением говорят о возможной ошибке Запада, в свое время поверившего в то, что якобы начатый еще в 1990-х годах процесс «вестернизации» России имеет более или менее сильные корни (Hirsh, 2008). По нашему убеждению, начало процесса «вестернизации» ельцинской России прежде всего было обусловлено политической и экономической слабостью российского государства того времени, из-за чего оно нуждалось в западной политической и финансовой помощи, а политически и экономически окрепшей путинской России притворяться приверженницей западных ценностей уже ни к чему (Asmus, 2008). Да и о какой «вестернизации» России может идти речь, когда основными уроками, преподанными Западу вторжением России в Грузию, являются пренебрежение к ее прозападной ориентации, исключение возможностей сокращения энергозависимости Европы от России и неуважение к мировому порядку (Petersen, 2008). При этом необходимо учесть и то обстоятельство, что евразийство для Москвы имеет две взаимосвязанные стратегические цели в отношении Европы: превращение Европы в придаток к российской сфере влияния и ослабление евроатлантизма путем прекращения связей Европы с США (Bugajski, 2008, с. 1).

Небезынтересно заметить, что вышеназванные «экспансионисты» квалифицируют «цивилизационистов» (иначе говоря, современных российских коммунистов и их лидера³³) как лево-евразийстов (Дугин, 2002в, с. 586), а сторонников восста-

³³ См., например (Зюганов, 1994, 1996, 1997).

новления влияния Кремля на бывшие советские республики путем создания «либеральной империи», как было отмечено выше, — как либерал-евразийстов. По всей видимости, с помощью понятий «левые» и «правые» в традиционно западно-европейском понимании вряд ли можно адекватно продемонстрировать современный российский политический спектр (Matern, 2007, p. 31). И это полностью вписывается в откровенное признание одного из лидеров «экспансионистов», согласно которому, «...евразийство не являлось и не является ни правым, ни левым, ни либеральным, ни социалистическим. Евразийцы готовы поддержать представителей любого идеологического лагеря, защищающих элементы государственности, других евразийских ценностей» (Дугин, 2001).

В заключение, говоря о евразийской «болезни», необходимо подчеркнуть, что Россия вряд ли сможет единолично продолжать доминировать на постсоветском пространстве, и не только потому, что другие «игроки», появившиеся на этом пространстве, обладают значительно большими экономическими, информационными и военными ресурсами (хотя ресурсы не самое главное в создании империи), а прежде всего из-за того, что российская элита, традиционно большая национальным эгоизмом (Milov, 2008, p. 18), не может предложить бывшим советским республикам «ничего, кроме помпезных разговоров о своем величии, своей исторической миссии, о мессианском имперском предназначении русского этноса и т.д.» (Пионтковский, 2005).

2.2. Центральный Кавказ: основные геополитические проблемы и евразийство

Кавказ — территория между Черным, Каспийским и Азовскими морями, то есть регион на границе Европы и Азии. Также

считается, что эта территория находится между Европой, Ближним Востоком (the Middle East), Центральной Азией (Inner Asia) и русской сферой (the Russian sphere) (Lewis and Wigen, 1997, p. 203).

Современное геополитическое толкование понятия «Кавказ» сформировалось после завоевания Кавказа Россией (Breyfogle, 2005; Jersild, 2002). В частности, после ее прихода на Кавказ, с учетом географического положения Главного Кавказского хребта, появляются термины «Закавказье» (Гамкрелидзе, 1998; King, 2008b, p. xiii), то есть за Кавказом, за данным хребтом, и «Северный Кавказ», то есть территория к северу от Закавказья, от данного хребта. Несмотря на то что для Тегерана, в отличие от Москвы, рассматриваемый регион находится не за Кавказом, а перед Кавказом, тем не менее на персидском языке этот регион также называется «за Кавказом» (maveran-e karkas) (Гачечиладзе, 2003, с. 17). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на международную практику идентификации данного региона прежде всего повлияла именно российская традиция.

Северный Кавказ территориально целиком входит в состав современной Российской Федерации и делится на две части — Предгорную и Горную. В состав первой входят следующие субъекты Российской Федерации: Краснодарский и Ставропольский края, Астраханская и Ростовская области и Республика Калмыкия, а в состав второй — республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания и Чечня.

Следует отметить, что толкование южных границ Кавказа основывалось, как правило, на том, где проходили в Кавказском регионе южные государственные границы Российской империи (Исмаилов и Кенгерли, 2002б, с. 290—292, 2007, с. 17—18; Ismailov and Papava, 2006, p. 10, 2008a, 2008b, pp. 8—9). Изменение южных границ Кавказа наиболее наглядно проявилось в конце XIX века на примере Карса. В частности, он стал считаться составной частью Кавказа лишь после того,

как был отвоеван Российской империей у Османской империи. Потеря же Россией Карса, Ардагана и Баязета обусловило то, что эти регионы как бы перестали быть кавказскими, ибо российские политические и исторические документы их в качестве таковых уже не упоминали. Вместе с тем эти области, провозгласив независимость, создали в ноябре 1918 года государство — «Юго-Западную Кавказскую (Карскую) Демократическую Республику» (Гаджиев, 1992, 2004; Тагиева, 2005), в названии которой четко выражена ее причастность к Кавказу.

Эта традиция Российской империи, касающаяся определения южных границ Кавказа, сохранилась и во времена СССР: в состав Закавказья входили три союзные республики — Азербайджан, Армения и Грузия.

В начале 1990-х годов, после развала СССР и восстановления Азербайджаном, Арменией и Грузией независимости, практически повсеместно, за исключением самой России (Возжеников, ред., 2006, с. 158—160; Гаджиев, 2003; Михайлов, ред., 2007, с. 205—213), термин «Закавказье» заменили на первый взгляд более корректным термином «Южный Кавказ» (Гамкрелидзе, 1998).

Важно подчеркнуть, что мало кто задумывается над тем, что термин «Южный Кавказ» — как и «Закавказье» — отражает исключительно российский геополитический взгляд на данный регион (Исмаилов и Кенгерли, 2002б, с. 291—293, 2007, с. 19; Ismailov and Parava, 2006, p. 11; Ismailov and Parava, 2008a, 2008b, p. 9): понятиями «Северный Кавказ» и «Южный Кавказ» как бы фиксируются нынешние и бывшие российские границы на Кавказе.

Согласно концепции Э. Исмаилова (Исмаилов, 2002; Исмаилов и Кенгерли, 2002а, 2002б, 2003), понятие «Кавказ» включает — кроме Азербайджана, Армении и Грузии, а также вышеперечисленных российских регионов — северо-восточные области Турции (илы Агры, Ардаган, Артвин, Ван, Игдыр, Карс) и северо-западные области Ирана (останы Восточ-

ный Азербайджан, Ардебиль, Гилян, Занджан, Казвин, Хамадан, Западный Азербайджан). Такое переосмысление региона основывается на том, что в этих областях Турции и Ирана исторически проживают кавказские народы, которые в течение многих веков до завоевания Россией Кавказа находились в том же этнокультурном и социально-экономическом ареале, что и остальные народы Кавказа. Исходя из этого, указанные области Турции и Ирана имеют не меньше оснований считаться «кавказскими» областями этих стран, чем регион России, именуемый Северным Кавказом.

Географически вышеотмеченные области Турции и Ирана — как и Армения, бесспорно считающаяся кавказским государством, — практически равноудалены от Большого Кавказа и частично расположены на территории Малого Кавказа.

Следовательно, Кавказский регион состоит не из двух (Северный и Южный Кавказ), как это распространено в международной практике и научной литературе, а из трех частей: Центрального Кавказа, включающего три независимых государства — Азербайджан, Армению, Грузию; Северного Кавказа, состоящего из приграничных к Кавказу автономных государственных образований Российской Федерации, и Южного Кавказа, включающего приграничные с Азербайджаном, Арменией и Грузией илы Турции (Юго-Западный Кавказ) и северо-западные останы Ирана (Юго-Восточный Кавказ).

Предложенная Э. Исмаиловым концепция Кавказа, если исходить из исторических особенностей этого региона, — полноценно отражает существующую геополитическую реальность (Метревели, 2009).

Кавказ — арена взаимодействия разных геополитических и экономических интересов (Кенгерли, 2005; Исмаилов и Полухов, 2004; Метревели, 2001; Gachechiladze, 2002; Yalowitz and Cornell, 2004), а Центральный Кавказ как бы «аккумулирует» в себе весь спектр проблем региона в целом (Nuriyev, 2007).

Если исходить из современного состояния каждой отдельной страны Центрального Кавказа и особенно их взаимоотношений³⁴, можно отметить, что вопрос о перспективах интеграционных процессов на Кавказе (Исмаилов, 2002; Исмаилов и Кенгерли, 2002а, 2002б; Исмаилов и Папава, 2006, с. 13—17; Исмаилов и Папава, 2007, с. 13—17; Ismailov and Papava, 2006, pp. 7—9; Ismailov and Papava, 2008a, 2008b, pp. 6—8) носит в определенной степени условный характер. Если придерживаться той идеи, что интеграционные процессы на Кавказе (и даже в какой-либо его части) — это всего лишь мечтания, ибо политической и культурной целостности в истории Кавказа никогда не было (Чиковани, 2005), то это приведет к исторической детерминированности общественных процессов, несостоятельность чего не раз была доказана самой же историей (Лордкипанидзе, 1998; Metreveli, 1998). Даже самая крайняя позиция, подразумевающая полную разобщенность народов Кавказа в течение многовековой истории, в настоящее время вовсе не исключает принципиальной возможности сближения, а то и совпадения некоторых глубинных интересов стран и народов региона, что никак нельзя считать удивительным в современном глобализирующемся мире. Вместе с тем, говоря о Центральном Кавказе, прежде всего необходимо принять во внимание, что на его территории находятся три конфликтных (Хаиндрава, 2002; Antonenko, 2005; Bertsch, Craft, Jones, and Beck, eds., 2000; Birch, 1996; Cheterian, 2008; Chorbajian, Donabedian, and Mutafian, 1994; Coppieters, 2001; Cornell, 2001b, 2002; Dragadze, 1999; Hunter, 1994; King, 2001; Lynch, 2004a; O'Ballance, 1997; Panico and Rone, 1994; Socor, 2004; Waal, 2003; Zverev, 1996), а точнее, оккупированных соседними государствами региона — Абхазия, Нагорный Карабах и

³⁴ Следует признать, что даже между Азербайджаном и Грузией, региональные интересы которых во многом совпадают, к сожалению, далеко не всегда существует полное взаимопонимание, что особенно остро проявляется в отношении конфликтных регионов (Welt, 1999).

Южная Осетия, из-за чего весь Центральный Кавказ не обладает достаточной политической и экономической стабильностью. Ситуация еще более усугубилась после российского вторжения в Грузию в августе 2008 года и признания Россией государственной независимости Абхазии и Южной Осетии. Проблема нестабильности на Центральном Кавказе обусловлена и тем, что непосредственно конфликтные территории становятся не только оплотом терроризма и прибежищем криминальных элементов в сфере наркотрафика и наркоторговли, но и зонами отмывания «грязных денег», похищения заложников и торговли людьми (Язькова, 2005, с. 57—58). Таким образом, идею достижения единства Центрального Кавказа (да и всего Кавказа) можно считать тем идеалом, в направлении к которому стремились бы населяющие этот регион народы (Гаджиев, 2003, с. 92).

Международные отношения стран Центрального Кавказа во многом определяются историческими корнями, которые значительным образом влияют на формирование основных направлений внешней политики этих стран (Adalian, 1995; Alieva, 1995; Novannisian, 1994; Hunter, 2000; Jones, 2003; Nodia, 1998): Азербайджан и еще в большей степени Грузия в международных отношениях ориентированы на Запад, а Армения — на Россию. Здесь же заметим, что после удорожания с апреля 2006 года газа, поставляемого Армении Россией, а также закрытия контрольно-пропускного пункта Верхний Ларс на российско-грузинской границе (через который осуществлялось единственное автодорожное сообщение Армении с Россией) даже самые пророссийски настроенные политики усомнились в стабильности политики России в отношении самых преданных своих партнеров, каковым в данном конкретном случае является Армения (Григорян, 2007, с. 98—99).

Из стран Центрального Кавказа явно выраженным сравнительным преимуществом характеризуется Азербайджан, который богат углеводородными ресурсами (Алиев, 2003). К

этому добавляется и удобное географическое положение страны, способствующее его использованию в качестве транспортного хаба (Escudero, 2001, 2002).

Исходя из географических особенностей Центрального Кавказа, использование транспортного потенциала Азербайджана во многом зависит от других стран региона — Грузии и Армении.

Для Грузии основным сравнительным преимуществом является ее географическое положение вдоль обновленного Великого шелкового пути — транспортного коридора, соединяющего Европу и Азию (Shevardnadze, 1999), что и определяет международную экономическую функцию этой страны Центрального Кавказа (Папава, 2002). У Грузии также есть возможности стать значительным транспортным звеном, связывающим Россию с Арменией и далее с Ираном.

Потенциально транспортную функцию может выполнять и Армения как в направлении Запад — Восток (Турция — Армения — Азербайджан), так и Север — Юг (Россия — Грузия — Армения — Иран) (Мухин и Месамед, 2004).

Для Армении, как и для Грузии, особенно важен транспортный коридор Запад — Юг (Грузия — Армения — Иран), связывающий Черное море с Персидским заливом³.

Проблема заключается в том, насколько международные отношения стран Центрального Кавказа способствуют использованию их сравнительных преимуществ (Папава, 2006; Asatiani, 1998).

Проблема нефти и газа в современной мировой экономике и политике настолько значима, что именно она во многом и определяет характер отношений многих государств к Центральному Кавказу. Исходя из этого, неудивительно, что углеводородные ресурсы Азербайджана и маршруты их транспор-

³⁵ В официальных кругах Армении этот коридор квалифицируется как часть коридора Север—Юг (ARKA, 2008), хотя с географической точки зрения куда точнее будет квалифицировать его как коридор Запад—Юг.

тировки, имеющие огромное геостратегическое значение (Cornell, Tsereteli, and Socor, 2005), с самого начала обусловили свои положительные и отрицательные эффекты как для этой страны, так и в целом для всего региона (O'Nara, 2004). Положительный эффект, в основном, связан с западными странами, для которых важно иметь как можно больше альтернативных источников получения нефти и газа, и поэтому они с самого начала всецело были заинтересованы в освоении азербайджанских энергоресурсов и создании альтернативных трубопроводов их транспортировки. А это, в свою очередь, обеспечило приток значительных прямых иностранных инвестиций как в Азербайджан, так и другие страны Кавказа (в Грузию и Турцию), где проходят трубопроводы. Что же касается отрицательных эффектов, то они исходили прежде всего от региональных конкурентов по добыче и транспортировке нефти и газа — России и Ирана, которые всеми имеющимися в их распоряжении средствами с самого начала старались взять под свое влияние эксплуатацию и особенно транспортировку азербайджанских углеводородных ресурсов. Иначе говоря, каспийские энергетические ресурсы могут приносить не только пользу для Центрального Кавказа, но и создавать угрозу для стран этого региона, что предопределено со стороны России боязнью усиления влияния Запада на регион, которое якобы создает опасность для ее национальной безопасности и противоречит ее интересам (Rondeli, 2002).

Необходимо отметить, что по логике, учитывая территориальную близость трех конфликтных зон на Кавказе — Абхазии, Нагорного Карабаха и Южной Осетии, трубопроводы по транспортировке азербайджанской нефти и газа в западном направлении по соображениям безопасности не должны были прокладываться, но факт налицо — они все-таки построены: заинтересованность Запада в получении энергетических ресурсов в обход России настолько велика, что даже угрозы, исходящие из конфликтных зон, не могли этому помешать (Sokov, 2008, p. 47).

Фактически российская сторона не только не была заинтересована в развитии транспортного коридора через Грузию и, в частности, в строительстве трубопроводов, проходящих по ее территории, но и не отказывалась от использования всех возможных механизмов препятствования реализации этих проектов (LeVin, 2007, Rondeli, 2002, Tsereteli, 2008). Правомерность такой оценки российской позиции в отношении транспортировки каспийских энергетических ресурсов через Грузию подтвердилась во время российско-грузинской войны в августе 2008 года, когда российская авиация бомбила и проходящие по территории Грузии трубопроводы (Jackson, 2008), пролегающие вдали от Южной Осетии, защита которой стала как бы причиной начала этой войны. Эта война не только поставила под сомнение вопрос о безопасности транспортного коридора, через который проходят трубопроводы по территории Грузии³⁶ (Jones, 2008; Mouawad, 2008; Roberts, 2008), но и способствовала росту опасности потери экономической независимости Азербайджана (Cornell, 2008b, p. 312; Ismailzade, 2008). К счастью, для восстановления доверия к транспортировке энергетических ресурсов через Грузию не понадобилось слишком много времени (Socor, 2008). Вместе с тем то, что Москве не удалось военным путем реализовать цель установления контроля над этими трубопроводами (Cohen and Szaszdi, 2009), то есть полностью монополизировать пути транспортировки энергетических ресурсов из бывшего СССР в западном направлении, еще в большей степени стимулировало американцев и европейцев усилить свое усердие в поисках возможностей развития альтернативных России путей транспортировки нефти и газа (Krastev, 2008). При этом особо актуальным для Анкары, Брюсселя и Вашингтона становится увеличение безопасности существующей трубопроводной системы

³⁶ Необходимо отметить, что одной из целей российской агрессии было усиление сомнений в отношении безопасности трубопроводов, проходящих через Грузию (Hassner, 2008, p. 250).

на территориях Азербайджана и Грузии (Chicky, 2009, p. 12). Немаловажно и то обстоятельство, что Казахстан, несмотря на тесные взаимоотношения с Россией, также в значительной степени заинтересован в безопасности транспортного коридора, проходящего через Азербайджан и Грузию (Kassenova, 2009). Так или иначе для новой администрации США проблема кавказского энергетического коридора становится одной из главных (Cornell, 2009). В то же время многие государства, заинтересованные в диверсификации трубопроводной сети, также активизировали свои усилия в этом направлении (Goble, 2009a).

Очередным шагом по углублению экономического партнерства между Азербайджаном и Грузией, а также вовлечению в этот процесс Турции может стать строительство и функционирование железнодорожной системы Карс — Ахалкалаки — Тбилиси — Баку (Lussac, 2008; Ziyadov, 2005). Необходимо подчеркнуть, что железная дорога имеет ключевое значение в геополитике Центрального Кавказа (Goble, 2009b).

В данном контексте особое значение приобретают совместные действия на международном уровне Азербайджана и Грузии, и прежде всего в рамках ГУАМ, объединяющего страны, имеющие во многом схожие интересы сохранения территориальной целостности — Грузию, Украину, Азербайджан, Молдову (Музаффарли, 2008; Чечелашвили, 2008). В настоящее время будущее ГУАМ (Goble, 2008a), в котором Азербайджан и Грузия выступают в качестве «кавказского тандема» (Папава, 2008a), во многом зависит от активизации действий Запада в его поддержку (Japaridze, 2008).

В отношениях с Турцией для Азербайджана особое значение имеет этническая, культурная и лингвистическая близость с ней, что во многих международных вопросах обуславливает единство позиций. Это, как и следовало ожидать, проявилось и при определении маршрута транспортировки нефти и газа.

Несмотря на то что наикратчайший путь, связывающий Азербайджан с Турцией проходит через Армению, выбору

этого потенциально наилучшего с экономической точки зрения транспортного маршрута воспрепятствовали сложившиеся отношения между этими странами:

- Во-первых, армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт и оккупация армянскими Вооруженными силами азербайджанских территорий вне этого региона, не говоря о разрушении железнодорожной связи Азербайджана с ее автономией — Нахчываном, однозначно определили отрицательную позицию Азербайджана к использованию армянской территории в качестве транспортного коридора.
- Во-вторых, Турция со своей стороны в поддержку Азербайджана тоже блокировала транспортные коммуникации с Арменией.

Здесь же необходимо отметить, что и у Армении есть свои претензии к Турции по поводу непризнания последней «геноцида армян» в начале XX века. К тому же относительно частая идентификация армянами азербайджанцев с турками является причиной того, что армянами азербайджанцы тоже воспринимаются причастными к этому «геноциду армян» (Hunter, 2000).

Эта ситуация с Арменией является наглядным примером, когда использованию ею сравнительного преимущества кратчайшего пути, связывающего Азербайджан с Турцией, помешали конфликтные отношения с этими странами (Aras and Foster, 1999, p. 236; Harutyunyan, 2004).

Летом 2008 года, после начала российской военной акции против Грузии, Турция возобновила свои усилия по формированию и реализации «Пакта стабильности на Кавказе» («the Caucasus Stability Pact») (Oxford Analytica, 2008), известного также под названиями «Кавказский альянс» («the Caucasus Alliance»), «Форум стабильности на Кавказе» («the Caucasus Stability Forum») или «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» («the Caucasus Stability and Cooperation

Platform»); эта идея зародилась еще в 2000 году, хотя и не получила в то время должного одобрения (Kanbolat, 2008). Уязвимость самой идеи этого Пакта заключается в том, что он предполагает вовлечение России в процессы обеспечения стабильности на Кавказе. Однако после войны против Грузии, а затем и признания Москвой в одностороннем порядке независимости Абхазии и Южной Осетии, не говоря о планах Кремля (Папава, 2008б) по поводу их возможной интеграции с Россией (Allison, 2008, pp. 1160—1161), это вряд ли можно оценивать продуктивно. При этом следует учесть и то обстоятельство, что Турция и Россия преследуют разные цели в регионе: Анкара заинтересована в усилении своей роли в регионе, в то время как Москва стремится с большей отдачей использовать все новые и новые рычаги для осуществления давления на Грузию (Goble, 2008b). Если исходить из того, что с экономической точки зрения для Турции нестабильность в Грузии представляет большую опасность, чем нарушение ее территориальной целостности (Celikpala, 2008), то этот фактор, особенно после признания Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии, может сыграть определенную роль в деле нахождения точек соприкосновения в сближении позиций Турции и России на Кавказе. Вместе с тем разногласия между Турцией и Россией в отношении Азербайджана и Армении, не говоря о проектах транспортировки каспийских энергоресурсов через Грузию и Турцию, настолько существенны, что вряд ли стоит с особой надеждой смотреть на перспективность того, что в ближайшем будущем российско-турецкое тесное сотрудничество на Кавказе станет взаимоприемлемым, уже не говоря об интересах как других стран региона, так и мировых держав. Исходя из этого, данная турецкая инициатива по реализации «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» в настоящее время выглядит весьма утопической (Мамаев, 2008).

Сама идея сотрудничества Турции и России по поводу установления и поддержания стабильности на Кавказе дает

шанс Армении преодолеть ее изолированность в региональных проектах транспортных коридоров, хотя при этом встает вопрос о возможной «цене», которую придется за это заплатить Армении. Если учесть, что такой «ценой» считается отказ Еревана от поддержки существующего режима в Нагорном Карабахе, от обвинений Турции в геноциде армян, а также от территориальных притязаний к Турции, то вряд ли можно говорить о принципиальных возможностях Армении быть интегрированной в ближайшее время в региональные транспортные проекты (Ter-Sahakyan, 2008). Исходя из этого, даже подписанное в начале октября 2009 года президентами Турции и Армении соглашение, направленное на открытие границ и нормализацию отношений, не вселяет большого оптимизма (Lobjakas, 2009; Robinson and Villelabeitia, 2009).

В данном контексте особо важно подчеркнуть, что и Москва не просто заинтересована в изолированности Армении от региональных транспортных проектов (Минасян, 2008, с. 9), а всячески способствует «калининградизации» Армении (Минасян, 2008, с. 15), то есть реализуется так называемая концепция «осажденного государства» (Минасян, 2008, с. 20). Попытки создания в Армении экономических основ для обретения независимости от Москвы, как правило, остаются виртуальными (Григорян, 2008), ибо экономика Армении практически полностью поглощена «либеральной империей» России (Минасян, 2008, с. 9—10).

Отсутствие официальных, в том числе и экономических, отношений между Арменией и Азербайджаном вовсе не исключает наличия нелегальных торговых связей (хотя и в относительно малых объемах), которые осуществляются транзитом через Грузию: несмотря на требования азербайджанской стороны не разрешать провоз товаров из Азербайджана в Армению через Грузию, грузинская сторона, ссылаясь на то, что и Грузия и Армения являются членами ВТО, эти требования не всегда выполняет, что создает некоторые трудности и в азербайджано-грузинских отношениях (Alkhazashvili, 2006).

Немаловажно отметить, что в армяно-азербайджанском конфликте Россия с самого начала не просто встала на сторону Армении, но и оказывала ей военную помощь (Уткин, 2000а, с. 110). Здесь же подчеркнем, что при прямой и откровенной поддержке сепаратистских движений в Абхазии и Южной Осетии, не говоря о непосредственной войне, Россия противопоставила себя и Грузии. В данном контексте неудивительно, что одним из направлений подрывной деятельности Москвы на постсоветском пространстве является давление на Грузию и Азербайджан в целях дестабилизации ситуации в этих странах (Brzezinski, 2007b, p. 62).

В итоге, военно-политический союз между Арменией и Россией оформился как стратегическое партнерство между этими странами. Небезынтересно отметить, что, по мнению некоторых армянских экспертов, война России против Грузии еще больше укрепила для Армении значение военного сотрудничества с Россией (Даниелян, 2008). Признав за собой авангардную оборонительную функцию России на Центральном Кавказе, Армения тем самым приобрела не совсем лестный для суверенного государства статус форпоста России на Кавказе (Cameron and Domacski, 2005; Liloyan, 2004). Важно отметить, что очевидный перевес в двусторонних отношениях в пользу России постепенно превращает Армению из партнера в вассала России (Минасян, 2008, с. 4, 6). И это не вызывает удивления, если учесть, что Москва вокруг своих границ видит либо вассалов, либо врагов (Krastev, 2008).

Исключение армянского маршрута транспортировки нефти и газа из Азербайджана на Запад способствовало росту целесообразности использования грузинского направления (Croissant, 1999), что и было фактически реализовано.

Геополитически Грузия имеет ключевое положение на Центральном Кавказе, особенно с учетом конфликта между Арменией и Азербайджаном: Грузии приходится выполнять функцию «связующего звена» региона, то есть регионального

хаба на Кавказе³⁷ (Terterov, ed., 2001, pp. 3—8). Вместе с тем следует отметить, что практически сразу же после восстановления государственной независимости Грузия сделала свой стратегический — прозападный — выбор (Rondeli, 2001).

С самого начала зарождения идеи транспортировки каспийской нефти на Запад и строительства для этих целей нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан и Южнокавказского газопровода (в обход территорий России и Ирана) Азербайджан, Грузия и Турция представляли фактически одну «команду» при значительной поддержке США (Kalicki, 2001, p. 122; Mahnovski, 2003, pp. 116—117). Это вполне соответствовало основным целям США в регионе: изоляция Ирана; превенция восстановления монопольной позиции России в регионе; поддержка Турции в увеличении влияния в регионе; поддержка американских компаний в инвестировании в регионе (Müller, 2000, p. 189).

В течение нескольких последних лет не только повысилось внимание Европейского союза (ЕС) к странам Черноморского и Каспийского регионов (Комиссия европейских сообществ, 2008; Grabbe, 2004; Grgic and Petersen, 2008a, 2008b; Lynch, 2004b; Mkrtchyan, Huseynov, and Gogolashvili, 2009), но также происходит постепенное сближение интересов ЕС и США в регионе (Cornell and Starr, 2006). Проблема объединения усилий ЕС и США на Кавказе стала еще более актуальной после российско-грузинской войны (Triantaphyllou and Tsantoulis, 2008). Необходимо подчеркнуть, что проекты транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия (TRACECA) и межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу (INOGATE) в наибольшей степени соответствуют европейскому взгляду на развитие Центрального Кавказа (Rondeli, 2004, p. 52). Более того, система трубопроводов Черноморского региона может быть использована как значительная составляющая стра-

³⁷ Необходимо заметить, что Кавказ в целом рассматривается как «связующий узел» между Западом и Востоком (Ahmadian, 1998, p. 24).

тегии ЕС «Расширение Европы», и в этом плане значение Грузии и Азербайджана, претендующих на вступление в европейские и трансатлантические структуры, очень важно (Ваган, 2004, р. 120).

Не случайно, что каспийская политика США, направленная на превенцию восстановления монопольной позиции России в регионе, воспринимается как антироссийская. Согласно же официальной позиции США, каспийские энергетические ресурсы являются ареной для потенциального сотрудничества с Россией (Laggabee, 2004; Mann, 2003, pp. 152—153). Максимальный положительный эффект как для стран-экспортеров, так и для стран-импортеров энергетических ресурсов, а также для транзитных стран может быть достигнут только путем гармонизации сети трубопроводов, когда принципы взаимодополняемости и взаимоподстраховки путей транспортировки этих ресурсов преобладают над принципом альтернативности этих путей (Parava and Tokmazishvili, 2008). В то же время Россия, руководствуясь так называемым «энергетическим эгоизмом», как составной частью традиционного российского националистического взгляда на мир (Milov, 2008, р. 18), всячески старается быть в доминирующем положении в Каспийском бассейне (Благов, 2008).

Реализация принципов сотрудничества и партнерства между странами региона может обеспечить соблюдение их интересов. К сожалению, понимание и практическое следование этим принципам в регионе наиболее сложно для российской стороны (Parava, 1998; Parava and Gogatadze, 1998; Zubarevich and Fedorov, 1999). Так, по признанию российских же экспертов, в вопросе против формирования транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия стратегическими партнерами России являются Иран и Армения (Загашвили, 2000, с. 188). О совпадении ряда интересов России и Ирана в регионе (Cornell, 2001a, pp. 85—88; Freedman, 1997) и конкретно в отношении каспийских энергетических ресурсов (и не только) говорят как эксперты по России (Гаджиев, 2003, с. 432, 434—439), так

и по Ирану (Мальшева, 2000; Maleki, 2003/2004). Более того, по признанию российских же экспертов, Россия ведет «энергетическую войну» в отношении некоторых бывших советских республик, в том числе Грузии и Азербайджана (Дружиловский, 2006, с. 80).

Современная российская политика на Центральном Кавказе во многом определяется остротой проблем Москвы на Северном Кавказе. В частности, для Москвы однозначно, что любое послабление в адрес северокавказских республик в их стремлении к государственной независимости может привести к дезинтеграции всего российского государства (Kolossoff and Toal, 2007, pp. 211, 221). Поэтому Москва кровно заинтересована в усилении своего «присутствия» и южнее Кавказского хребта, чтобы, по крайней мере, снять все вопросы о целостности и неприкосновенности своих нынешних границ на Кавказе.

Говоря о российской политике на Центральном Кавказе (Язькова, 2009), нельзя обойти вниманием современное евразийское видение проблем обустройства «по-евразийски» всего Кавказа (Алиев, 2005) и стратегических партнеров России в регионе. В частности, согласно так называемому «новому геополитическому порядку на Кавказе», необходимо отказаться от образований типа «государство-нация», этого можно достичь путем создания «Кавказской Федерации», которая объединила бы в себе как российский Северный Кавказ, так и Азербайджан, Армению и Грузию (Дугин, 1997, с. 351—352). При этом Абхазию надо напрямую связать с Россией, Северная Осетия-Алания и Южная Осетия должны объединиться (Дугин, 1997, с. 351), а с Нагорным Карабахом Москве следует наладить прямые связи с целью придания ему так называемого статуса «точки равновесия всей кавказской геополитической системы» (Дугин, 1997, с. 353). Что же касается стратегических партнеров России в осуществлении этой модели обустройства Кавказа «по-евразийски», то таковыми считаются

Армения, «традиционный и надежный союзник России на Кавказе», и Иран (Дугин, 1997, с. 352).

Нетрудно заметить, что современная политика России на Центральном Кавказе, к сожалению, строится не на понимании того обстоятельства, что России выгоднее иметь дело с едиными, целостными и стабильными странами Центрального Кавказа (Гаджиев, 2003, с. 295), а практически совпадает с рассмотренным евразийским подходом к конфликтным регионам и стратегическим партнерам.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что подход евразийцев к народам Кавказа всегда был не просто захватническим, но и в некоторой степени унижительным. Так, один из первых русских евразийцев Николай Трубецкой полагает, что из всех центральнокавказских народов азербайджанцы (которых он называет «азербайджанскими татарами») наиболее постоянны в своих русофобских настроениях, но из-за экономической значимости территории (из-за бакинской нефти, шелководства и хлопковых плантаций), где они проживают, их отделение от России считает недопустимым (Трубецкой, 2007, с. 565). Также недопустимым он считает предоставление политической независимости Грузии, и опять-таки по причине бакинской нефти (Трубецкой, 2007, с. 564—565); а армян, хотя и квалифицирует их как приверженцев русской ориентации, тем не менее оскорбительно называет народом-паразитом и рабом, вызывающим всеобщую антипатию (Трубецкой, 2007, с. 564). Не в лучшей тональности фиксируется и отношение к некоторым народам Северного Кавказа (Трубецкой, 2007, с. 569—572).

К сожалению, евразийскому течению русской геополитической школы всегда было присуще рассмотрение Центрального Кавказа исключительно через призму российских имперских амбиций, в то время как будущее стран Центрального Кавказа во многом зависит от урегулирования конфликтов в регионе и принципиального изменения подходов кавказских соседей по отношению к этим странам: Азербайджан, Арме-

ния и Грузия должны восприниматься ими не столько объектами сфер их влияния, сколько партнерами в региональных экономических (и не только) проектах.

2.3. Центральная Азия и Большая Центральная Азия: основные геополитические проблемы и евразийство

Центральную Азию как географический регион мира в середине XIX века выделил Александр фон Гумбольдт. По определению ЮНЕСКО, Центральная Азия включает пять бывших советских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), Монголию, Афганистан, Западный Китай, а также некоторые районы Индии, Пакистана и Ирана (Asimov, 2001).

Исследование геополитических проблем, связанных с Центральной Азией, стало особенно актуальным после развала СССР, когда в этом регионе появились пять новых независимых государств, входивших ранее в состав Советского Союза (Banuazizi and Weiner, ed., 1994; Ferdinand, ed., 1994; Fuller, 1990; Mesbahi, ed., 1994). Несмотря на почти двадцатилетнюю историю этих новых независимых государств, система знаний — «центральноазианизм» — все еще требует не только значительного накопления, но и в некоторой степени обновления (Толипов, 2005, с. 127). Вместе с тем, несмотря на политическую и экономическую гетерогенность этого региона, он уже стал геополитическим субъектом (entity) (Cotter, 2008).

Под влиянием, по всей видимости, работ советских времен, в некоторых геополитических исследованиях в понятие Центральной Азии включаются только пять бывших советских республик — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан (Менон, 2007, р. 3), что с географичес-

кой (и не только) точки зрения неправомерно, ибо вне границ этого региона остаются Афганистан, Монголия и сопредельные с этими странами районы вышеперечисленных государств (Naby, 1994, pp. 35—36).

Иногда в состав стран Центральной Азии включается и Азербайджан (Dowling and Wignaraja, 2006, p. 10), что вряд ли можно считать оправданным, ибо он, вне каких-либо сомнений, — имманентная часть другого региона — Кавказа.

Не менее сомнительна и идея включения России в состав центральноазиатских государств на основе того, что в октябре 2004 года она вступила в Организацию «Центральноазиатское сотрудничество» (ЦАС) (Толипов, 2007б, с. 19), учрежденную Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном двумя годами раньше. Следуя данной логике, из числа центральноазиатских государств придется исключить Туркменистан, так как он не входит в Организацию ЦАС. Иначе говоря, статус членства того или иного государства в той или иной региональной организации не может быть использован в качестве единственного критерия для определения того, находится данное государство в этом конкретном регионе или нет.

В начале данного исследования мы отмечали, что в советское время в отношении этого региона использовался термин «Средняя Азия», объединивший Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Казахстан, как правило, рассматривался самостоятельно, то есть вне рамок Средней Азии (Lewis and Wigen, 1997, p. 179). Хотя в западной экономической литературе распространен термин «Центральная Азия», некоторые современные российские авторы продолжают использовать термин «Средняя Азия» (Дугин, 1997, с. 353—359), который, в отличие от советских времен, уже включает в состав этого региона и Казахстан. Что же касается так называемого «казахстанского взгляда» на данную проблему, то, согласно ему, из-за угроз с юга целесообразно отказаться от названного извне термина «Центральная Азия» и вернуться к термину советских времен «Средняя Азия и Казахстан» (Аким-

беков, 2005), что, мягко говоря, вызывает сожаление, ибо такой подход к Казахстану является как бы «отголоском» из советского прошлого.

Наряду с термином «Центральная Азия» в научный оборот введен и термин «Большая (Greater) Центральная Азия». Этим термином в начале 1990-х годов обозначали регион, который, кроме Центральной, включал в себя Юго-Западную и Южную Азию (Sanfield, 1992, p. 875). Согласно современному, более уточненному геополитическому определению Большой Центральной Азии, к этому региону относят (вместе с вышеназванными пятью бывшими советскими республиками) Афганистан (Starr, 2005a, p. 16, 2005b, 2008)³⁸, а также Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (Тянь, 2009).

С учетом вышеприведенных, порой даже противоречащих друг другу суждений о понятии «Центральная Азия», можно констатировать, что, к сожалению, консенсус по поводу содержания этого термина еще не достигнут (Lewis and Wigen, 1997, p. 179).

С целью краткой характеристики новых независимых государств Центральной Азии прежде всего необходимо отметить, что установленные там политические режимы по прошествии почти двух десятилетий имитационных реформ все еще остаются различными комбинациями авторитаризма (Джангужин, 2005, с. 54). Следуя более четкой классификации, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан являются полуавторитарными государствами, в то время как в Узбекистане и Туркменистане установлены авторитарные, если не диктаторские режимы (Warkotsch, 2008, p. 62).

Среди наиболее актуальных проблем региона, кроме демократизации государственного устройства (Толипов, 2007a), можно выделить опасность религиозно-политического экстр-

³⁸ О пионерной роли профессора Фредерика Старра в разработке концепции «Большой Центральной Азии» см., например (Тулупбергенова, 2009, с. 91—92).

ремизма (Абишева и Шаймергенов, 2006; Назиров, 2003). Ситуация в регионе отягчается и тем, что приграничные районы этих государств, там, где их границы не демаркированы, не только являются спорными, но и превратились в место пограничных конфликтов (Зиядуллаев, 2006, с. 146). Остро стоит в регионе и проблема, связанная с наркобизнесом (Жмуйда и Морозова, 2002; Osmonaliev, 2005). А среди региональных экономических и экологических проблем первое место занимает проблема рационального использования водных ресурсов (Примбетов, 2006, с. 137; Сидоров, 2003; Spoor and Krutov, 2005), ибо даже они являются источником конфликтов в регионе (Сидоров, 2003).

Регион привлекает к себе внимание иностранных инвесторов в энергетической сфере, ибо в трех государствах — Казахстане, Туркменистане и Узбекистане — имеются значительные запасы нефти и газа (Бабак, 2006; Каменев, 2003; Кенисарин, 2004), хотя авторитарные режимы президентского правления (Куртов, 2002) и высокий уровень коррупции (Marat, 2006), несовершенство налоговой системы и неразвитость банковской системы, незащищенность прав собственности и ряд других институциональных проблем, в той или иной степени касающихся этих стран, отрицательно влияют на их инвестиционный климат (Starr, 2003).

На фоне нефтегазовых запасов в перечисленных трех странах Центральной Азии Кыргызстан и Таджикистан располагают значительными гидроресурсами (Куртов, 2004; Ниязи, 2003а; Петров, 2003, 2004), что создает реальные возможности формирования в регионе общего рынка электроэнергетики (Курганбаева, 2004, с. 178).

Несмотря на то что между Казахстаном и Узбекистаном все еще продолжается конкуренция за лидерство в регионе (Зиядуллаев, 2006, с. 147)³⁹, именно эти страны, подписав в

³⁹ Некоторые эксперты считают, что никакого соперничества в регионе между Казахстаном и Узбекистаном нет, что это ложный стереотип,

1993 году Соглашение об углублении экономической интеграции между ними на период 1994—2000 годов, инициировали начало процесса экономической интеграции в Центральной Азии (Примбетов, 2006, с. 139). В 1994 году они подписали Договор о едином экономическом пространстве, к которому вскоре присоединились Кыргызстан и Таджикистан (Примбетов, 2006, с. 139). В 1998 году была сформирована региональная организация этих государств, названная Центральноазиатским экономическим сотрудничеством (ЦАЭС), которая в 2002 году была преобразована в Организацию ЦАС (Ушакова, 2003). Эти государства вместе с Беларусью и Россией, как было отмечено выше, стали членами ЕврАзЭС, являясь к тому же и членами СНГ. Необходимо отметить, что все эти международные организации и соглашения не в состоянии преодолеть многие препятствия на пути к экономической интеграции стран Центральной Азии. Это, прежде всего, вызвано тем, что страны региона не научились идти на уступки друг другу (Койчуманов, 2003, с. 166).

Немаловажно заметить, что эти четыре государства Центральной Азии вместе с Россией входят в инициированную Китаем Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), деятельность которой охватывает проблемы обеспечения мира, стабильности и безопасности в Центральной Азии, противодействия терроризму, сепаратизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, урегулирования нелегальной миграции, а также развития экономического, научно-технического, образовательного и культурного сотрудничества (Гуанчэн, 2002; Гуан, 2003; Зиядуллаев, 2006, с. 148—151; Шаймергенов и Тусупбаева, 2006).

ибо последний, подписав с Россией в октябре 2005 года союзнический договор, фактически добровольно уступил лидерство Казахстану (Толипов, 2006, с. 26). Безотносительно данного факта необходимо признать, что Казахстан объективно выполняет функцию регионального лидера (Weitz, 2008).

Из интеграционных процессов, протекающих в Центральной Азии, практически само себя исключило (Эсенев, 2001, с. 57) одно из наиболее закрытых (Дадабаев, 2006, с. 148) и недемократических (Куртов, 2006) государств мира — Туркменистан, который, ссылаясь на нейтральный статус страны (зафиксированный специальной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1995 г.), воздерживается от участия в каких-либо многосторонних союзах, блоках, организациях и т.п. (Каменев, 2002, с. 93). В то же время необходимо отметить, что в 1990-х годах создавалось ложное впечатление о том, что якобы нейтральный статус способствовал развитию сотрудничества Туркменистана с международными и региональными организациями (Эфегил, Олжай и Кыдык, 2000).

Роль Афганистана в Большой Центральной Азии особенно возросла после начала антитеррористической кампании в этой стране (Лаумулин, 2002; Олимова и Олимов, 2002), что нашло отражение в разработке и реализации международных проектов в отношении этого государства и в его контексте — для всей Большой Центральной Азии (Starr, 2004, 2005a).

В контексте современных интерпретаций маккиндеровской концепции «Хартленда» роль и значение Центральной Азии оцениваются по-разному. Так, в противовес современным российским евразийцам, которые, как уже было отмечено выше, считают, что «осевой регион» географически тождественен России, некоторые эксперты из Центральной Азии именно последней «приписывают» статус «осевого региона», а Кыргызстан считают сердцевиной, то есть «Хартлендом» этой территории, при этом не отрицают принадлежность к ней также и Казахстана, и Узбекистана (Матикеева, 2005, с. 29). Есть и несколько иная интерпретация местонахождения Центральной Азии в «Хартленде», согласно которой Средняя Азия в ее советском понимании остается «вмонтирована» в его («Хартленда») крайнюю южную оконечность (Дака, 2005, с. 69). Поводом изменения «Хартленда» и «Римленда» для не-

которых экспертов является проведение антитеррористической операции в Афганистане, в результате чего делается предположение, что Центральная Азия может стать тем регионом, который из-за стратегической важности не будет «покрыт» «Хартлендом» или «Римлендом» как подчиненный объект, а будет представлять в «Хартленде» и «Римленде» самое себя (Толипов, 2003, с. 123).

Куда более интересной (очевидно, из-за научности) является постановка вопроса о влиянии на экономическое развитие стран Центральной Азии того обстоятельства, что они не имеют непосредственного выхода к мировому океану. Так, согласно Джеффри Саксу, который считает, что в условиях глобализации экономическое процветание может стать всеобщим достоянием, возможности государств Центральной Азии из-за существующих географических препятствий на пути транспортировки различных грузов оцениваются скептически (Sachs, 1997). Такое видение проблемы полностью вписывается в современное толкование влияния географии на экономическое развитие в условиях глобализации (Kaplan, 2009; Krugman, 1993). Исходя из результатов исследований, согласно которым перевозка грузов по суше на один дополнительный километр по стоимости приравнивается к перевозке тех же грузов по морю на семь дополнительных километров, делается заключение о значительных экономических сложностях для тех государств, которые находятся далеко от морских побережий (Hausmann, 2001, p. 46). Из сказанного вовсе не должно вытекать, что Центральная Азия якобы напоминает тупик глобализирующегося мира, ибо регион, олицетворяя Великий шелковый путь, является перекрестком мировых маршрутов практически всех сторон света (Хекимоглу, 2005, с. 91).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что экономические перспективы развития стран Центральной Азии из-за отмеченных географических сложностей отнюдь не должны восприниматься мрачно, ибо первостепенным интересом США в

регионе является обеспечение беспрепятственного финансово-экономического доступа к нему мирового сообщества (Бжезинский, 2005а, с. 178).

Согласно современным российским евразийцам, «Средняя» (по терминологии евразийстов, а по общепринятой терминологии «Центральная») Азия является геополитическим пространством, выводящим «Хартленд» к Индийскому океану (Дугин, 1997, с. 353). Включая Центральный Казахстан в «русский Восток», евразийсты прежде всего планируют интеграцию Казахстана в общий континентальный блок с Россией (Дугин, 1997, с. 354). Далее, по их мнению, необходимо прервать любое влияние атлантической Турции на регион, используя в качестве главного союзника России Иран, в результате чего регион надо «растянуть» между русскими и персами (Дугин, 1997, с. 354—355). При этом пересмотру должны подлежать территории всех стран «советской» Средней Азии таким образом, чтобы замкнуть территории, экономические циклы и т.п. вне тюркского ареала (Дугин, 1997, с. 355). Ставка на успех в установлении так называемого «нового евразийского порядка в Средней Азии» делается на Таджикистан, ибо таджики этнически близки к иранцам и афганцам, а граница между Таджикистаном и Афганистаном не должна восприниматься как строгая линия (Дугин, 1997, с. 355). Здесь же заметим, что подобная евразийская модель «перекройки» Центральной Азии исходит исключительно из имперских амбиций России и, как правило, никоим образом не отражает интересы государств и народов данного региона.

В российском общественном мнении бытует восприятие Центральной Азии как смешения (amalgamation) исламизма, терроризма и мафии, хотя при этом, исходя из евразийского мировосприятия, российская политическая элита считает этот регион необходимой тяжелой ношей России (Laruelle, 2008а).

Нельзя не согласиться со здоровой оценкой относительно слабых экономических, военных или даже моральных воз-

возможностей России по вовлечению стран Центральной Азии в евразийскую империю, что, как правило, русскими евразийцами не учитывается (Rumer, 2002, pp. 49—50). Фактически за прошедшие двадцать лет страны Центральной Азии, несмотря на все старания Москвы (Lefebvre and McDermott, 2008), исходя исключительно из собственных интересов, в той или иной степени научились лавировать между различными странами, соревнующимися между собой в реализации своих интересов (Spechler and Spechler, 2008).

В суждениях, свойственных российским евразийцам, не уступают и их казахстанские единомышленники, которые считают, что Казахстан — сугубо евразийское государство, а это в принципе должно исключить его принадлежность к Центральной Азии. Как следствие делается заключение, что он не является центральноазиатской страной, а лишь географически граничит с Центральной Азией (Назарбаева, 2003). Правда, в отличие от других центральноазиатских республик небольшая часть Казахстана — Западный Казахстан — географически относится к восточной Европе (Джангужин, 2005, с. 18; Хачиев, 2006, с. 137), но исторические корни этой страны и других стран Центральной Азии глубоко переплетены (Толипов, 2006, с. 24; Starr, 2009). Да и современное политическое устройство Казахстана, основанное на максимальном продлении президентского срока, не отличается от режимов других республик Центральной Азии (Толипов, 2006, с. 25), что также подтверждает необоснованность выделения этой страны из данного региона. Самое главное, что вычленение Казахстана из Центральной Азии и его провозглашение евразийским государством — фактический отказ от независимости Казахстана, его поглощение Россией (Толипов, 2006, с. 19).

Небезынтересно отметить, что автор данных критических замечаний в адрес рассуждений о выделении Казахстана из Центральной Азии и его признания как евразийского государства, хотя и подчеркивает, что сама идея евразийства, в

том числе и евразийство Казахстана, не просто миф, а геополитическая провокация (Толипов, 2006, с. 19), но вместе с тем вовсе не исключает возможности возвращения Центральной Азии (включая Казахстан) в Евразию (где она была в составе СССР) после того, как она сможет реализовать свою геополитическую самоидентификацию (Толипов, 2006, с. 20). Здесь, естественно, встает вопрос о готовности стран Центральной Азии хотя бы в будущем отказаться от фактической независимости в пользу России, не говоря о том, как это можно интегрироваться в Евразию, если она, используя выше приводимую терминологию, основывается на «мифе» или тем более на «геополитической провокации».

Разделяя рассматриваемое критическое отношение к идеям евразийства, необходимо признать, что, по нашему мнению, осознание значения независимости, а также осмысление будущего в странах Центральной Азии (если не во всех, то хотя бы в большинстве) все еще являются проблемами, которые к настоящему времени вряд ли следует считать разрешенными.

2.4. «Центральная Кавказия» — новая геополитическая концепция

Выше, рассматривая вопрос о соотношении географического и геополитического толкований Евразии, мы пришли к заключению о сужении российскими евразийцами географических границ этого континента в своих геополитических целях: обоснование имперских намерений России в Евразии.

Что же касается Центральной Евразии, то, как было сказано выше, географическая Центральная Евразия как центральный регион континента Евразии фактически полностью охватывает географическую Центральную Азию, а Центральная Европа туда не включается. Выше также было подчеркнуто, что если исходить из той логики, что географическая Ев-

разия как континент состоит из двух частей света — Европы и Азии, географическая Центральная Евразия вместе с Центральной Азией, естественно, должна включать в себя и Центральную Европу, а также объединяющий их Центральный Кавказ. При этом любое толкование Центральной Евразии, отличающееся от рассмотренного логического обоснования данного региона, хотим мы того или нет, является как бы данью традиции, сформированной русским евразийством.

Вместе с тем налицо значительный научный (и не только) интерес совместного рассмотрения проблем стран Центрального Кавказа — Азербайджана, Армении, Грузии и Центральной Азии — Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана (Bertsch, Craft, Jones, and Beck, eds., 2000; Olikier and Szayna, eds. 2003; Sabahi and Warner, eds., 2004). И этот регион, представленный восемью перечисленными странами, в настоящее время принято называть Центральной Евразией (Amineh and Houweling, 2005, pp. 2—3; Fairbanks, Nelson, Starr, and Weisbrode, 2001, p. vii; Meyer, 2004, p. 206; Xuetang, 2006, p. 117)⁴⁰. Этим же термином обозначается и регион, который, кроме указанных восьми стран, охватывает и Афганистан (Исмаилов и Эсенов, 2005), ибо, как было отмечено выше, он, наряду с перечисленными пятью центральноазиатскими республиками, входит в состав Большой Центральной Азии.

Существует и более широкое толкование Центральной Евразии, согласно которому эта территория включает в себя Черноморский, Кавказский, Каспийский и Центрально-Азиатский регионы (Дарабади, 2006, с. 10). Очевидно, что такое определение Центрально-Евразийского региона вряд ли мож-

⁴⁰ Из общепринятых трактовок Центральной Евразии явно выпадает отождествление этого региона с Россией (Maisaia, 2007, p. 16). Подобное толкование данного региона конечно же следует признать ошибочным, ибо, если Россия это Центральная Евразия, то тогда неясным остается местонахождение Северной Евразии.

но считать конструктивным — и не только потому, что оно не является четким, но и в силу того, что налицо и явное «перекрытие» составляющими его упомянутыми регионами.

Термин «Центральная Евразия» — так, как он используется в настоящее время, — не только географически не отражает суть региона, включающего перечисленные страны, но в то же время является носителем российской имперской амбиции, основанной на отождествлении России с Евразией. Если исходить из этого, то естественным образом возникают вопросы: как географически правильнее назвать регион, объединяющий упомянутые восемь стран? И что общего между ними, из-за чего и геополитически имеет смысл их объединенного рассмотрения?

В настоящее время эти восемь стран, исходя из различных целей исследования, рассматриваются в составе более обширных регионов, включающих также и другие страны. К таковым относятся, например, «Евразийские Балканы» (Бжезинский, 2005a) или «Большой Ближний Восток» (Kemp and Narkavy, 1997).

Если исходить из того, что все рассматриваемые восемь стран практически сразу же после развала СССР стали членами СНГ, то неудивительно, что они рассматривались и в контексте этой институционально сформированной организации. По мнению многих экспертов, СНГ, как маргинальная организация (Åslund and Kuchins, 2009b, pp. 121—122), чуть ли не с момента своего существования переживает определенные сложности в интеграционных процессах (Гринберг, Зевин и др., 2001; Козик и Кохно, 2001; Шульга (рук. авт. колл.), 2001; Шумский, 2001, 2003, 2004). И одна из главных причин тому — поддержание ограниченности интеграционных процессов рамками СНГ по определенной аналогии с той замкнутостью производственной кооперации, которой характеризовалась экономическая система СССР (Coppieters, 1998, pp. 194—197; Olcott, Åslund, and Garnett, 1999). Российско-грузинская война, а в дальнейшем и одностороннее признание Москвой го-

сударственной независимости Абхазии и Южной Осетии ставят под сомнение целесообразность существования этой организации, которая формально признает нерушимость границ государств, входящих в него (Allison, 2008, p. 1161). После начала российской агрессии Грузия объявила о выходе из состава СНГ (Сивил Джорджия, 2008а, 2008б), что помимо других сложностей еще в большей степени поставило под сомнение будущее СНГ (Лиллис, 2008; Blank, 2008).

В научной литературе широко распространен и термин «Каспийский регион», которым в соответствующих публикациях охватываются, как правило, различные комбинации подрегионов. Вряд ли этот термин можно использовать для характеристики региона, состоящего из восьми перечисленных стран, ибо логически под «Каспийским регионом» следует подразумевать страны, окружающие Каспийское море, — Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан (Салыгин и Сафарян, 2005). Несмотря на это, есть и весьма вольные толкования данного региона. Так, согласно одному из них, под Каспийским регионом подразумевают западную часть Центральной Азии, Южную Россию, Северный и Центральный Кавказ, а также Северный Иран (Дарабади, 2002, с. 6, 2003, с. 77); согласно же другому толкованию, наряду с перечисленными прикаспийскими государствами к Каспийскому региону относят Армению, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и отчасти Афганистан, Пакистан, даже Ближний Восток (Sasley, 2004, p. 194). Очевидно, что в случае первого толкования регион «покрывает» лишь небольшую часть Центральной Азии; в то же время он охватывает и территории, которые не принадлежат рассматриваемым восьми странам. Что касается второго толкования, термин «Каспийский регион», кроме рассматриваемых восьми стран, включает в себя и многие другие страны (не говоря о целых регионах), принадлежность которых к данному региону не всегда обоснована. Чуть более удачным можно считать включение в «Каспийский регион» Азербайджана, Армении, Гру-

зии, Казахстана, Туркменистана, а также соответствующих частей Ирана и России (Weitz, 2008, p. 9), хотя вряд ли стоит считать обоснованным включение в этот регион Армении и Грузии. А если согласиться с таким подходом и признать, что эти две страны, не имеющие непосредственного выхода к Каспийскому морю, все таки принадлежат к этому региону, то тогда естественным образом возникает вопрос, почему же Иран и Россия лишь частично должны быть включены в состав стран «Каспийского региона»?

Следовательно, в любом варианте термин «Каспийский регион» мало пригоден для наших целей идентификации региона, охватывающего вышеперечисленные восемь стран — Азербайджан, Армению, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Ненамного лучше (с точки зрения поставленного нами вопроса об идентификации перечисленных восьми стран) и термин «Кавказско-Каспийский регион», который, согласно использующим его авторам, полностью охватывает Кавказ (Добаев и Дугин, 2005, с. 91), но при этом они не только не оговаривают степень включения в данный регион Центральной Азии, но даже используют такую фразу, как «Кавказско-Каспийский и Центрально-Азиатский регионы» (Добаев и Дугин, 2005, с. 94), чем подчеркивается нахождение Центральной Азии как бы вне Кавказско-Каспийского региона. При более расширенной и, тем самым, более расплывчатой трактовке под Кавказско-Каспийским регионом понимается весь бассейн Каспийского моря, западные провинции Центральной Азии, Северный Кавказ, восточные районы Турции, северные районы Ирана и отчасти Черноморский бассейн (Мурadian, 2008, с. 241). В других же случаях и вовсе не дается более или менее четкого определения термина «Кавказско-Каспийский регион» (Maisaia, 2007).

Куда более точен термин «Кавказско–Центрально-Азиатский геополитический регион» (Максименко, 2000, с. 64), хотя он «покрывает» и территории, выходящие за границы пере-

численных восьми стран, ибо Кавказ, как известно, охватывает не только Азербайджан, Армению и Грузию.

Если исходить из того, что рассматриваемые восемь стран образуют два подрегиона — Центральный Кавказ и Центральную Азию, то охватывающий их более крупный регион можно назвать **Центральной Кавказией** (Папава, 2007б, с. 47, 2008в, с. 44; Равава, 2008): *в этом случае сохраняется слово «Центральная», которое является характерным, ключевым для обоих подрегионов, а слово «Кавказия» — производное от «Кавказ» и «Азия»*⁴¹. Формирование слова «Кавказия» на английском языке несколько осложнено, так как его дословный перевод — «Caucasia» является синонимом слова «Caucasus», что на русском означает «Кавказ». Поэтому, мы предлагаем написание «Кавказия» на английском как «Caucaso-Asia» (Равава, 2008б), или «Caucasasia» (Равава, 2008а, pp. 38—39), и, следовательно, «Центральная Кавказия» на английском будет «Central Caucasio-Asia». Если же рассматривать не восемь, а девять стран региона (включая Афганистан), то в данном случае этот регион будет правильным назвать «Большой Центральной Кавказией», а на английском — «Greater Central Caucasio-Asia».

Говоря о Центральной Кавказии как о едином регионе, необходимо отметить, что из-за отсутствия политической или культурной гомогенности он не является интегрированным (Weisbrode, 2001, p. 13). В месте с тем у стран, входящих в этот регион есть много общего, что и представляет интерес для их рассмотрения в рамках единого региона (Исмаилов и Эсенев, 2005; Музаффарли, 2006).

Очевидно, что после развала СССР все центральнокавказийские страны имели практически одинаковые «стартовые» условия, это прежде всего отсутствие большинства институтов государственности, довольно низкий уровень политичес-

⁴¹ Такое определение Центральной Кавказии разделяется и другими исследователями (Sengupta, 2009, p. 69).

кой культуры и наличие экономики командного, то есть коммунистического, типа. Все эти три компонента «стартовых» условий не просто взаимосвязаны, но и взаимообуславливают возможности реформирования указанных стран. Так, отсутствие большинства институтов государственности, как правило, препятствует развитию политической культуры, что, в свою очередь, сдерживает формирование демократических институтов, а также осложняет процесс перехода к рыночной экономике (Папава и Беридзе, 2005, с. 68—69; Walcerowicz, 1995, р. 146; Papava, 1996, р. 252, 2005а, р. 13, 2005b, р. 78), что отражается и на темпах демократических преобразований, а это, в свою очередь, является серьезным препятствием для осуществления полноценных рыночных реформ (Пшеворский, 2000; Greskovits, 1998). В той или иной степени все указанные проблемы нашли свое отражение в политических и экономических преобразованиях в странах Центральной Кавказии. Немаловажно отметить, что в остальных центральнокавказийских странах (за исключением Казахстана) наблюдается обратная зависимость между наличием богатых углеводородных ресурсов и темпами рыночных преобразований, когда подобные ресурсы не обуславливают должные экономические стимулы для рыночных реформ (Åslund, 2003). К тому же, как и во времена СССР, экономика стран Центральной Кавказии чрезмерно политизирована (Simons, 2008, р. 7).

Центральная Кавказия и (тем более) Большая Центральная Кавказия характеризуются конфликтными подрегионами (Лунев, 2006, с. 15—16; Weisbrode, 2001), которые в той или иной степени препятствуют как экономическому развитию отдельных стран, так и использованию возможностей, появляющихся в данном регионе при совместном задействовании в соответствующем направлении нескольких стран. Немаловажно заметить, что во все региональные конфликты на постсоветском пространстве Россия вовлечена и в военном отношении, и политически (Simons, 2008, р. 47).

Одной из главных особенностей Центральной Кавказии является то, что этот регион богат углеводородными ресурсами (Алиев, 2003; Gelb, 2008; Gelb and Twyman, 2004; Victor, Jaffe, and Hayes, eds., 2006), что делает его особенно привлекательным не только в инвестиционном плане (Starr, 2003), но и в контексте установления политического влияния над этим регионом мировых и региональных держав (Mankoff, 2009; Makni, 2008). Это вполне объяснимо, если учесть, что в настоящее время происходит интеграция энергетической политики с внешней политикой этих держав (Hill, 2004; Kalicki and Goldwyn, eds., 2005; Rakel, 2005; Sherman, 2000). Вместе с тем необходимо отметить, что над энергетической политикой стран Центральной Азии все еще довлеет российский фактор (Томберг, 2003), и это, по всей видимости, труднопреодолимое наследие советской эпохи.

Большое значение имеет и то, что Центральный Кавказ и Центральная Азия способны в полном объеме задействовать возможности, заложенные в их *взаимодополняемости*. В частности, отмечается большой спрос стран Запада на нефтегазовые ресурсы Центральной Азии, а государства Центрального Кавказа заинтересованы не только в транспортировке собственных нефтегазовых ресурсов на Запад, но и в задействовании энергетического (и не только) транспортного коридора, связывающего Восток с Западом (Chase, 2002; Kalicki, 2001; Kalicki and Elkind, 2005; Makhmudov, 2002; Müller, 2000; Roberts, 2001; Starr and Cornell, 2005), вследствие чего Центральный Кавказ может выполнять функцию соответствующего «моста», открывающего геополитически закрытую для Запада Центральную Азию (Эйвазов, 2004, с. 132).

В данном контексте особо следует отметить, что, согласно Збигневу Бжезинскому, из стран Центральной Кавказии Азербайджан является единственным среди важных геополитических центров всего географического континента Евразия (Бжезинский, 2005а, с. 56). Статус же «геополитического центра» (Бжезинский, 2005а, с. 55) определяется географическим

положением государства и последствиями его потенциальной уязвимости в результате действий «активных геостратегических действующих лиц» (Бжезинский, 2005а, с. 54), к каковым относятся государства, обладающие реальной способностью и национальной волей для осуществления власти и распространения влияния за пределами своих границ.

Характеризуя Азербайджан с его огромными углеводородными ресурсами как «пробку в сосуде» («cork in the bottle»), содержащем богатства Каспийского моря и Центральной Азии, Збигнев Бжезинский тем самым подчеркивает, что независимость государств Центральной Азии практически зависит от независимости Азербайджана от Москвы (Бжезинский, 2005а, с. 62, 155). Помимо Азербайджана, для США в Центральной Кавказии Казахстан имеет особое значение, что проявляется в намерениях и действиях американцев по максимизации инвестирования (Уткин, 2000а, с. 105).

Если признать в качестве стержня государственных интересов стран Центральной Кавказии упрочение и развитие государственной независимости, обретенной ими после развала СССР, то естественным образом необходимо признать неприемлемость для них не только евразийства, но и теории «Хартленда» как геополитических теорий подчинения этих стран имперским схемам, соответственно, России или Запада.

Если в интересах руководства того или иного центральнокавказийского государства на первом месте стоит сохранение собственного положения, а упрочение и развитие государственного суверенитета (не говоря о таких ценностях, как демократизация общества, соблюдение прав человека и развитие рыночной экономики), относятся к второстепенным задачам, то в подобных случаях на «помощь» могут прийти любые теории (точнее, псевдотеории) для завуалирования и оправдания этих замыслов.

Вместе с тем было бы наивным считать, что как мировые, так и региональные державы оставят в покое страны Центральной Кавказии и они смогут развиваться в свободном ре-

жине. Ситуация намного сложнее, вследствие чего этим странам необходимо сделать свой выбор, исходя из того, какие устремления и действия тех или иных держав в большей степени соответствуют их национальным интересам.

Не говоря о евразийстве как о ярко выраженной доктрине возрождения Российской империи, даже наиболее трезвый взгляд из России на страны Центральной Кавказии не исключает некоего «мягкого» варианта навязывания российских интересов хотя бы некоторым странам региона — независимо от того, насколько это соответствует интересам самих этих стран. Так, например, в некоторых российских кругах из стран Центральной Кавказии лишь Грузия считалась единственной полностью потерянной для России (Лунев, 2006, с. 26). При этом подчеркивается, что Грузия и Армения имеют минимальное экономическое значение для России (Лунев, 2006, с. 26), хотя не забывается и о том, что Армения — объективный союзник России (Лунев, 2006, с. 27). В отношении Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана у России имеются экономические интересы в области добычи и транспортировки углеводородов (Лунев, 2006, с. 25, 26); что же касается Казахстана и Кыргызстана, то в отношении них предлагается активизировать интеграционные процессы с Россией (Лунев, 2006, с. 25). Однако такой подход, прежде всего в отношении Грузии, отнюдь не находит поддержки в современной политической элите России, для которой, что не раз отмечалось выше, гораздо ближе идеи евразийства и их модификации.

Что же касается политики США в Центральной Кавказии, то она базируется на объективных предпосылках (Бжезинский, 2005а, с. 178):

- США находятся настолько далеко от Центральной Кавказии, что не смогут в нем доминировать;
- США достаточно сильны, чтобы не быть вовлеченными в нежелательные для них события в Центральной Кавказии.

Исходя из этого, первостепенный интерес США заключается в том, чтобы содействовать обеспечению ситуации, при которой ни одна держава не смогла бы контролировать Центральную Кавказию, а мировое сообщество имело бы к этому региону беспрепятственный финансово-экономический доступ (Бжезинский, 2005а, с. 178).

После трагических событий 11 сентября 2001 года в интересах США способствовать такому развитию стран Центральной Кавказии, которое обеспечило бы предотвращение опасности новых террористических актов и содействовало бы успешному завершению войны против терроризма (Gati and Christiansen, 2003). Следовательно, интересы США в регионе не исчерпываются лишь сферой энергетики (Jaffe, 2001). Таким образом, задачи Белого Дома заключаются в поддержке бывших союзных республик региона в преодолении черт советской экономики, в развитии рыночной экономики, в том числе частного сектора, в создании прочных основ для экономического роста, в утверждении принципа верховенства закона, в решении социальных и экологических проблем, в обеспечении получения выгод от освоения энергетических ресурсов и разветвленных экспортных магистралей (Mann, 2003). После российского вторжения в Грузию для США еще более актуальной стала проблема поддержки развития демократических процессов в регионе (Basoga and Woone, 2008).

Здесь же важно отметить, что, согласно оценкам некоторых российских экспертов, если для Москвы характерны рассуждения об исторических, психологических и иных связях России с бывшими советскими республиками, то для Вашингтона любое теоретизирование в духе «мягкого» или «ограниченного» суверенитета этих республик принципиально неприемлемо (Уткин, 2000а, с. 108). При этом американцы считают, что Россия должна быть заинтересована в более процветающих соседях, более стабильном окружении (например, Уткин, 2000а, с. 105).

Не в меньшей степени заслуживают внимание и оценки некоторых экспертов из Центральной Азии, согласно которым Россия ориентирована в отношении стран региона на «застой» и безоговорочную поддержку действующих властей, из-за чего Москва теряет (не говоря о том, что уже потеряла) возможных союзников в деле модернизации и политических перемен в этих странах; в то же время политика Белого Дома в регионе олицетворяет содействие расширению демократии (Толипов, 2007б, с. 24).

Исходя из сказанного, реальные интересы Вашингтона в Центральной Кавказии принципиально исключают — в какой-либо форме — интеграцию с Соединенными Штатами стран региона, более того, полностью соответствуют тем национальным интересам этих стран, которые основаны на укреплении государственного суверенитета, углублении демократизации общества и развитии рыночной экономики.

Весьма важно подчеркнуть, что введение в научный оборот понятия «Центральная Кавказия» — это не просто уточнение географической идентификации рассматриваемого региона; оно к тому же является таким концептуальным видением интересов упрочения государственного суверенитета стран региона, которое в основе противостоит духу и идеям евразийства. При этом любые рассуждения в русле евразийства о так называемом «кавказийстве» как возможном теоретическом антипode евразийства в корне ошибочны, прежде всего из-за политической гетерогенности «Центральной Кавказии», когда не все страны региона одинаково воспринимают не только сам статус государственного суверенитета, но и пути его достижения. В то же время упрочение и развитие государственного суверенитета, а также углубление демократизации общества и утверждение принципов рыночной экономики не могут быть прерогативами исключительно стран Центральной Кавказии.

Так, хотя и признается, что главными стратегическими интересами стран Центральной Азии являются независимость,

демократия и интеграция (Толипов, 2007б, с. 32), при этом вовсе не исключается возможность возвращения Центральной Азии в Евразию (где она была в составе СССР) после того, как она сможет реализовать свою геополитическую самоидентификацию (Толипов, 2006, с. 20). Если принять во внимание, что на эту Евразию, согласно евразийцам, имеет «претензию» Москва, то приведенное рассуждение не исключает — хотя бы в относительно отдаленной перспективе (т.е. после «геополитической самоидентификации» Центральной Азии) — вхождения стран Центральной Азии в Евразию-Россию. При этом небезынтересно отметить и тот факт, что некоторым экспертам из стран Центральной Азии вовсе не чужды ностальгические воспоминания об СССР и высказывания сожалений о его развале (Ниязи, 2003б, с. 168—169; Толипов, 2007б, с. 19—20).

Вместе с тем важно подчеркнуть, что прозападный вектор развития куда в большей степени соответствует вышеотмеченным интересам упрочения государственного суверенитета, углубления демократизации общества и утверждения принципов рыночной экономики, ибо они являются основными общепризнанными ценностями человечества.

3.1. «Осевой регион» планеты в теории Маккиндера

Сложившаяся на пороге XXI века геополитическая ситуация дала новый импульс исследованию принципов региональной структуризации геополитического и геоэкономического пространства всего евразийского материка (Бжежинский, 2005а; Дарабади, 2006; Дугин, 1997; Исмаилов и Эсенев, 2005; Кловвер, 1999; Ларюэль, 2000; Панарин, 1995; Cornell, 1999; Tsygankov, 2002). В этой связи особую актуальность вновь приобретают концепции, предложенные Хэлфордом Маккиндером (в начале XX в.), а в последующем его оппонентом — Николасом Спайкманом, которые выдвинули весьма оригинальные подходы к региональной геополитической структуризации евразийского материка и к определению функциональной значимости его отдельных пространственных сегментов.

Маккиндер, трактовавший мировые исторические процессы на основе идеи о примордиальном разделении мира на относительно обособленные ареалы, каждому из которых в истории предначертана особая функция, утверждал, что именно благодаря внешнему прессингу Европа создала свою цивилизацию. По этой же причине он рассматривает Европу и европейскую историю как явления, подчиненные Азии и ее истории. По его мнению, европейская цивилизация в значительной степени является результатом многовековой борьбы против вторжений из Азии (Маккиндер, 1995). Маккиндер полагал, что продвижение и экспансия Европы стимулировались

необходимостью ответной реакции на давление, оказываемое на нее из центра Азии. По его утверждению, осью всех геополитических трансформаций исторического масштаба в пределах «Мирового острова», включающего весь евразийский материк и Северную Африку, является выделяемая им Срединная земля — «Хартленд» (сосредоточение континентальных масс Евразии). Именно «Хартленд» он считает источником перманентных импульсов, стимулирующих развитие геополитических и экономических процессов на «Мировом острове».

Маккиндер подчеркивал, что именно срединное положение государства является самым выгодным с геополитической точки зрения. Принимая во внимание относительность понятия «центральность», он указывал, что в контексте глобальных геополитических процессов в центре мира находится именно евразийский материк; в центре последнего, в свою очередь, находится «Хартленд». Таким образом, исходя из рассматриваемой доктрины, геополитический субъект, подчинивший себе «Хартленд», будет обладать необходимым геополитическим и экономическим потенциалом для осуществления контроля в рамках «Мирового острова» и в конечном счете всей планеты.

Согласно Маккиндеру, при ретроспективном анализе военно-политических и социально-экономических процессов в Срединной земле очевидным становится факт ее объективного геополитического и геоэкономического единства (Mackinder, 1943). Исследователь подчеркивает «осевой» характер обширного региона Евразии, недоступного, как он отмечает, морским судам, но доступного в древности кочевникам. Он считает, что именно в Евразии перманентно существуют многообещающие условия для развития военных и промышленных держав.

Структурируя геополитическое пространство системой концентрических кругов, Маккиндер условно располагал в центре планеты «осевой ареал», включающий бассейны рек (Волги, Енисея, Амударьи и Сырдарьи) и двух морей (Каспийского и Аральского) (Mackinder, 1943). Указанный «осевой ареал» «был

недосягаем для нападений морских держав и при этом был в состоянии прокормить и защитить весьма значительное количество населения — кочевников, передвигающихся по этим огромным просторам на лошадях и верблюдах и вполне готовых к набегам на Европу, при том, что они не встречали практически никакого сопротивления» (Мегоран и Шарапова, 2005, с. 13).

Таким образом, благодаря своему расположению, «осевому ареалу» было исторически и геополитически предначертано стать естественным центром силы. Вслед за указанным регионом Маккиндер выделяет «внутренний полумесяц» — пояс, совпадающий с береговыми пространствами Евразии, зону наиболее интенсивного, на его взгляд, развития цивилизации, куда входят Европа, Южная, Юго-Западная и Восточная Азия. Затем он располагал «внешний полумесяц», включающий Великобританию, Северную и Южную Америку, Южную Африку, Австралию и Японию — зоны, географически и культурно чуждые «внутренней» Евразии. Центром же всех мировых процессов, как было отмечено выше, Маккиндер считал Срединную землю — «Хартленд» — область возникновения великих кочевых империй прошлого (Плетнева, 1982), территорию обитания тюркских племен, чьи набегии послужили, по его мнению, толчком к «сплочению» Европы.

Исходя из вышеуказанного, Маккиндер считал необходимым принятие превентивных мер для воздействия на ситуацию в «осевом ареале» и удержания ее под контролем, в том числе посредством контроля «внутреннего полумесяца». Именно ему, считавшему Восточную Европу ключом к дверям Срединной земли, принадлежит следующее известное высказывание: «Кто господствует в Восточной Европе, тот управляет Срединной землей. Кто господствует в Срединной земле, тот правит «Мировым островом». Кто господствует на «Мировом острове», тот управляет миром» (Mackinder, 1919, p. 113).

История формирования и развития пространства «осевого региона», к оценке которой мы обратимся ниже, определенно позволяет сделать вывод о перманентности изменений его про-

странственно-функциональных параметров. Несмотря на то что процессы, имевшие место в пределах указанного ареала в прошлом, подтверждают отмеченную Маккиндером функциональную неразрывность пространств Восточной Европы и «Хартленда», тем не менее сущность Срединной земли, на наш взгляд, определяется не столько императивностью региона Восточной Европы в плане контроля над «Хартлендом», сколько их структурным единством. Иными словами, на всех стадиях становления «Хартленда», особенно сейчас, восточная часть Европы остается пространственным элементом его структуры, геополитическая целостность которой и является необходимым условием для функциональной состоятельности «осевого региона» в масштабах евразийского материка.

Тезис о структурной включенности Восточной Европы в «Хартленд» можно аргументировать и теорией самого Маккиндера, обратившись к его более поздним работам (MacKinder, 1943). Напомним, что он в течение короткого промежутка времени дважды возвращался к своей теории, адаптируя ее к изменяющейся геополитической ситуации. В частности, изменениям он подверг и пространство «осевого региона» (см. рис. 1). Так, в «Хартленд» были включены бассейны Черного и Балтийского морей, то есть Восточная Европа⁴². Поэтому маккиндеровскую формулу следует представлять следующим образом: «Кто господствует в Срединной земле, тот правит «Мировым островом». Кто господствует на «Мировом острове», тот управляет миром».

В середине XX века это нашло свое, пожалуй, наиболее яркое практическое подтверждение. Расширение зоны господства

⁴² В состав Восточной Европы Маккиндер включал территории отдельных восточноевропейских государств, находящихся в составе Османской империи (юго-восточные государственные образования Европы — Болгарское царство, Венгерское королевство, Румынское княжество, Черногорское княжество, Сербское королевство, Босния и Герцеговина, Македония) и Российской империи (северо-восточные государственные образования — Польское царство, великое княжество Финляндское, Центральная (Украинская) рада, Белорусская рада и губернии: Бессарабская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская).

Рисунок 1

Советского Союза в западном направлении после Второй мировой войны и образование СЭВ/ОВД характеризовало собой слияние ареала классического «Хартленда» с Восточной Европой. Вместе с тем распад СЭВ, ОВД и самого СССР в конце 1980 — начале 1990-х годов, а также новые геополитические и геоэкономические условия в пределах «Мирового острова» не привели к механическому функциональному обособлению восточной части Европы от «Хартленда». Более того, в результате геополитических трансформаций конца XX века происходит обособление России в качестве евразийского геополитического субъекта в северо-восточной части материка и сужение про-

⁴³ Карта дается по (Мегоран и Шарапова, 2005, с. 9).

странства «осевого региона» в его центральной части, то есть в трех относительно самостоятельных региональных сегментах последней — Центральной (Восточной, в теории Маккиндера) Европе, Центральном Кавказе и Центральной Азии. Точнее, произошла концентрация основных, относительно видоизмененных функций «Хартленда» в его новых пространственных параметрах системообразующих сегментов, где начался очередной цикл их интеграции и целостного возрождения⁴⁴.

Следует также отметить, что в начале XX века (в период Первой мировой войны), основываясь на доминировании Османской и Российской империй, а со второй половины XX века — Советской империи над восточной частью Европы (СЭВ), геополитически целесообразно было говорить о делении ее на Западную (европейские страны, неподконтрольные Османской и Российской/Советской империям) и Восточную (европейские страны, полностью подконтрольные Османской и Российской/Советской империям). Однако после их распада и обособления России в северо-восточной части Евразии освободившееся политическое пространство Европы (государства бывшего СЭВ и бывшего СССР) геополитически уже не может далее классифицироваться как восточноевропейское, кроме территорий европейской части самой России. Обособление последнего евразийского геополитического субъекта — Российской Федерации и сферы его доминирования на северо-востоке евразийского материка имело определенные последствия. Во-первых, оно привело к смещению «осевого региона» с севера материка к его центру. Во-вторых, в понятийном плане это требовало пересмотра некогда контролируемой последней империей (СССР) части политического пространства Европы в качестве «Центральной Европы» с последующим обязательным включением ее уже в зону современного «осевого региона» — Центральной Евразии, тогда как Рос-

⁴⁴ Напомним, что дискуссии относительно современного пространства «Хартленда» продолжаются и сегодня. К примеру, некоторые авторы «сужают» его до пространства Центральной Азии (Ahrari, 2003; Sloan, 1999).

сия, пространственно оставшаяся в восточной Европе и северной Азии, в плане геополитической структуры «Мирового острова» должна классифицироваться теперь как «Северная евразийская держава». Соответственно, и современную Турцию следует определять как «Южную евразийскую державу».

Помимо Маккиндера, роли срединной части евразийского материка в мировой истории значительное внимание уделил Спайкман (Spykman, 1942, 1944). Опираясь на труды Маккиндера, он выдвинул свой вариант базовой геополитической схемы, существенно отличающийся от модели своего оппонента. Основная идея Спайкмана заключается в том, что Маккиндер преувеличивает геополитическое значение «Хартленда». По Спайкману, динамика геополитической истории «внутреннего полумесяца» — «Римленда» — «береговых зон» обуславливалась внутренними закономерностями развития, а не давлением «кочевников Суши», как считал Маккиндер. «Хартленд», подчеркивает Спайкман, является лишь географическим пространством, которое испытывает на себе культурно-цивилизационные импульсы, исходящие из «Римленда». По его мнению, «осевой ареал» Маккиндера не играет никакой самостоятельной исторической роли. Именно «Римленд» является, по мнению Спайкмана, ключом к мировому господству, поэтому он предложил заменить геополитическую формулу Маккиндера своей: «Тот, кто доминирует над «Римлендом», доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках».

Как видно, в предложенных геополитических концепциях пространственно-функциональная структура мира и у Маккиндера («Хартленд» — Евразия — Планета), и у Спайкмана («Римленд» — Евразия — Планета) включает три основных уровня, с той лишь разницей, что первый подчеркивает исходную и определяющую роль «Хартленда» в геополитическом пространстве «Мирового острова», а второй — «Римленда».

Государственные образования «Хартленда» и «Римленда» в различных исторических периодах выполняли функции либо

объекта, либо субъекта геополитических отношений в Евразии. Аналогично изменялась и функциональная значимость этих пространств в глобальных геополитических процессах. В этой связи весьма затруднительно, да и в целом, учитывая особенности современного мира, не совсем правильно делать однозначный вывод: что первично/важно — маккиндеровский «Хартленд» или же спайкмановский «Римленд». На наш взгляд, один из главных недостатков обеих теорий связан с тем, что они предлагались не только и не столько как модели, объясняющие объективные закономерности глобальных геополитических процессов, сколько как концепции по реализации стратегических интересов западных держав (Великобритании и США). Из этого и вытекает односторонность в подходах, присущая Маккиндеру и Спайкману, скажем, относительно отмеченного вопроса: что первичнее/важнее в глобальной геополитике — «Хартленд» или «Римленд»? Логика аргументации, которой придерживается каждый из этих авторов, вполне подтверждает отмеченное. И поэтому наша исследовательская задача заключается не в дословном или механическом пересказе маккиндеровской или спайкмановской теории о месте и роли «Хартленда» или «Римленда» на евразийском материке и во всем мире, а в том, чтобы использовать сконструированные ими подходы для геополитического видения «осевого региона» в XXI веке в возможных сценариях будущего мироустройства.

Итак, для более углубленного понимания текущего положения «осевого региона» необходимо осуществить его новое «прочтение» и научное переосмысление, то есть следует:

- во-первых, проанализировать историческую эволюцию пространства «осевого региона», то есть закономерности и этапы формирования его геополитической структуры;
- во-вторых, определить основные свойства, функции, принципы формирования и функционирования, а также параметры и структуру «осевого региона» в современных условиях.

3.2. Историческая эволюция «осевого региона» — Центральной Евразии

История становления «Хартленда» как единого и целостного региона в хронологическом плане начинается с Гуннской империи с последующей сменой действовавших геополитических акторов: Тюркского и Хазарского каганатов, Арабского халифата, Сельджукской, Монгольской империй, Империи Тимура, Османской, Сефевидской, а также Российской и Советской империй (см. рис. 2).

Рисунок 2

В различные исторические эпохи «осевой регион» то расширялся, то сокращался в рамках указанных имперских систем, после распада которых, как правило, возникали устойчивые во времени административно-территориальные единицы. Остановимся на общих пространственно-политических параметрах имперских систем, в рамках которых происходила историческая эволюция «осевого региона» (см. табл. 1).

1. *Гуннская империя* (IV—V вв.) (Бернштам, 1951; Гумилев, 1960) — занимала территорию от Кавказа до Рейна и от правого берега Дуная до Датских островов. Во второй половине V века она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (вторая пол. V — нач. VI вв.) — владения балканских, северопричерноморских династов;
- Северо-Кавказский (вторая пол. V — нач. VI вв.) — владения местных династов.

2. *Тюркский каганат* (VI—VIII вв.) (Гумилев, 1967) — занимал центральную полосу от Маньчжурии до Причерноморских степей и Крыма. Во второй половине VI века он распался на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (вторая пол. VI — первая пол. VIII вв.) — владения северопричерноморских династов;
- Северо-Кавказский (вторая пол. VI — первая пол. VIII вв.) — владения местных династов;
- Центрально-Азиатский (вторая пол. VI—VIII вв.):
 - Восточно-Тюркский каганат (609 г.), который занимал территории к востоку от Сырдарьи до Маньчжурии. После распада Восточно-Тюркского каганата в 745 году на его базе возник Уйгурс-

Таблица 1

Территория «Хартленда» в составе различных империй

Сегменты империй Империи / современные государства	Периоды Века	Общая площадь империи Тыс. км ² %%		В том числе площадь сегментов после распада империи													
				Площадь государства титульного этноса — этноса (субъект) Тыс. км ² %%		Площадь «Хартленда» — (объект)										Площадь «Римленда» — (объект) Тыс. км ² %%	
						Общая Тыс. км ² %%		В том числе сегменты «Хартленда»									
								Европейский		Кавказский		Азиатский					
Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%		
Гуннская империя	IV—V	3 237	100	—	—	3 237	100	2 882	89	355	11	—	—	—	—		
Тюркский каганат	VI—VIII	5 701	100	—	—	5 701	100	550	10	355	6	4 796	84	—	—		
Хазарский каганат	VII—X	791	100	—	—	791	100	436	55	355	45	—	—	—	—		
Арабский халифат	VII—XIII	13 848	100	2 606	19	1 917	14	—	—	187	1	1 730	13	9 325	67		
Сауд. Аравия	XXI	—	—	2 150													
Сельджукская империя	XI—XII	3 801	100	200	5	2 171	57	—	—	993	26	1 178	31	1 430	38		

Таблица 1 (продолжение)

Сегменты империй Империи / современные государства	Периоды Века	Общая площадь империи Тыс. км ² %%		В том числе площадь сегментов после распада империи													
				Площадь государства титульного этноса (субъект) Тыс. км ² %%		Площадь «Хартленда» — (объект)										Площадь «Римленда» — (объект) Тыс. км ² %%	
						Общая Тыс. км ² %%		В том числе сегменты «Хартленда»									
								Европейский		Кавказский		Азиатский					
Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%	Тыс. км ²	%%		
Туркменистан	XXI	—	—	488	—		—			—		—	—	—	—		
Монгольская империя	XIII—XIV	22 484	100	1 565	7	14 144	63	2 145	10	653	3	11 346	50	6 775	30		
Монголия	XXI	—	—	1 565	—		—	—		—		—	—	—	—		
Империя Тимура	XIV—XV	5 929	100	244	4	4 248	72	—	—	298	5	3 950	67	1 437	24		
Узбекистан	XXI	—	—	447	—		—			—		—	—	—	—		
Османская империя	XV—XX	8 182	100	779	9	1 114	14	1 079	13	35	1	—	—	6 289	77		
Турция	XXI	—	—	779	—		—			—				—	—		
Сефевидская империя	XVI—XVIII	2 000	100	228	11	335	17	—	—	35	2	300	15	1 437	72		

Таблица 1 (продолжение)

Сегменты империй Империи / современные государства	Периоды Века	Общая площадь империи Тыс. км ² %%		В том числе площадь сегментов после распада империи													
				Площадь государства титульного этноса — (субъект) Тыс. км ² %%		Площадь «Хартленда» — (объект)										Площадь «Римленда» — (объект) Тыс. км ² %%	
						Общая Тыс. км ² %%		В том числе сегменты «Хартленда»									
								Европейский		Кавказский		Азиатский					
Азербайджан	XXI	—	—	87	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Российская империя	XVIII—XX	22 430	100	—	73	6 073	27	1 480	6	599	3	3 994	18	—	—		
РСФСР	XX	—	—	16 357	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
СССР	XX	22 402	100	—	77	5 202	23	1 021	4	187	1	3 994	18	—	—		
РФ	XXI	—	—	17 200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
СЭВ	XX	26 334	100	17 200	65	8 693	33	2 295	9	187	1	6 211	23	441	2		
РФ	XX	—	—	17 200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Центральная Евразия	XXI	—	—	—	—	8 585	100	2 187	26	187	2	6 211	72	—	—		

кий каганат — (Синьцзян-Уйгурский автономный район современного Китая);

- Западно-Тюркский каганат (603 г.), который занимал территории к западу от Сырдарьи до Каспийского моря, а также северопричерноморские и североприкаспийские степи. После распада Западно-Тюркского каганата в 659 году на его базе возник Хазарский каганат.

3. *Хазарский каганат* (сер. VII — сер. X вв.) (Артамонов, 1962.) — владел всем Северным Кавказом, Приазовьем, степными и лесостепными территориями Восточной Европы до Днепра, а также большей частью Крыма, отвоеванного у Византии. В период со второй половины VIII века до X века он распался на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (вторая пол. VIII — кон. IX вв.) — владения северопричерноморских династов;
- Северо-Кавказский (вторая пол. VIII — кон. IX вв.) — владения местных династов.

Таким образом, возникнув в Центральной Азии, тюркские племенные союзы создали в течение четырех веков три могущественных государства (Гуннская империя, Тюркский и Хазарский каганаты), которые впервые заложили основы формирования «осевого региона» и стремились его максимально расширить⁴⁵. Однако это им не удалось, и все три империи распались. Вместе с тем эти титульные этносы не смогли закрепиться ни в одном из его сегментов и создать свое государство. Как следствие, они «растворились» в истории.

⁴⁵ Гунны и хазары господствовали на Европейском и Кавказском сегментах, а тюркские каганы в основном на Азиатском, Кавказском и частично Европейском сегментах.

4. *Арабский халифат* (первая пол. VII — сер. XIII вв.) (Беляев, 1966)⁴⁶ — занимал территорию от Атлантического до Индийского океана и от Кавказа и Центральной Азии до Северной Африки. В период с середины VIII века до середины XIII века Халифат распался на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Кавказский (сер. X — сер. XII вв.) — Кавказское княжество (кон. VIII в.), Эрзетское княжество (кон. VIII в.), Тао-Кларджетское княжество (нач. IX в.), Абхазское царство (нач. IX в.), Тифлисский эмират (династия Джафаридов — нач. IX в.) — (современная Грузия), Гянджинский эмират (династия Шаддадидов — 971 г.) и Ширванское государство (861 г.) — (современный Азербайджан);
- Северо-Кавказский (сер. X в.) — Дербентский эмират (династия Хашимидов — сер. X в.) — (южная часть современной России);
- Юго-Восточный Кавказ (вторая пол. IX—X вв.) — государства Саджидов (879 г.), Саларидов (941 г.), Раввадидов (979 г.) — (северо-западная часть современного Ирана);
- Центрально-Азиатский (вторая пол. IX в.) — государство Саманидов (875 г.) — (современные Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Афганистан);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Европейский (сер. VIII — первая пол. X вв.) — Кордовский эмират (756 г.), Кордовский халифат (929 г.) — (современные Испания, Португалия);

⁴⁶ Арабский халифат в первой половине X века распался на: Кордовский халифат (Омейядов) (929—1031 гг.), Фатимидский халифат (909—1171 гг.) и халифат Аббасидов (750—945 гг.), после распада которого возник Багдадский халифат, правители которого обладали только религиозной властью. После взятия Багдада (1258 г.) монгольскими войсками Хулагу-хана Халифат перестал существовать.

- Западно-Азиатский (первая пол. IX — первая пол. X вв.) — государства Тахиридов (821 г.), Саффаридов (861 г.), Алидов (864 г.), Буидов (935 г.) — (современный Иран);
- Северо-Африканский (вторая пол. VIII—X вв.) — Фатимидский халифат (909 г.), в состав которого вошли государства Ростемидов (776 г.), Идрисидов (788 г.), Аглабидов (800 г.), Тулунидов (868 г.), Ихшидидов (935 г.) — (современные Алжир, Марокко, Тунис, Ливия, Египет).

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Римленда», является Западно-Азиатский (сер. X в.) — Багдадский халифат (945—1258 гг.), где закрепился титульный этнос — арабы. За восемь веков он преобразовался в современную Саудовскую Аравию.

5. *Сельджукская империя* (первая пол. XI — первая пол. XII вв.) (Агаджанов, 1991; Гордлевский, 1960; Райс, 2004) — простиралась от Центральной Азии до Малой Азии включительно и от Кавказа до Персидского залива. В период с середины XI века и до первой половины XII века она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Кавказский (XII в.) — Азербайджанский султанат Атабеков Ильденизидов⁴⁷ (1136 г.) — (части современного Азербайджана, Ирака и Ирана); Ширванское государство — (современный Азербайджан), Грузинское царство — (современная Грузия);
- Центрально-Азиатский (кон. X — первая пол. XII вв.) — государство Хорезмшахов (1127 г.) — (современный Узбекистан);

⁴⁷ В 1136 году Иракский султанат преобразовался в Азербайджанский султанат Атабеков Ильденизидов (Бунятов, 1999).

сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (XI в.) — Керманский султанат (1041 г.), государство Исмаилитов (1090 г.) — (современный Иран); Иракский султанат (1118 г.) — (современный Ирак);
- Малоазиатский (вторая пол. XI в.) — эмират Данишмендидов (1071 г.), Конийский султанат (1077 г.) — (Центральная и Восточная часть современной Турции).

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Хартленда», является Центрально-Азиатский (XII в.) — Султанат Великих Сельджуков (1118—1157 гг.) в Хорасане — домен великих султанов Сельджукидов, где закрепился титульный этнос — туркмены, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект. За восемь веков он преобразовался в современный Туркменистан.

6. *Монгольская империя (XIII—XIV вв.) (Филипс, 2003) — простиралась от Китая до Малой Азии и от степей Северного Причерноморья и Прикаспия до Персидского залива. Чингисхан в первой половине XIII века поделил свою империю на четыре улуса (1224 г.), во главе которых стояли его сыновья Джучи, Джагатай, Угедей и Толуй. В 1256 году внук Чингисхана — Хулагу, завоевав Иран и Ирак, создал пятый улус (Али-заде, 1956, Пигулевская, Якубовский, Петрушевский, Строева, и Беленицкий, 1958). Эти улусы в течение XIV—XV веков распались на:*

сегменты «Хартленда»:

- Восточно-Европейский (XV в.) — Московское великое княжество — (западная часть Золотой Орды (улус Джучи) — европейская часть современной России);
- Северо-Кавказский (XIII—XIV вв.) — Аварское нукальство (кон. XIII в.), Дербентское владение (сер. XIV в.), Ногайская Орда (кон. XIV в.) — (южная часть Золотой Орды (улус Джучи) — южная часть современной России);

- Центрально-Кавказский (первая пол. XIV в.) — Грузинское царство, Ширванское государство — (северо-западная часть улуса Хулагу — современные Грузия и Азербайджан);
- Центрально-Азиатский (XIV в.):
 - Белая орда (XIV в.) — (восточная часть Золотой Орды (улус Джучи) — современный Казахстан);
 - Моголистанское ханство (1347 г.) — (улус Джагатай — современные Узбекистан, Туркменистан);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (первая пол. XIV в.) — государства Джалаиридов (1336 г.), Сербедаров (1337 г.), Мозафферидов (1340 г.), Сеидов (1350 г.) — (юго-западная часть улуса Хулагу — современный Иран);
- Восточно-Азиатский (вторая пол. XIV в.) — империя Мин (1368 г.) — (юго-восточная часть улуса Толуя — современный Китай).

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Хартленда», является Центрально-Азиатский (нач. XV в.) — Ойратское ханство (1418—1455 гг.) — (северная часть улуса Толуя — домен великих каанов, где закрепился титульный этнос — монголы, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект). В течение шести веков он преобразовался в современную Монголию.

7. *Империя Тимура* (вторая пол. XIV — первая пол. XV вв.) (Муминов, 1968; Ру, 2007) — включала в себя территории от Центральной Азии до Малой Азии и от Кавказа до Персидского залива: Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Центральный Кавказ, Иран, Пенджаб. В начале XV века она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Кавказский (нач. XV в.) — Ширванское государство — (современный Азербайджан) и Грузинское царство — (современная Грузия);

и на сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (нач. XV в.) — государство Кара-Коюнлу (1410 г.) — (современный Иран).

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Хартленда», является Центрально-Азиатский (нач. XV в.) — Гератский (1409—1447 гг.) и Самаркандский (1409—1449 гг.) эмираты, где закрепился *титульный этнос* — *узбеки*, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект. В течение пяти веков он преобразовался в современный Узбекистан.

8. *Османская империя* (сер. XV — нач. XX вв.) (Ихсаноглу, ред., 2006) — охватывала территории от Кавказа до Балкан и от Северного Причерноморья до Северной Африки (Ихсаноглу, ред., 2006, сс. 22-23). В период с конца XVII — до начала XX веков она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (кон. XVII — нач. XX вв.) — Албанское княжество, Болгарское княжество, Венгерское королевство, Греческое королевство, Румынское княжество, Черногорское княжество, Сербское королевство, Босния и Герцеговина, Македония — (современные Албания, Болгария, Венгрия, Греция, Румыния, Молдова, Черногория, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония, а также юг Украины);
- Центрально-Кавказский (первая пол. XIX в.) — Имеретинское царство (1804 г.); княжества: Мегрельское (1803 г.), Абхазское (1810 г.), Гурийское (1811 г.), Сванетское (1833 г.) — (современная Грузия);

сегменты «Римленда»:

- Северо-Африканский (нач. XVIII — вторая пол. XIX вв.) — Алжирский (1711 г.), Ливийский (1711 г.), Египетский (1805 г.), Тунисский (1881 г.) пашалыки — (современные Алжир, Ливия, Египет, Тунис);

- Западно-Азиатский (XIX — начало XX вв.) — Ирак (1918 г.), Сирия (1918 г.), Ливан (1918 г.), Палестина (1832 г.), Хиджаз (1916 г.) — (современные Ирак, Сирия, Ливан, Израиль, Саудовская Аравия).

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Хартленда», является Малоазиатский (1923 г.) — республика Турция (1923 — по наст. вр.), где закрепился титульный этнос — турки.

9. *Сефевидская империя* (нач. XVI — первая пол. XVIII вв.) (Локкарт, 2004; Рахмани, 1991; Эфендиев, 1961) — охватывала территории от Северо-Восточного Кавказа до Персидского залива и от Центральной Азии до Малой Азии. В первой половине XVIII века Сефевидская империя распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Северо-Кавказский (первая пол. XVIII в.) — Дербентское ханство (1747 г.) — (южная часть современной России);
- Центрально-Кавказский (первая пол. XVIII в.) — Кахетинское (1747 г.) и Картлийское (1747 г.) царства — (восточная часть современной Грузии); Кубинское (1726 г.), Шекинское (1743 г.), Гянджинское (1747 г.), Талышское (1747 г.), Нахичеванское (1747 г.), Эриванское (1747 г.), Бакинское (1747 г.), Джавадское (1747 г.), Карабахское (1748 г.), Ширванское (1748 г.) ханства, где закрепился титульный этнос — *азербайджанцы* — (современный Азербайджан);
- Юго-Восточный Кавказ (первая пол. XVIII в.) — Табризское (1745 г.), Марагинское (1747 г.), Хойское (1747 г.), Макинское (1747 г.), Сарабское (1747 г.), Урмийское (1747 г.), Ардабильское (1747 г.), Гилянское (1747 г.), Гарадагское (1748 г.) ханства, где закрепился титульный этнос — *азербайджанцы* — (северо-западная часть современного Ирана);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (вторая пол. XVIII в.) — государство Зендов (1760 г.) — (современный Иран) (Иванов, 1952).

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Хартленда», является Центрально-Кавказский (первая пол. XVIII в.) — 20 азербайджанских ханств, где закрепился титульный этнос — азербайджанцы, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект. В течение двух веков азербайджанские ханства Центрального Кавказа преобразовались в современный Азербайджан.

10. *Российская империя (1721—1917 гг.) (Гладкий, 2006, Д'Анкосс, 2005, Широкопад, 2007) — включала территории от Дальнего Востока до Центральной Европы и от Северного Ледовитого океана до Кавказа и Центральной Азии. В 1917 году она распалась на:*

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (первая пол. XX в.) — Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Центральная (Украинская) рада, Белорусская рада, губернии: Бессарабская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская — (современные Польша, Финляндия, Украина, Беларусь, Молдова, Литва, Латвия, Эстония);
- Северо-Кавказский (первая пол. XX в.) — Дагестанская республика, Горская республика, Кубанская рада — (южная часть современной России);
- Центрально-Кавказский (1918 г.) — Азербайджанская Демократическая Республика, Араратская Республика, Демократическая Республика Грузия — (современные Азербайджан, Армения, Грузия);
- Юго-Западный Кавказ (1918 г.) — Араз-Тюркская республика и Юго-Западная Кавказская (Карсская)

Демократическая Республика — (современные северо-восточные илы Турции);

- Центрально-Азиатский (первая пол. XX в.) — «правительство» Алаш-орды, «Кокандская автономия», Бухарское и Хивинское ханства⁴⁸ — (современные Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан).

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Хартленда», является Восточно-Европейский–Северо-Азиатский (1917 г.) — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (1917—1991 гг.), где закрепился титульный этнос — русские.

11. СССР (1922—1991 гг.) (Верт, 2003; Маргания, ред., 2007; Пономарев, ред., 1966—1968) — существовал на пространстве, доставшемся в наследство от Российской империи. В 1949 году Советский Союз создал СЭВ, который наряду с территорией СССР включал другие части Центральной Европы и Центральной Азии, а также отдельные государства в разных частях планеты. В 1991 году СССР/СЭВ распались на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (1991 г.) — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, ГДР, Югославия; Украина, Беларусь, Молдова, Литва, Латвия, Эстония;
- Центрально-Кавказский (1991 г.) — Азербайджан, Армения, Грузия;
- Центрально-Азиатский (1991 г.) — Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, Монголия, Афганистан.

⁴⁸ Наряду с отмеченными образованиями в Центральной Азии в 1918 году была создана Туркестанская АССР в составе РСФСР со столицей в Ташкенте.

Геополитическим субъектом, выделившимся из «Хартленда», является Восточно-Европейский–Северо-Азиатский (1991 г.) — Российская Федерация (1991 г. — по наст. вр.), где закрепился титульный этнос — русские.

Краткое описание эволюции «осевого региона» показывает, что гунны, вытесненные в IV веке из Центрально-Азиатского сегмента «Хартленда» геополитическим субъектом восточной части «Римленда» — Китайской империей, начали впервые формировать Европейский и Кавказский сегменты «осевого региона» в функционально единое геополитическое и экономическое пространство. Однако они не смогли закрепить и развить складывающиеся интеграционные тенденции между зарождающимися сегментами «Хартленда», так как продолжили борьбу за господство в Европе с Римской (и Византийской) империей, которая контролировала в основном западную часть «Римленда». Хотя гунны нанесли ей сокрушительные удары и расшатали ее основы, поражение в «битве народов» на Каталаунских полях во Франции (451 г.) положило конец периоду расцвета их пассионарности⁴⁹. Вскоре после этого Гуннская империя прекратила свое существование, и, как следствие, в последующие века ни «Хартленд», ни «Римленд» не могли полностью возродиться и выполнять геополитические и геоэкономические функции в Евразии.

Спустя 100 лет начался второй цикл процесса формирования «осевого региона». На прародине гуннов возникает новое государство — Тюркский каганат, который, в начале установив господство над всей Центральной Азией, стремился расширить свой ареал как в восточном, так и в западном направлениях. В восточном направлении тюрки стали контролировать территории Маньчжурии, Синьцзяна, Алтая, Монголии, а в западном — установили свое господство лишь над Северным Кавказом и находившемся в составе Византийской империи Северным Причерноморьем (Боспор/Керчь). В результате этих

⁴⁹ О теории пассионарности см. (Гумилев, 2001).

завоеваний тюркские каганы стали контролировать все основные маршруты Великого шелкового пути, то есть все важные сегменты «осевого региона», что позволяло им выполнять геополитическую и геоэкономическую функцию на евразийском материке. Однако они не смогли закрепить свое господство в «осевом регионе», и в 588 году единое тюркское государство распалось на Восточный и Западный Тюркские каганаты.

Через столетие (VII в.) на базе Западно-Тюркского каганата возник Хазарский каганат, включивший в себя Северо-Кавказский и Северо-Причерноморский ареалы. Подобно Гуннской империи он стремился расширить свое господство на Кавказском и Европейском сегментах «осевого региона», в то время как на Азиатском сегменте «Хартленда» господствовали правители Восточно-Тюркского каганата. Их основные усилия были направлены против геополитического актора восточной части «Римленда» — Китая, с которым каганат вел длительные войны, приведшие в конечном счете к гибели государства.

Одновременно (в VII в.) в западной части «Римленда», на Аравийском полуострове, возникает новый геополитический субъект — Арабский халифат. Завоевав огромные территории от Атлантического до Индийского океанов, то есть весь западный участок прибрежной полосы «Мирового острова», арабы начали устанавливать свое господство и на отдельных сегментах «осевого региона». На Кавказском сегменте «Хартленда» Халифат в течение всего VIII века вел войны с Хазарским каганатом, а на Центрально-Азиатском — с Восточно-Тюркским каганатом (712—713 гг.).

В результате возобновления столкновений «новых» ключевых акторов «Римленда» (Арабский халифат и Китайская империя) и «Хартленда» (Хазарский каганат и Восточно-Тюркский каганат) последние перестали существовать как геополитические субъекты. Тем самым Арабский халифат установил свое господство на двух сегментах «осевого региона» — Центральной Азии и Центральном Кавказе. Таким образом, Арабский халифат, прервав развитие зарождающихся интеграционных

тенденций в «осевом регионе», примерно на протяжении двух веков господствовал в основных сегментах как «Римленда», так и «Хартленда», то есть почти на всем «Мировом острове».

Однако в первой четверти IX века начинается упадок Халифата, от которого поэтапно отделяются сегменты «Римленда» — Юго-Западная Европа, Северная Африка, Западная Азия и часть Малой Азии, а из «Хартленда» — Центральная Азия и Центральный Кавказ.

В XI веке в Центрально-Азиатском сегменте «осевого региона» вновь возникает евразийская держава — Сельджукская, положившая начало новой фазе возрождения «Хартленда». Овладев Центральной Азией, сельджуки завоевали и второй сегмент «осевого региона» — Центральный Кавказ, а также отдельные сегменты «Римленда» — Западную Азию, часть Малой Азии и собственно Арабский (Багдадский) халифат. Закат «арабского» «Римленда» способствовал возрождению «сельджукского» «Хартленда», который, трансформируясь во времени в другие геополитические акторы «осевого региона», до конца XX века непрерывно господствовал в различных формах на «Мировом острове».

В XIII веке на смену сельджукам в «осевом регионе» пришло двухвековое господство монголов, причем не только на всех сегментах «Хартленда» (Центральной Европе, Центральном Кавказе и Центральной Азии), но и почти на всем евразийском материке.

В XV веке монголов сменили турки (османы), которые, переселившись, в основном в XII—XIII веках, из Центральной Азии в Малую Азию, в 1299 году создали свое государство — Османский бейлик. Положив конец Византийской империи (1453 г.) и овладев ее территорией, Османская империя с XVI века поэтапно устанавливала свое господство как на сегментах «Хартленда» — Центрально-Европейском и Центрально-Кавказском, так и на сегментах «Римленда» — в Северной Африке.

В XVI веке Сефевидская империя в процессе установления своего господства на Центрально-Азиатском и Центрально-

Кавказском сегментах «осевого региона» столкнулась с Османской державой. Это многовековое противостояние в конечном счете привело к распаду Сефевидской державы и, как следствие, к возрождению независимости этнополитических и государственных образований на Центрально-Кавказском (восточной части) и Центрально-Азиатском сегментах. Одновременно существенно уменьшилось влияние Османской империи в Центрально-Европейском и Центрально-Кавказском (в западной части) сегментах.

С середины XVIII века Российская империя начала устанавливать свое господство на всех сегментах «осевого региона», а в XIX веке овладела всем Центральным Кавказом и начала расширяться в западном (центральноевропейском) и восточном (центральноазиатском) направлениях.

Таким образом, XIX век можно считать временем окончания почти непрерывного владычества тюркских империй (Гуннская империя, Тюркский/Хазарский каганаты, Сельджукская и Монгольская империи, Империя Тимура, Османская и Сефевидская империи) в «Хартленде» и началом господства славянской державы (Российской империи).

Русский этнос, проживающий главным образом в Восточно-Европейском сегменте «Хартленда», в период Российской империи сумел в XIX веке установить свое господство на всех основных сегментах «осевого региона» (Центрально-Европейском, Центрально-Кавказском и Центрально-Азиатском), а также завоевать стратегически важные прибрежные полосы на западе (Прибалтика, Финляндия), востоке (Камчатка, Сахалин, Приморский край, Аляска) и севере (прибрежная полоса Северного Ледовитого океана), получив тем самым выходы в три океана и став сухопутно-морской державой, способной одновременно выполнять функции геополитического актора как «Хартленда», так и «Римленда».

В начале XX века Российская империя трансформируется в СССР, который, унаследовав ее территорию и геополитические возможности, создал СЭВ (в 1949 г.) и тем самым макси-

мально расширил «осевой регион», включив в его ареал государства «социалистического лагеря» в Центральной Европе — Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Албанию, ГДР и Югославию, а в Центральной Азии — Монголию и Афганистан. Итак, пространство «осевого региона» наиболее полно формируется и функционирует лишь в период Советской империи.

Если проанализировать завершающий этап последнего цикла эволюции «осевого региона», то есть период распада последней евразийской державы — СССР, и начало первого этапа нового цикла — очередное возрождение «Хартленда», то четко прослеживается, что, как и в предыдущих циклах, здесь выделились сегменты — *Центрально-Европейский*, *Центрально-Кавказский*, *Центрально-Азиатский*, а также отделившийся от «осевого региона» собственный ареал господствующей нации, как правило, в качестве самостоятельного субъекта геополитики — Российская Федерация.

Необходимо также отметить, что каждая евразийская держава, «возникнув» в «осевом регионе», в процессе своей эволюции, как правило, выделялась в самостоятельный субъект геополитики, господствующий над «материнским» объектом — «Хартлендом». Иначе говоря, в истоках своего становления эта часть объекта, будучи системообразующим элементом «Хартленда», со временем преобразовывалась в субъект, функционально отличающийся от других составных элементов объекта — «осевого региона». Тем самым новый геополитический субъект как бы «покидает» лоно своего «рождения», то есть «материнский» объект — «Хартленд», который пространственно сужается ровно настолько, насколько состоялся собственный ареал титульной нации.

Итак, пространство «осевого региона» и его сегментов, подобно «зрачку глаза», во времени то расширялось, то сужалось, то смещалось, то есть было перманентно подвижным. Это и является одной из причин того, что территории современных государств и сегментов Центральной Евразии не совпадают с их исходными историческими границами.

Принципы формирования как «Хартленда», так и «Римленда» осуществлялись преимущественно на этнической (Гуннская, Тюркская, Хазарская, Сельджукская, Монгольская империи, Империя Тимура, Османская, Сефевидская империи, где тюркский этнос являлся титульным, в Российской империи титульным был русский этнос), религиозной (Арабский халифат — «мусульмане») и политико-идеологической основе (СССР — «советский народ»). Его эволюция на всех этапах проходила в соответствии с единым алгоритмом:

- «*становление — выделение*» титульной нации и четкое ее закрепление в освоенном ареале «осевого региона»;
- «*расцвет — полный контроль*» над основными сегментами «осевого региона» и стремление завоевать весь мир;
- «*распад — начало*» становления новых пространственных границ сегментов «осевого региона» и отделение от него территории титульной нации.

Таким образом, на стадии формирования «Хартленда» как самостоятельного целостного объекта/субъекта мировой политики из множества этносов выделялся пассионарный, доминировавший над остальными этносами срединной части евразийского материка, после чего начиналась вторая стадия — расцвет. В этот период ареал пассионарного этноса, как наиболее устойчивая этнополитическая единица «осевого региона», трансформируется из объекта геополитики в ее субъект, то есть в империю, стремящуюся господствовать вначале над сопредельными территориями «осевого региона», а затем — над всем миром. Однако после овладения «Хартлендом» и определенной частью «Римленда» начинался процесс распада евразийской имперской системы и, как следствие, единого пространства «Хартленда» на отдельные, относительно обособленные сегменты, в одном из которых определялись границы территории государства титульного этноса. По такой схеме проходил каждый цикл эволюции «Хартленда».

3.3. Сущность, функции и принципы формирования «осевого региона» в XXI веке

Сущность «осевого региона». *«Хартленд» является собой срединную часть самого большого «Мирового острова» планеты, не имеющую выходов к стратегически важным прибрежным полосам, но обладающую избыточной внутренней потенциальной этнодемографической и социально-политической энергией — пассионарностью, от степени упорядоченности и управляемости которой в значительной степени зависит системное, динамичное и стабильное развитие всего евразийского материка.*

Функция «осевого региона». *Основная функция «Хартленда» — Центральной Евразии — заключается в обеспечении устойчивой сухопутной связи как по горизонтали (широтно) «Запад — Восток», так и по вертикали (меридионально) «Север — Юг». Иными словами, Центральная Евразия призвана содействовать стабильной геополитической и экономической интеграции крупных и относительно обособленных ареалов евразийского материка.*

Принципы формирования «осевого региона». В современный период для достижения глобального равновесного развития человечества при формировании «осевого региона» необходимо использовать преимущественно принципы *социально-экономической целесообразности (совместимости и взаимодополняемости) и самоорганизации*, а при его функционировании — принципы *саморегулирования и самоуправления*. Как показала многовековая история Центральной Евразии, это обусловлено тем, что в периоды, когда «Хартленд» формировался преимущественно по этноконфессиональному или политико-идеологическому принципу и, соответственно, функционировал по принципу господства титульной нации над остальными народами завоеванного ареала, в конечном счете происходили распад евразийских империй и, соответственно, раскалывание «Хартленда» как единого, целостного геополитического пространства на отдельные сегменты. Тем самым

нарушались сложившиеся объективные взаимосвязи между основными регионами всего евразийского материка.

3.4. Новая геополитическая структура Центральной Евразии

Эволюция «осевого региона», основные этапы которой были рассмотрены выше, свидетельствует о перманентной функциональной мобильности его системообразующих сегментов. Это предполагает внесение ясности в вопрос о том, как сегодня следует структурно оценивать ареал Центральной Евразии. В начале нашего исследования, исходя из теоретического, историко-эмпирического и современного представления данного региона, мы пришли к выводу, что в пространственно-функциональном плане Центральная Евразия — нечто большее, чем просто *Центральный Кавказ плюс Центральная Азия*⁵⁰. К этому можно прийти, даже рассуждая только пространственно. Если в евразийский материк органически входят Европа и Азия, то, соответственно, как было отмечено выше, его центральная часть должна включать в себя центральные сегменты обоих континентов, то есть как территории центральноевропейских стран, так и территории центральноазиатских стран, а также особую зону, «область их пересечения» — территории центральнокавказских стран, что, как уже отмечалось, подтверждается многовековой историей социально-экономической жизни «осевого региона».

Наряду с этим структуризация геополитического пространства Евразии не может быть основана лишь на физико-географических принципах, то есть исключительно на про-

⁵⁰ В постсоветский период в состав Центральной Евразии в основном включали два сегмента «осевого региона»: Кавказ и Центральную Азию (Исмаилов и Эсенов, 2005; Amineh and Houweling, 2005, pp. 2—3; Fairbanks, Nelson, Starr, and Weisbrode, 2001, p. vii).

странственно-географических параметрах⁵¹. На наш взгляд, региональная структуризация геополитического пространства должна проводиться не столько с точки зрения физико-географического критерия, сколько исходя из принципа функционального единства данного пространства, совместимости и взаимодополняемости независимых сопредельных государств, их социокультурной близости на базе общности исторического прошлого, а также их совместной функциональной значимости в мировой политике и экономике.

Таким образом, исходя из вышесказанного, представляется необходимым рассматривать современную геополитическую структуру Центрально-Евразийского региона, как состоящего из трех сегментов (Исмаилов, 2007, 2008): Центральная Европа, Центральный Кавказ и Центральная Азия (см. рис. 3 на с. 114).

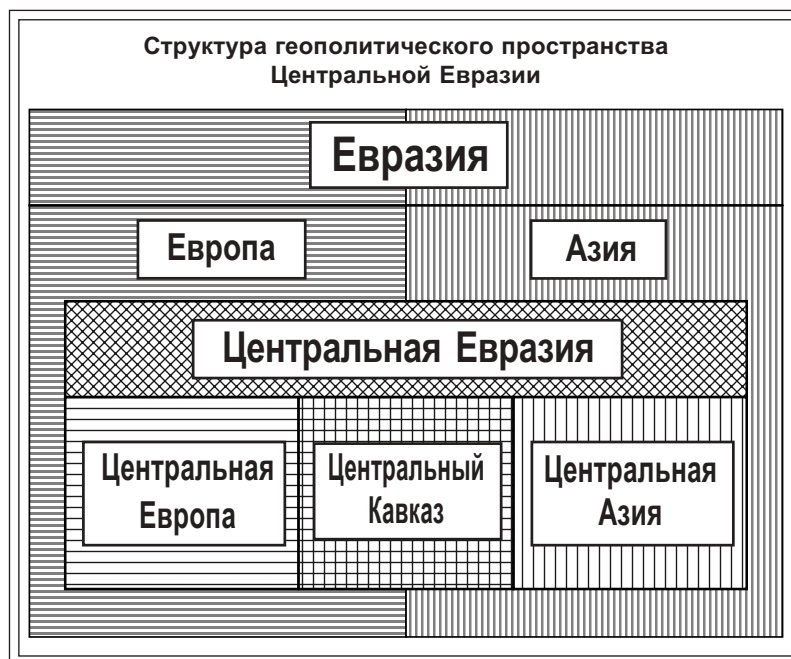
По нашему мнению, такое понимание места и роли Центральной Евразии позволяет восполнить целостность «осевого региона» «недостающим элементом» — Центральной Европой.

Итак, в отличие от существующих концепций, охватывающих лишь два сегмента (Центральную Азию и Центральный Кавказ) и предполагающих осуществлять их формирование и функционирование на принципе «господства титульной нации», представленный нами подход определения параметров, структуры, принципов формирования и функционирования «осевого региона» — Центральной Евразии — предполагает:

- во-первых, включение в состав «осевого региона» (помимо Центральной Азии и Центрального Кавказа) третьего сегмента — территории государств Центральной Европы;

⁵¹ Часто это приводит к тому, что в состав отдельных регионов включают как территории суверенных государств, так и части территории граничащих стран. Например, геополитическое понятие «Центральная Азия» рассматривается и как физико-географический регион, так как, помимо территории пяти постсоветских государств, сюда включают и часть территории западного Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район).

Рисунок 3

— во-вторых, формирование и функционирование «Хартленда» на принципах социально-экономической целесообразности, самоорганизации, самоуправления и саморазвития.

Как показывает исторический опыт и сегодняшняя геополитическая конъюнктура, именно эти принципы формирования и функционирования «осевого региона» — Центральной Евразии — заключают в себе способность обеспечивать долгосрочную, непрерывную сухопутную связь как по горизонтали «Запад — Восток», так и по вертикали «Север — Юг», то есть стабильную социально-экономическую интеграцию Западной Европы — Восточной Азии, России — Южной Азии.

Необходимо также отметить, что в силу ускорения глобализационных процессов в последние десятилетия в геополитической литературе (регионоведении и страноведении) все чаще стали использовать макрокатегории, в том числе слово «Большой», например: «Большая Европа» (Максимычев, 2003; Солозобов, 2005), «Большой Ближний Восток» (Коэн, 2004; Крылов, 2006; Лагунина, 2003; Эрдоган, 2004), «Большая Центральная Азия» (Лаумулин, 2005; Казахстан: аналитика, 2006), «Большой Китай» (Сыроежкин, 2000) и т.д. Рациональность данного подхода очевидна, она связана не столько с необходимостью концептуально обосновать позиции и интересы акторов, конкурирующих на евразийском геополитическом «театре», сколько с объективными закономерностями развития и взаимодействия региональных политических систем на пространстве Евразии в условиях глобализации.

Интересы динамичного и устойчивого политического, экономического и социально-культурного развития государств, составляющих эти региональные подсистемы, сегодня неосуществимы без необходимой степени функциональной открытости и взаимововлеченности в текущие процессы. Ставка на автаркичность в развитии государств имела место в периоды классической геополитики, однако сейчас, в условиях глобализации, ни одна страна не может достичь самодостаточности — как минимум, с точки зрения экономической целесообразности. И это, естественно, отражается в тех процессах, которые ныне протекают в рамках каждого сегмента евразийского материка и между ними.

Таким образом, «узкое» обозначение регионов Евразии не полностью раскрывает современные реалии расширившихся и углубляющихся межрегиональных связей и отношений. Соответственно, их всеобъемлющее понимание требует применения «широкого» (макрорегионального) подхода к структуризации евразийского пространства. В этой связи мы считали бы не только возможным, но и целесообразным использовать

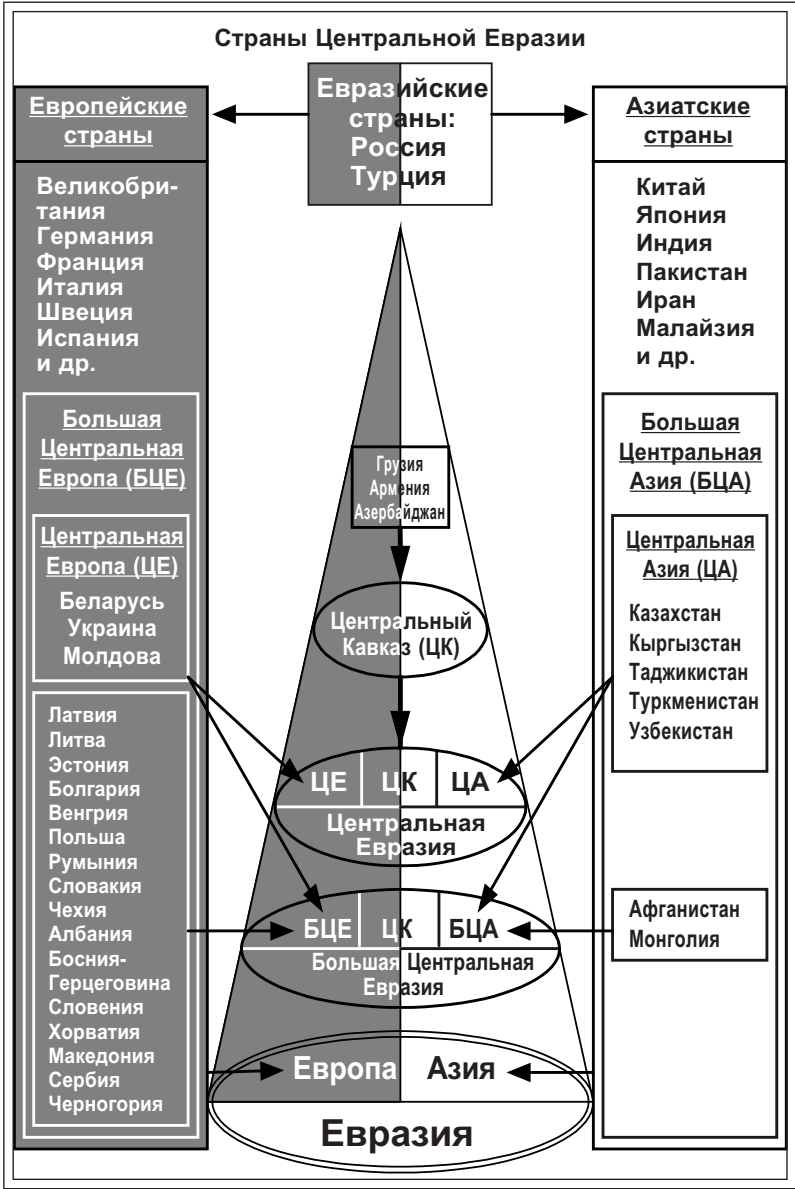
приставку «Большой» и для понятий «Центральная Евразия» и, соответственно, для ее составных частей.

При этом следует учесть, что при характеристике Центрально-Азиатского региона приставка «Большой» уже применяется, то есть понятие «Большая Центральная Азия» широко распространено в научном обороте. Однако для двух других сегментов — Центральная Европа и Центральный Кавказ⁵² — приставка «Большой» еще не используется. В этой связи, исходя из логики расширительного толкования регионов, под Большой Центральной Европой следует, как уже отмечалось нами выше, понимать географическое пространство, включающее, помимо трех постсоветских республик (Беларусь, Украина, Молдова), также балтийские республики (Латвия, Литва, Эстония) и постСЭВовские государства (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Чехия, Словакия, Словения, Хорватия и Черногория) (см. рис. 4).

На первый взгляд может показаться, что страны, включенные в Центральную Евразию, совершенно не схожи по своей истории, идеологии, этнической принадлежности, системе ценностей, и в этой связи они не смогут самоорганизоваться, самоуправляться и саморазвиваться в направлении общих тенденций развития евразийского материка и всей планеты. Однако имеющийся в рамках «осевого региона» определенный интеграционный потенциал базируется именно на общности исторического прошлого народов Центральной Евразии, находившихся вместе почти во всех евразийских империях, на их длительном сосуществовании и этническом смешении. Естественно, это обусловило необходимую близость в культурном, языковом, экономическом и технологическом отношениях. К сожалению, в социально-политической и исторической литературе многие исторические периоды и собы-

⁵² Ввиду пространственной ограниченности Центрального Кавказа приставка «Большой» для этого региона неприменима.

Рисунок 4

тия не отражаются объективно, что, в свою очередь, существенно мешает ускорению интеграции «осевого региона» и в целом всего евразийского материка.

Несмотря на перечисленные и другие сложности, интеграцию Центральной Евразии целесообразно осуществлять последовательно и одновременно по нескольким направлениям во всех ее сегментах. На наш взгляд, учитывая объективные закономерности совместного развития государств сегментов Центральной Евразии, интеграцию следовало бы начать в первую очередь с сотрудничества в самих сегментах, для чего важно выявить противоречия как между государствами сегмента, так и между самими сегментами и найти ускоренные пути их эффективного разрешения.

Следует также подчеркнуть, что порой объем и уровень сотрудничества между государствами различных сегментов Центральной Евразии выше, нежели между государствами внутри каждого из них. Так, уровень сотрудничества центральноазиатского Казахстана с центральнокавказским Азербайджаном несравненно выше, нежели, например, с центральноазиатским Туркменистаном, а Азербайджан имеет стратегическое партнерство с центральноевропейской Украиной, но в то же время находится в состоянии войны с центральнокавказской Арменией.

По нашему мнению, реализация интеграционных процессов в Центральной Евразии предполагает активизацию в каждом сегменте иницирующего ядра, то есть группы экономически и политически наиболее развитых стран, которые могли бы стать основой интеграции в самом сегменте с учетом общеинтеграционных тенденций в Центрально-Евразийском регионе. Так, на роль «иницирующего ядра» в интеграции Центральной Евразии претендуют: в Центрально-Европейском сегменте — Украина; в Центрально-Кавказском — Азербайджан и Грузия; в Центрально-Азиатском — Казахстан, которые, невзирая на общие внутри- и межрегиональные противоречия, приступили к поиску эффективных путей социаль-

но-экономического сотрудничества во всем Центрально-Евразийском регионе. Поэтому формирование и функционирование единой экономики Центральной Евразии, по-видимому, не является мифом, как утверждают некоторые.

Даже если в обозримом будущем и не произойдет становления Центральной Евразии как оформленного экономического и политического сообщества, интеграционные процессы в регионе и та роль, которую начали играть в них «инициирующие ядра» трех сегментов, свидетельствуют, что экономическая и политическая мощь «Хартленда» вновь возрождается.

Таким образом, одной из важнейших задач мирового сообщества, которую предстоит решить в первой четверти XXI века, является, на наш взгляд, содействие налаживанию системных связей между сегментами Центральной Евразии (т.е. между странами Центральной Европы, Центрального Кавказа и Центральной Азии) на принципах социально-экономической целесообразности, самоорганизации и самоуправления. Это, в свою очередь, позволит Центральной Евразии обеспечить долгосрочное, устойчивое и эффективное выполнение планетарной (геополитической и геоэкономической) функции интеграции относительно обособленных, крупных ареалов евразийского материка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам:

По новому определению Центральной Евразии

- После развала СССР начался исторический процесс не просто становления независимых государств, но и формирования новых геополитических ареалов, которые объединяют в себе некоторые бывшие советские республики. В последние годы все более широкое распространение получает и относительно новый геополитический термин «Центральная Евразия», который, как правило, охватывает в едином геополитическом пространстве такие страны, как Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.
- В географическую Центральную Евразию фактически полностью входит географическая Центральная Азия, в то время как Центральная Европа туда не включается. Если рассуждать логически, исходя из того, что географическая Евразия как континент состоит из двух частей света — Европы и Азии, то географическая Центральная Евразия естественно должна включать в себя и Центральную Европу и Центральную Азию, а также объединяющий их Центральный Кавказ.

По России и евразийству

- После развала СССР проблема национальной и территориальной идентичности особенно остро встала пе-

ред Россией, которая за последние двести лет впервые оказалась в значительно суженных границах, что с особой силой стимулировало поиски концепций о ее особой роли, по крайней мере на постсоветском пространстве. В качестве теоретического обоснования имперских амбиций России успешно могут быть использованы идеи так называемого «евразийства», которые получили «второе дыхание» в постсоветский период.

- Фактически дискуссия по поводу нахождения компромисса между правильным географическим определением Евразии и той территории, на которую распространяется российский контроль, не является исчерпанной. По своему характеру евразийское течение русской геополитической школы способствует оправданию исторически складывающихся имперских амбиций России — господствовать в центре географического континента Евразия.
- Хотя в России сторонники евразийства не находятся у власти, но в отличие от ельцинского периода современные евразийцы с самого начала стали более приемлемы для путинского официоза, и, как следствие, евразийство быстро стало возвышаться российской политической элитой до уровня господствующей идеологии.
- Россия вряд ли сможет доминировать на постсоветском пространстве, и не только потому, что другие «игроки», появившиеся на этом пространстве, обладают значительно большими экономическими, информационными и военными ресурсами, а прежде всего из-за того, что российская политическая элита не заинтересована в обеспечении и укреплении государственного суверенитета бывших советских республик. Современная политика России на Центральном Кавказе, к сожалению, строится не на понимании того, что России вы-

годнее иметь дело с едиными, целостными и стабильными странами Центрального Кавказа, а практически совпадает с евразийским подходом к конфликтным регионам и стратегическим партнерам. За прошедшие двадцать лет страны Центральной Азии, исходя исключительно из собственных интересов, в той или иной степени научились лавировать между различными странами, конкурирующими между собой в реализации своих интересов.

- Начиная с 1990-х годов создалось впечатление, что «холодная война» завершилась и новая Россия бесповоротно встала на путь сотрудничества с цивилизованным миром, демократических преобразований и перехода к рыночной экономике. Это впечатление создавалось еще в эпоху Горбачева, а затем усилилось во время президентства Ельцина. Но российско-грузинская война в августе 2008 года свидетельствует, что окончание «холодной войны» — это не столько реальность, сколько принятое Западом за реальность желание самого же Запада, иными словами — иллюзия. Эта иллюзия поддерживалась тем, что умирающий СССР и его правопреемник — вновь созданное Российское государство — были настолько ослаблены политически и экономически, что желание получить от Запада экономическую помощь вынудило Москву повернуться в сторону Запада, в сторону западных ценностей. В то же время в России усиливалась ностальгия по утраченной империи.
- Даже наиболее трезвый взгляд из России на страны Центрального Кавказа и Центральной Азии не исключает некоего «мягкого» варианта навязывания российских интересов хотя бы некоторым странам региона — независимо от того, насколько это соответствует интересам самих этих стран. Если для Москвы характерны

рассуждения об исторических, психологических и прочих связях России с бывшими советскими республиками, то для США любое теоретизирование в духе «мягкого» или «ограниченного» суверенитета этих республик принципиально неприемлемо. При этом американцы считают, что Россия должна быть заинтересована в более процветающих соседях, более стабильном окружении.

По эволюции «Осевого региона»

- Сложившаяся на пороге XXI века геополитическая ситуация дала новый импульс исследованию принципов региональной структуризации геополитического и геоэкономического пространства всего евразийского материка. В этой связи особую актуальность вновь приобретают концепции, предложенные Хэлфордом Маккиндером, а в последующем — Николасом Спайкманом.
- История формирования и развития пространства «осевого региона» определенно позволяет сделать вывод о перманентности изменений его пространственно-функциональных параметров. В различные исторические эпохи «осевой регион» то расширялся, то сокращался в рамках тех или иных имперских систем, после распада которых, как правило, возникали устойчивые во времени административно-территориальные единицы.
- Центральная Евразия состоит из трех сегментов: Центральная Европа, Центральный Кавказ и Центральная Азия. Такое понимание места и роли Центральной Евразии позволяет восполнить целостность «осевого региона» «недостающим элементом» — Центральной Европой.
- В современный период для достижения глобального равновесного развития человечества при формирова-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

нии «осевого региона» необходимо использовать преимущественно принципы совместимости, взаимодополняемости и самоорганизации. Как показала многовековая история Центральной Евразии, это обусловлено тем, что в периоды, когда «Хартленд» формировался, преимущественно, по этноконфессиональному или политико-идеологическому принципу и соответственно функционировал по принципу господства титульной нации над остальными народами завоеванного ареала, в конечном счете происходили распад евразийских империй и соответственно раскалывание «Хартленда», как единого, целостного геополитического пространства, на отдельные сегменты. Тем самым нарушались сложившиеся объективные взаимосвязи между основными регионами всего евразийского материка.

- Имеющийся в рамках «осевого региона» определенный интеграционный потенциал базируется именно на общности исторического прошлого народов Центральной Евразии, находившихся вместе почти во всех евразийских империях, на их длительном сосуществовании и этническом смешении. Естественно, это обусловило необходимую близость в культурном, языковом, экономическом и технологическом отношениях.

По концепции «Центральной Кавказии»

- Регион, охватывающий Центральный Кавказ и Центральную Азию, в единстве можно назвать Центральной Кавказией (Central Caucaso-Asia): в этом случае сохраняется слово «Центральная», которое является характерным, ключевым, для обоих подрегионов, а слово «Кавказия» — производное от двух слов: «Кавказ» и «Азия». Из-за отсутствия политической или культурной гомогенности Центральная Кавказия не

является интегрированной. Вместе с тем у стран, входящих в этот регион, есть много общего, что и представляет интерес для их рассмотрения в рамках единого региона.

- Большое значение имеет то обстоятельство, что Центральный Кавказ и Центральная Азия, то есть «Центральная Кавказия», могут в полном объеме задействовать возможности, заложенные в их взаимодополняемости: Центральный Кавказ может выполнять функцию соответствующего «моста», открывающего геополитически закрытую для Запада Центральную Азию. Было бы наивным считать, что как мировые, так и региональные державы оставили бы в покое страны Центральной Кавказии и что те могли бы развиваться в свободном режиме. В действительности ситуация намного сложнее, вследствие чего этим странам необходимо сделать свой выбор, исходя из того, какие устремления и действия тех или иных держав в большей степени соответствуют их национальным интересам.
- Введение в научный оборот понятия «Центральная Кавказия» — это не просто уточнение географической идентификации рассматриваемого региона; оно к тому же является таким концептуальным видением интересов упрочения государственного суверенитета стран региона, которое в основе противостоит духу и идеям евразийства.

В заключение отметим, что одна из ключевых задач мирового сообщества в первой четверти XXI века — это установление системных связей между сегментами Центральной Евразии, то есть между странами Центральной Европы, Центрального Кавказа и Центральной Азии, на основе принципов социально-экономической целесообразности, самоорганизации и самоуправления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря об объективных закономерностях совместного развития государств Центральной Евразии, важно выявить противоречия между государствами одного сегмента и между сегментами и найти ускоренные пути их эффективного разрешения. В определенных случаях объем и уровень сотрудничества между государствами различных сегментов Центральной Евразии выше, чем между государствами одного и того же сегмента. Например, уровень сотрудничества центральнокавказского Азербайджана с центральноазиатским Казахстаном намного выше, чем с его центральноазиатским соседом — Туркменистаном. С другой стороны, Азербайджан является стратегическим партнером центральноевропейской Украины, тогда как с центральнокавказской страной — Арменией — находится в условиях войны.

Для того чтобы способствовать интеграционному процессу в Центральной Евразии, необходимо определить «иницилирующее ядро» каждого сегмента. Это означает выделение группы наиболее развитых с экономической и политической точек зрения стран, являющихся краеугольным камнем интеграционных процессов внутри каждого сегмента и способствующих интеграционным тенденциям во всей Центральной Евразии. Подобную группу образуют следующие страны Центральной Евразии: Украина — в сегменте Центральной Европы, Азербайджан и Грузия — в сегменте Центрального Кавказа и Казахстан — в сегменте Центральной Азии. Эти страны должны способствовать устранению внутри- и межрегиональных противоречий с целью нахождения наиболее эффективных путей сотрудничества во всей Центральной Евразии. Несмотря на определенный скептицизм, именно в этом контексте в Центральной Евразии можно будет создать интегрированную и беспрепятственно функционирующую экономическую систему. Маловероятно, что это случится в ближайшее время, так как «иницилирующее ядро» трех указанных сегментов только начинает влиять на экономическую и политическую активность «Хартленда».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лишь при таких условиях для Центральной Евразии возможно обеспечить долгосрочное, устойчивое и эффективное выполнение ее глобальных (геополитической и геоэкономической) функций: интегрирование относительно изолированных, но крупных ареалов евразийского континента, самостоятельное развитие которых, согласно российской евразийской традиции, отвергается.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абишева, М., и Т. Шаймергенов, 2006. Религиозно-политический экстремизм в странах Центральной Азии: анализ причин распространения // *Центральная Азия и Кавказ*, № 6 (48), с. 50—64.
- Агаджанов, С.Г., 1991. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв. Москва: Наука.
- Акимбеков, С., 2005. Тупик либерализма. Какую стратегию избрать Казахстану? // *ЦентрАзия*, Ноябрь 04, на сайте <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1131088440>.
- Алексеева Н.Н., и И.С. Иванова, 2003. Средняя или Центральная Азия? // *География*, № 30, с. 13—17, на сайте <http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200302804>.
- Алиев, И., 2003. Каспийская нефть Азербайджана. Москва: Известия.
- Алиев, Ф., 2005. Кавказ сквозь призму евразийства // *Центральная Азия и Кавказ*, № 1 (37), с. 106—116.
- Али-заде, А.А., 1956. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР.
- Антощенко, А.В., и А.А. Кожанова, ред., 2000. О Евразии и евразийствах (библиографический указатель). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, на сайте <http://petsu.karelia.ru/Chairs/PreRev/BIBLRUS.rtf>.
- Артамонов, М.И., 1962. История хазар. Ленинград: Наука.
- Арутюнов, С.А., 2000. Россия между Западом и Востоком // Эволюция евразийской теории и фактор АТР. Дискуссионный клуб, Круглый стол № 3, на сайте <http://nnmoiseev.ru/st0023.htm>.
- Бабак, В., 2006. Нефтегазовый сектор Казахстана // *Центральная Азия и Кавказ*, № 4 (46), с. 50—66.
- Беляев, Е.А., 1966. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. Москва: Наука.

- Бернштам, А.Н., 1951. Очерк истории гуннов. Ленинград: Ленинградский университет.
- Бжезинский, Зб., 2005а. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: Международные отношения.
- Бжезинский, Зб., 2005б. Выбор. Глобальное господство и глобальное лидерство. Москва: Международные отношения.
- Благов, С., 2008. Россия: в поисках путей укрепления энергетических позиций в Каспийском бассейне // Eurasia Insight. Eurasianet, Октябрь 8 (на русск. яз.), на сайте <http://russian.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav100808ru.shtml>.
- Борисова, Е., 2005. Оценка значимости идей Маккиндера в современных реалиях // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (40), с. 24—27.
- Буниятов, З.М., 1999. Государство Атабеков Азербайджана 1136—1225 гг. Т. 2. Баку: Элм.
- Верт, Н., 2003. История Советского государства 1900—1991. Москва: ИНФРА-М, Издательство «Весь мир».
- Виелмини, Ф., 2005. Роль теории Маккиндера в нынешнем стратегическом развертывании США в Евразии: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (40), с. 70—78.
- Возжеников, А.В., ред., 2006. Региональная безопасность. Москва: Издательство РАГС.
- Гаджиев, А., 1992. Из истории образования и падения Юго-Западной Кавказской (Карской) Демократической Республики. Баку: Элм
- Гаджиев, А., 2004. Демократические республики Юго-Западного Кавказа (Карская и Араз-Тюркская республики). Баку: Нурлан.
- Гаджиев, К.С., 2003. Геополитика Кавказа. Москва: Международные отношения.
- Гамкрелидзе, Т.В., 1998. «Закавказье» или «Южный Кавказ»? К уточнению геополитической номенклатуры. В кн.: Посткоммунистические демократические преобразования и геополитика на Южном Кавказе. Материалы конференции 17—18 октября 1997 г. / Под ред. В. Кешелава. Тбилиси: Мецниереба, с. 37—39.
- Гачечиладзе, Р., 2003. Ближний Восток: пространство, народ и политика. Тбилиси: Диогене (на груз. яз.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гладкий, Ю.Н., 2006. Россия в лабиринтах географической судьбы. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс».
- Гловели, Г., 2000. Геополитическая экономия в России // Вопросы экономики, № 11, с. 46—63.
- Гордлевский, В.А., 1960. Государство сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения. Т. I. Москва: Издательство восточной литературы.
- Григорян, М., 2008. Армения: новые проекты — попытка обрести независимость от Москвы? Eurasianet, Октябрь 17 (на русск. яз.), на сайте <http://www.eurasianet.org/eurasianet/russian/departments/insight/articles/eav101708ru.shtml>.
- Григорян, С., 2007. Южный Кавказ и международное сообщество. Место Армении в современном мире // Европа, журнал польского института международных дел, Том. 7, № 3, с. 87—112.
- Гринберг, Р.С., Л.З. Зевин и др., 2001. 10 лет Содружества независимых государств: иллюзии, разочарования, надежды. Москва: ИМЭПИ РАН.
- Гуан, П., 2003. Шанхайская организация сотрудничества в контексте международной антитеррористической компании // Центральная Азия и Кавказ, № 3 (27), с. 55—62.
- Гуанчэн, С., 2002. Шанхайская организация сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (22), с. 13—21.
- Гумилев, Л.Н., 1960. Хунну. Срединная Азия в древние времена. Москва: Институт восточной литературы АН СССР.
- Гумилев, Л.Н., 1967. Древние тюрки. Москва: Наука.
- Гумилев, Л.Н., 2001. Этногенез и биосфера земли. Москва: Рольф.
- Гумилев, Л.Н., 2002. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава». В кн.: Основы евразийства / Под. ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 479—482.
- Гумилев, Л., 2007. Ритмы Евразии: Эпохи цивилизации. Москва: АСТ.
- Дадабаев, Т., 2006. Постсоветский Туркменистан: условия жизни, доверие между людьми, источники беспокойства // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (46), с. 147—157.
- Дака, А., 2005. Хартленд Маккиндера и расположение геополитического тетраэдра // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (40), с. 55—69.

- Д'Анкосс, Э.К., 2005. Незавершенная Россия. Москва: Росспэн.
- Даниелян, Э., 2008. Запрет Грузии на транзит живой силы и техники создает помехи российскому военному присутствию в Армении // Eurasianet, Октябрь 10 (на русск. яз.), на сайте <http://www.eurasianet.org/eurasianet/russian/departments/insight/articles/eav101008aru.shtml>.
- Дарабади, П., 2002. Геоистория Каспийского региона и геополитика современности. Баку: Элм.
- Дарабади, П., 2003. Каспийский регион в современной геополитике // Центральная Азия и Кавказ, № 3 (27), с. 76—83.
- Дарабади, П., 2006. Глобализация и геополитические процессы в Центральной Евразии // Центральная Азия и Кавказ, № 3 (45), с. 7—14.
- Джангужин, Р.Н., 2005. Новые независимые государства Центральной Азии в системе международных отношений. Киев: Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины.
- Добаев, И., и А. Дугин, 2005. Геополитические трансформации в Кавказско-Каспийском регионе // Центральная Азия и Кавказ, № 5 (41), с. 90—99.
- Дружиловский, С.Б., 2006. К вопросу об альтернативной стратегии Российской Федерации в сфере энергетической политики. В кн.: Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / Под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова и А.А. Языковой. Москва: Издательский дом «Граница», с. 77—82.
- Дубнов, А., 2008. Россия: какими будут правила поведения Москвы в многополярном мире? Eurasia Insight. Eurasianet, Октябрь 7 (на русск. яз.), на сайте <http://www.eurasianet.org/eurasianet/russian/departments/insight/articles/eav100708aru.shtml>.
- Дугин, А., 1997. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Москва: Арктогея.
- Дугин, А., 2001. Евразийство: от философии к политике // Независимая газета, Май 30, на сайте http://www.ng.ru/ideas/2001-05-30/8_philosophy.html.
- Дугин, А.Г., 2002а. Евразийский триумф. В кн.: Основы евразийства / Под ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 485—502.
- Дугин, А.Г., 2002б. Евразийский федерализм. В кн.: Основы евразийства / Под ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 589—594.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дугин, А.Г., 2002в. КПРФ и евразийство. В кн.: Основы евразийства / Под. ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 579—588.
- Дугин, А.Г., 2002г. Проект «гражданское общество» как угроза российской самобытности. В кн.: Основы евразийства / Под. ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 604—609.
- Дугин, А.Г., 2002д. Россия может быть или великой или никакой. В кн.: Основы евразийства / Под. ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 781—787.
- Дугин, А.Г., 2002е. Теория евразийского государства. В кн.: Основы евразийства / Под. ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 521—533.
- Дугин, А.Г., 2002ж. Экономика: четвертая зона. В кн.: Основы евразийства / Под. ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 657—661.
- Дугин, А.Г., 2002з. Экономические аспекты неоевразийства. В кн.: Основы евразийства / Под. ред. А. Дугина. Москва: Арктогея-Центр, с. 626—637.
- Дугин, А., 2004а. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. Санкт-Петербург: Евразия.
- Дугин, А., 2004б. «Петр Савицкий идеолог Великой Евразии» // FINIS MUNDI, № 12, Арктогея философский портал, на сайте <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1110>.
- Дугин, А., ред., 2004в. Проект «Евразия». Москва: Эксмо, Яуза.
- Дугин, А., 2008а. Без компромиссов — танки на Тбилиси! // ЕВРАЗИЯ: информационно-аналитический портал, Август 10, на сайте <http://www.evrazia.org/article.php?id=571>.
- Дугин, А., 2008б. И правы, и страна наша // ЕВРАЗИЯ: информационно-аналитический портал, Август 23, на сайте <http://www.evrazia.org/article.php?id=608>.
- Дугин, А., ред., 2004. Основы евразийства. Москва: Арктогея-Центр.
- Жалило, Я., 2003. Украина: евразийская интеграция или европейский выбор? // Центральная Азия и Кавказ, № 6 (30), с. 178—187.
- Жмуйда, И., и М. Морозова, 2002. «Золотой полумесяц» и Центральная Азия: основные потоки героиновой экспансии // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (22), с. 58—66.

- Загашвили, В.С., 2000. Нефть, транспортная политика, интересы России. В кн.: Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство / Под. ред. Р.М. Авакова, А.Г. Лисова. Москва: Финстатинформ, с. 184—195.
- Зиядуллаев, Н., 2006. Государства Центральной Азии в условиях глобализации: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, № 6 (48), с. 145—155.
- Зюганов, Г.А., 1994. Держава. Москва: Информпечать.
- Зюганов, Г.А., 1996. Россия — родина моя: Идеология государственного патриотизма. Москва: Информпечать.
- Зюганов, Г.А., 1997. География победы: Основы российской геополитики, на сайте <http://feelosophy.narod.ru/Zyuganov/Index.htm>.
- Иванов, М.С., 1952. Очерк истории Ирана. Москва: ОГИЗ.
- Исмаилов, Эльдар, 2002. О геополитических предпосылках экономической интеграции Центрального Кавказа // Известия АН Грузии — серия экономическая, Т. 10, № 3—4, с. 123—148.
- Исмаилов, Э., 2007. О категории Центральная Евразия // Доклады Национальной академии наук Азербайджана, Том LXIII, № 1, с. 122—137.
- Исмаилов, Э., 2008. О геополитической функции «Центральной Евразии» в XXI веке // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (56), с. 7—33.
- Исмаилов, Э., и В. Папава, 2006. Центральный Кавказ: от геополитики к геоэкономике. Стокгольм: SA&CC Press.
- Исмаилов, Э., и В. Папава, 2007. Центральный Кавказ: история, политика, экономика. Москва: Мысль.
- Исмаилов, Э., и З. Кенгерли, 2002а. Интеграция Кавказа и современные геоэкономические процессы // Известия Национальной академии наук Азербайджана. Серия гуманитарных и общественных наук (экономика), № 1, с. 24—48.
- Исмаилов, Э., и З. Кенгерли, 2002б. О категории Кавказ // Доклады Национальной академии наук Азербайджана, Том LVIII, № 5—6, с. 290—294.
- Исмаилов, Э., и З. Кенгерли, 2003. Кавказ в глобализирующемся мире: новая модель интеграции // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (26), с. 157—166.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Исмаилов, Э., и М. Эсенев, 2005. Центральная Евразия в новых геополитических и геоэкономических измерениях. В кн.: Центральная Евразия 2005 (Аналитический ежегодник). Luleå: CA&CC Press, с. 11—46.
- Исмаилов, Э., и Э. Полухов, 2004. Противостояние «старых» и «новых» игроков на политической карте Кавказа // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (34), с. 48—58.
- Ихсаноглу, Э., ред., 2006. История Османского государства, общества и цивилизации. В 2-х томах. Том 1: История Османского государства и общества. Москва: Восточная литература.
- Казахстан: аналитика, 2006. «Большая Центральная Азия: объединяй и властвуй» // Dumaem.ru, Апрель 16, на сайте http://www.dumaem.ru/indexkz.php?iq=st_show&st_kztm_id=8&st_id=814#up.
- Каменев, С., 2002. Внешняя политика Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (22), с. 90—102.
- Кенгерли, З., 2005. Геополитическое соперничество на Центральном Кавказе: традиции и реалии // Доклады Национальной академии наук Азербайджана, Том LXI, № 1, с. 141—143.
- Каменев, С., 2003. Энергетическая политика и энергетические проекты Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (28), с. 132—142.
- Кенисарин, М., 2004. Энергетика Узбекистана: состояние и проблемы // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (32), с. 142—157.
- Кловер, Ч., 1999. Мечты о евразийском Heartland. Возрождение геополитики // Завтра, Апрель 7, на сайте <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/99/282/51.html>.
- Козик, Л.П., и П.А. Кохно, 2001. СНГ: реалии и перспективы. Москва: Издательский дом «Юридический мир ВК».
- Койчуманов, Т., 2003. Проблемы идентификации экономических интересов государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, № 3 (27), с. 164—170.
- Комиссия европейских сообществ, 2008. Сообщение Европейской комиссии для Европейского парламента и Европейского совета. Восточное партнерство. SEC(2008) 2974. Брюссель, Декабрь 3, на сайте http://ec.europa.eu/external_relations/eastern/docs/com08_823_ru.pdf.
- Котляков, В.М., ред., 2006. Оледенение Северной и Центральной Евразии в современную эпоху. Москва: Наука.

- Коэн, А., 2004. Большой Ближний Восток. Хартия'97, Июнь 29, на сайте <http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/29/vostok>.
- Крупнов, Ю., 2005. Почему либеральная империя в России не получится? // Вестник аналитики, № 2 (20), с. 38—56.
- Крылов, А.Б., 2006. Нефть и новые игры на глобусе. Фонд стратегической культуры, Сентябрь 08, на сайте <http://www.fondsk.ru/article.php?id=269>.
- Курганбаева, Г., 2004. Концептуальные основы экономической интеграции стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, № 5 (35), с. 175—179.
- Куртов, А., 2002. Особенности президентских выборов в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, № 6 (24), с. 28—37.
- Куртов, А., 2004. Проблемы обеспечения водой государств Центральной Азии: позиция Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ, № 6 (36), с. 130—140.
- Куртов, А., 2006. Место выборов в системе власти Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (44), с. 112—121.
- Лагунина, И., 2003. НАТО и Большой Ближний Восток // Радио свобода, Октябрь 29, на сайте <http://www.svoboda.org/programs/ep/2003/ep.102903.asp>.
- Ларюэль, М., 2000. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии, № 1, на сайте http://www.iicas.org/articles/KrSt_24_03_00.htm.
- Лаумулин, М., 2002. Центральная Азия после 11 сентября // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (22), с. 33—44.
- Лаумулин, М., 2005. Большая Центральная Азия (БЦА) — новый мегапроект США? // ЦентрАзия, Ноябрь 21, на сайте <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1132564860>.
- Лиллис, Дж., 2008. Кыргызстан: Отсутствие результатов вновь ставит под сомнение будущее СНГ // Eurasianet, Октябрь 14 (на русск. яз.), на сайте <http://www.eurasianet.org/eurasianet/russian/departments/insight/articles/eav101408ru.shtml>.
- Локкарт, Л., 2004. Надир шах. Баку: Qanun.
- Лордкипанидзе, М., 1998. К вопросу «Кавказского единого дома» // *Caucasica. The Journal of Caucasian Studies*, Vol. 2, pp. 163—169.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лунев, С., 2006. Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // *Центральная Азия и Кавказ*, № 3 (45), с. 14—27.
- Маккиндер, Х.Дж., 1995. Географическая ось истории // *Полис*, № 4, с. 162—170.
- Максаков, И., 2001. Евразийство на юге России: убеждения и сомнения // *Независимая газета*, Июнь 08, на сайте http://www.ng.ru/politics/2001-06-08/3_south.html.
- Максименко, В., 2000. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // *Центральная Азия и Кавказ*, № 3 (9), с. 64—74.
- Максимычев, И.Ф., 2003. Ось мира как начало Большой Европы // *Независимая газета*, Февраль 28, на сайте http://www.ng.ru/world/2003-02-28///6_europe.html.
- Малышева, Д.Б., 2000. Турция и Иран: Закавказье — объект старого соперничества. В кн.: *Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство* / Под. ред. Р.М. Авакова, А.Г. Лисова. Москва: Финстатинформ, с. 63—74.
- Мамаев, Ш., 2008. Турция приступает к «активному стоянию» на Кавказе // *Политический журнал*, № 10 (187), Сентябрь 30, на сайте <http://www.politjournal.ru/index.php?POLITSID=778ffdc756a47c92a40696e325b8727f&action=Articles&dirid=40&tek=8240&issue=221>.
- Маргания, О.Л., ред., 2007. СССР после распада. Санкт-Петербург: изд-во «Экономическая школа».
- Матикеева, С., 2005. Наследие Маккиндера: пророчество или? // *Центральная Азия и Кавказ*, № 4 (40), с. 28—33.
- Мегоран, Н., и С. Шарапова, 2005. Помогает или мешает нам «Хартленд» Маккиндера понять Центральную Азию? // *Центральная Азия и Кавказ*, № 4 (40), с. 8—23.
- Метревели, Р., 2001. Кавказ на рубеже тысячелетий // *Caucasica. The Journal of Caucasian Studies*, Vol. 4, pp. 81—86.
- Метревели, Р., 2009. Кавказская цивилизация в контексте глобализации. Стокгольм: SA&CC Press.
- Минасян, Г., 2008. Армения, российский форпост на Кавказе? // *Russie. Nei.Visions*, No.27, Февраль, на сайте http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_RNV_minassian_Armenie_Russie_RUS_fevr2008.pdf.

- Михайлов В.А., ред., 2007. Геополитика. Москва: Издательство РАГС.
- Моисеев, Н.Н., 2000. Геополитическое положение России: перспективы развития // Эволюция евразийской теории и фактор АТР. Дискуссионный клуб, Круглый стол № 3, на сайте <http://nnmoiseev.ru/geopolit.htm>.
- Музаффарли (Иманов), Н., 2006. Рейтинг Азербайджана в международных сравнительных исследованиях. Баку: Кавказ.
- Музаффарли (Иманов), Н., 2008. Политико-экономическая взаимодополняемость и совместимость государств — членов ГУАМ // Центральная Азия и Кавказ, № 3—4 (57—58), с. 15—36.
- Муминов, И.М., 1968. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии. Ташкент: Фан.
- Мурадян, И., 2008. Региональная политика США и Великобритании: Турция — Иран — Южный Кавказ — Черное море. Ереван: Антарес.
- Мухин, А., и В. Месамед, 2004. Международный транспортный коридор «Север — Юг»: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, № 1 (31), с. 141—147.
- Назарбаева, Д., 2003. Специфика и перспективы политического развития Казахстана. Международный институт современной политики, Декабрь 03, на сайте <http://www.iimp.kz/Lists/articles/DispForm.aspx?ID=766>.
- Назирова, Д., 2003. Политический ислам в Центральной Азии: истоки и этапы становления // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (28), с. 178—188.
- Нартов, Н.А., и В.Н. Нартов, 2007. Геополитика. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Ниязи, А., 2003а. Таджикистан: проблемы использования водноэнергетических ресурсов // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (28), с. 123—132.
- Ниязи, А., 2003б. Юг СНГ: фундаментальные проблемы развития // Центральная Азия и Кавказ, № 6 (30), с. 168—178.
- Олимова, С., и М. Олимов, 2002. Влияние антитеррористической кампании в Афганистане на соседние страны Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (22), с. 45—52.
- Орешкин, Д., 2001. «Золотой миллиард» или «Золотая Орда»? // Независимая газета, Июнь 10, на сайте http://www.ng.ru/ideas/2003-06-10/11_gold.html.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Орлов, Б., 2001. Необходимость евразийства — необходимость тупика // Независимая газета, Май 12, на сайте http://www.ng.ru/polemics/2001-05-12/8_necessity.html.
- Паин, Э.А., 2008а. Грузино-российский вооруженный конфликт: острая форма отравления имперскими иллюзиями // Вестник Института Кеннана в России, Вып. 14, с. 34—43.
- Паин, Э., 2008б. Либералы сдаются без боя. Интеллигенция усвоила и приняла идею о предопределенности «особого пути» России // Независимая газета, Февраль 01, на сайте http://www.ng.ru/ideas/2008-02-01/11_theway.html.
- Паин, Э.А., 2008в. «Особый путь России»: инерция без традиций. Препринт WP14/2008/01. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Паин, Э., 2009. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Панарин, А.С., 1995. Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток, № 2, с. 66—79.
- Панарин, И., 2006. Информационная война и геополитика. Москва: Поколение.
- Папава, В., 2002. Об особенностях международной экономической функции Грузии // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (20), с. 166—170.
- Папава, В., 2006. Сравнительные преимущества стран Центрального Кавказа: потенциальные, реализованные и упущенные возможности // Кавказ & Глобализация, Том 1 (1), с. 99—109.
- Папава, В., 2007а. Нелиберальная «либеральная империя» России // Project Syndicate, Февраль 28, на сайте <http://www.project-syndicate.org/commentary/papava2/Russian>.
- Папава, В., 2007б. Центральная Кавказия: основы геополитической экономики // Аналитические записки Грузинского фонда стратегических и международных исследований, № 1, на сайте http://www.gfsis.org/publications/VPapava_Ru_1.pdf.
- Папава, В., 2008а. О роли «кавказского тандема» в ГУАМ // Центральная Азия и Кавказ, № 3—4 (57—58), с. 50—59.
- Папава, В., 2008б. Россия: железная хватка Кремля // Eurasianet, Ноябрь 07 (на русск. яз.), на сайте <http://russian.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav110708aru.shtml>.

- Папава, В., 2008в. «Центральная Кавказия» вместо «Центральной Евразии» // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (56), с. 33—48.
- Папава, В., и Ф. Старр, 2006. Экономический империализм России // Project Syndicate, Январь 17, на сайте <http://www.project-syndicate.org/commentary/papava1/Russian>.
- Папава, В.Г., и Т.А. Беридзе, 2005. Очерки политической экономии посткоммунистического капитализма (опыт Грузии). Москва: Дело и сервис.
- Парвулеско, Ж., 2006. Путин и евразийская империя. Санкт-Петербург: Амфора.
- Петров, Г., 2004. Энергетические проекты Таджикистана: прошлое, настоящее, будущее // Центральная Азия и Кавказ, № 5 (35), с. 107—118.
- Петров, Г., 2003. Гидроэнергетические ресурсы Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ, № 3 (27), с. 178—187.
- Петухов, В., 2006. Внешнеполитические приоритеты россиян: «новый изоляционизм» или прагматизация сознания. В кн.: Интеграция в Евразии. Народ и элиты стран ЕЭП / Под ред. И. Задорина. Москва: Издательство «Европа», с. 95—115.
- Пигулевская, Н.В., А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, Л.В. Строева и А.М. Беленицкий, 1958. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Ленинград: Ленинградский университет.
- Пионтковский, А., 2005. Почему Россия не будет «доминировать» на постсоветском пространстве // Русский Глобус, Март, № 3, на сайте <http://www.russian-globe.com/N37/Piontkovsky.PochemuRossiaNebudetDominirovat.htm>.
- Плетнева, С.А., 1982. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. Москва: Наука.
- Пономарев, Б.Н., ред., 1966—1968. История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 12 тт. Москва: Наука.
- Примбетов, С., 2006. Перспективы интеграции центральноазиатских государств // Центральная Азия и Кавказ, № 6 (48), с. 135—145.
- Пшеворский, А., 2000. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Москва: РОССПЭН.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Райс, К., 2008. Выступление об американо-российских отношениях в Фонде Маршалла «Германия — США». U.S. Department of State, Сентябрь 18, на сайте <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2008/September/20080918210016eaifas0.251034.html>.
- Райс, Т., 2004. Сельджуки. Кочевники — завоеватели Малой Азии. Москва: ЗАО Центрполиграф.
- Рахмани, А.А., 1991. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку: Элм.
- Ру, Ж.-П., 2007. Тамерлан. Москва: Молодая Гвардия.
- Савицкий, П.Н., 1933. Географические и геополитические основы евразийства. Информационно-аналитический портал «ЕВРАЗИЯ.org», на сайте <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=800>.
- Савицкий, П.Н., 1997. Континент Евразия. Москва: Аграф.
- Салыгин, В.И., и А.В. Сафарян, 2005. Современные международные экономические отношения в Каспийском регионе. Москва: Издательство «МГИМО-Университет».
- Сивил, Дж., 2008а. Грузия выходит из СНГ — заявил Саакашвили // Civil.Ge, Август 12, на сайте <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=17276&search=СНГ>.
- Сивил, Дж., 2008б. Парламент Грузии поддержал выход страны из СНГ // Civil.Ge, Август 14, на сайте <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=17327&search=СНГ>.
- Сидоров, О., 2003. Водные ресурсы Центральной Азии как источник региональных конфликтов // Центральная Азия и Кавказ, № 5 (29), с. 183—190.
- Солозобов, Ю., 2005. Большая Европа против Большой России // Завтра, Июль 20, № 29, на сайте <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/05/609/41.html>.
- Сыроежкин, К., 2000. Быть ли Большому Китаю? // Континент, Январь 26 — Февраль 08, № 2 (15), на сайте <http://www.continent.kz/2000/01/17.html>.
- Тагиева, Ш., 2005. Демократические Республики Юго-Восточного Кавказа (Азадистан и Гилянская Советская Республика). Баку: Кавказ.

- Титаренко, М.Л., 1998. Россия лицом к Азии. Москва: Республика.
- Толипов, Ф., 2007а. Государства Центральной Азии: универсальная демократия, национальная демократия или просвещенный авторитаризм? // *Центральная Азия и Кавказ*, № 2 (50), с. 7—19.
- Толипов, Ф., 2007б. Россия центральноазиатская: уход, удержание или возвращение? // *Центральная Азия и Кавказ*, № 5 (53), с. 19—35.
- Толипов, Ф., 2003. Изменяются ли Хартлэнд и Римлэнд в результате операции в Афганистане? // *Центральная Азия и Кавказ*, № 5 (29), с. 115—123.
- Толипов, Ф., 2005. Центральная Азия как пространство, политика, народ и судьба // *Центральная Азия и Кавказ*, № 2 (38), с. 119—127.
- Толипов, Ф., 2006. Центральная Азия — это пять «станов». Poleмика с казахскими евразийцами // *Центральная Азия и Кавказ*, № 2 (44), с. 18—29.
- Томберг, И., 2003. Энергетическая политика стран Центральной Азии и Кавказа // *Центральная Азия и Кавказ*, № 4 (28), с. 80—91.
- Торбаков, И., 2008. Постсоветская Евразия вступает в новую эру // *Eurasia Insight*. Eurasianet, Сентябрь 23 (на русск.), на сайте <http://www.eurasianet.org/eurasianet/russian/departments/insight/articles/eav091708aru.shtml>.
- Тренин, Д., 2006. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». Москва: Издательство «Европа», на сайте <http://www.carnegie.ru/en/pubs/books/9820trenin.pdf>.
- Трубецкой, Н., 2007. Наследие Чингисхана. Москва: Эксмо.
- Тулепбергенова, Г., 2009. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // *Центральная Азия и Кавказ*, № 1 (61), с. 85—97.
- Тянь, Р.Г., 2009. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая и его роль в системе регионального экономического сотрудничества Большой Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*, № 1 (61), с. 98—109.
- Ултанбаев, Р., 2003. Евразийское экономическое сообщество: тернистый путь развития // *Центральная Азия и Кавказ*, № 3 (27), с. 151—163.
- Ултанбаев, Р., 2006. Евразийское экономическое сообщество в новых условиях интеграции // *Центральная Азия и Кавказ*, № 4 (46), с. 39—50.
- Уткин, А.И., 2000а. Американская стратегия для XXI века. Москва: Логос.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Уткин, А.И., 2006. Евразийская точка зрения // Эволюция евразийской теории и фактор АТР. Дискуссионный клуб, Круглый стол № 3, на сайте <http://nnmoiseev.ru/st0022.htm>.
- Ушакова, Н., 2003. Центральноазиатское сотрудничество: направления трансформации // Центральная Азия и Кавказ, № 3 (27), с. 142—151.
- Фельгенгауэр, П., 2008. «Это была не спонтанная, а спланированная война» // Новая газета, Август 13, на сайте <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/59/04.html>.
- Филипс, Э.Д., 2003. Монголы. Основатели империи Великих ханов. Москва: ЗАО Центрполиграф.
- Хаиндрава, И., 2002. Карабах и Абхазия: динамика неурегулирования // Центральная Азия и Кавказ, № 1 (19), с. 91—103.
- Хачиев, Г., 2006. Центральная Азия: портрет на фоне мировой экономики // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (44), с. 137—146.
- Хекимоглу, Л., 2005. Куда движется «Хартленд»? Центральная Азия, география, глобализация // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (40), с. 79—97.
- Хурбатов, С., 2008. Александр Дугин: Эта война будет с Россией // Накануне.Ru, Август 08, на сайте <http://www.nakanune.ru/articles/13555>.
- Чантуридзе, Л., 2008. Евразия, геополитика и внешняя политика США // Центральная Азия и Кавказ, № 5 (59), с. 7—18.
- Чечелашвили, В., 2008. Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ: реальность, возможности и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, № 3—4 (57—58), с. 8—15.
- Чиковани, Н., 2005. Единый Кавказ: исторически обусловленная реальность или политические иллюзии? // Центральная Азия и Кавказ, № 5 (41), с. 52—63.
- Чубайс, А., 2003. Миссия России в XXI веке // Независимая газета, Октябрь 01, на сайте http://www.ng.ru/printed/ideas/2003-10-01/1_mission.html.
- Шаймергенов, Т., и Г. Тусупбаева, 2006. Роль ШОС в формировании центральноазиатской среды безопасности: геополитические аспекты // Центральная Азия и Кавказ, № 2 (44), с. 7—18.

- Шарапова, С., 2005. Теория «Хартленда» и атлантическое сообщество // Центральная Азия и Кавказ, № 4 (40), с. 125—140.
- Широкоград, А.Б., 2007. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. Москва: Вече.
- Шлапентох, Д., 2005. Российская внешняя политика и евразийство // Eurasia Insight. Eurasianet, Февраль 6 (на русск. яз.), на сайте <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav090605ru.shtml>.
- Шульга, В.А. (рук. авт. колл.), 2001. Экономика СНГ: 10 лет реформирования и интеграционного развития. Москва: Финстатинформ.
- Шумский, Н.Н., 2001. Сотрудничество независимых государств: проблемы и перспективы развития. Минск: «Технопринт».
- Шумский, Н., 2003. Экономическая интеграция государств Содружества: возможности и перспективы // Вопросы экономики, № 6, с. 122—134.
- Шумский, Н., 2004. Общее экономическое пространство государств содружества: оптимальный формат // Мировая экономика и международные отношения, № 2, с.91—97.
- Эйвазов, Дж., 2004. Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики. Баку: Нурлан.
- Эйвазов, Дж., 2009. Россия в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность // Кавказ & Глобализация, Том 3, Вып. 1, с. 11—24.
- Эрдоган, Р.Т., 2004. Широкий взгляд на Большой Ближний Восток // Россия в глобальной политике, Июль, № 4, на сайте <http://www.globalaffairs.ru/numbers/9/2917.html>.
- Эсенов, М., 2001. Внешняя политика Туркменистана и ее влияние на систему региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ, № 1 (13), с. 56—64.
- Эфегил, Э., А.М. Олжай и Х. Кыдык, 2000. Сотрудничество Туркменистана с международными и региональными организациями // Центральная Азия и Кавказ, № 5 (11), с. 142—158.
- Эфендиев, О., 1961. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку: Издательство академии наук Азербайджанской ССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Язькова, А., 2005. Южный Кавказ: уравнение со многими неизвестными // Вестник аналитики, № 2 (20), с. 57—67.
- Язькова, А., 2009. Россия и независимые государства Кавказа // Кавказ & Глобализация, Том 3, Вып. 1, с. 25—32.
- Adalian, Rouben Paul, 1995. Armenia's Foreign Policy: Defining Priorities and Coping with Conflict. In: *The Making of Foreign Policy in Russia and the New States of Eurasia*, ed. by Adeed Dawisha and Karen Dawisha. Armonk: M.E. Sharpe, pp. 309—339.
- Adams, Laura, 2008. Can We Apply Postcolonial Theory to Central Eurasia? *Central Eurasian Studies Review*, Vol. 7, No. 1, pp. 2—7, available at http://www.cesr-cess.org/pdf/CESR_07_1.pdf.
- Ahmadian, Bahram Amir, 1998. Caucasus: Geopolitical Buffer Region (A New Concept for Development), *Caucasica. The Journal of Caucasian Studies*, Vol. 2, pp. 24—35.
- Ahrari, Ehsan, 2003. The Strategic Future of Central Asia: A View from Washington, *Journal of International Affairs*, Vol. 56, No. 2, pp. 164—165.
- Aktürk, Şener, 2006. Reflections on Central Eurasian Model: A Foundation Reply to Barfield on the Historiography of Ethno-Nationalisms, *Central Eurasian Studies Review*, Vol. 5, No. 2, pp. 19—25.
- Alieva, Leila, 1995. The Institutions, Orientations, and Conduct of Foreign Policy in Post-Soviet Azerbaijan. In: *The Making of Foreign Policy in Russia and the New States of Eurasia*, ed. by Adeed Dawisha and Karen Dawisha. Armonk: M.E. Sharpe, pp. 286—308.
- Alkhazashvili, Malkhaz, 2006. Armenia-Azerbaijan: Trade Relations via Georgia, *The Messenger*, No. 015 (1035), January 24, p. 3.
- Allison, Roy, 2008. Russia Resurgent? Moscow's Campaign to "Coerce Georgia to Peace," *International Affairs*, Vol. 84, No. 6, pp. 1145—1171.
- Amineh, Mehdi Parvizi, and Henk Houweling, 2005. Introduction: The Crisis in IR-Theory: Towards a Critical Geopolitics Approach. In: *Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security and Development*, ed. by Mehdi Parvizi Amineh and Henk Houweling. Leiden: Brill, pp. 1—21.
- Amsden, Alice H., 2007. *Escape from Empire: The Developing World's Journey Through Heaven and Hell*. Cambridge: The MIT Press.

- Antonenko, Oksana, 2005. Frozen Uncertainty: Russia and the Conflict over Abkhazia. In: *Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution*, ed. by Bruno Coppieters and Robert Legvold. Cambridge: The MIT Press, pp. 205—269.
- Antonenko, Oksana, 2008. A War with No Winners, *Survival*, Vol. 50, No. 4, pp. 23—36.
- Aras, Bülent, and George Foster, 1999. Turkey: Looking for Light at the End of Caspian Pipeline. In: *Oil and Geopolitics of the Caspian Sea Region*, ed. by Michael P. Croissant and Bülent Aras. Westport: Praeger, pp. 229—247.
- Areshidze, Irakly, 2007. *Democracy and Autocracy in Eurasia: Georgia in Transition*. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press.
- Aron, Leon, 2007. Putin's Cold War. Confrontation with America Satisfies a Domestic Agenda, *The Wall Street Journal*, December 26, available at <http://www.opinionjournal.com/editorial/feature.html?id=110011040>.
- ARKA, 2008. Yerevan-Batumi Transport Corridor may be Commissioned in Two Years, *ARKA News Agency*, October 6, available at <http://www.arka.am/eng/transport/2008/10/06/11466.html>.
- Asatiani, Rozeta, 1998. Issues of Economic Development of the Caucasus, *Caucasica. The Journal of Caucasian Studies*, Vol. 1, pp. 34—42.
- Ash, Timothy Garton, 2009. Europe Needs to Forge a Strategy to Cope with a Shaken, Evolving Russia, *Guardian*, February 5, available at <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/feb/05/russia-european-union>.
- Asimov, M.S., 2001. Description of the Project. In: *UNESCO History of Civilizations of Central Asia*, available at http://www.unesco.org/culture/asia/html_eng/projet.htm.
- Åslund, Anders, 2003. Eventual Success of Market Reform. In: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia*, ed. by Jan H. Kalicki and Eugene K. Lawson. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, pp. 405—428.
- Åslund, Anders, 2005. Putin's Decline and America's Response, *Policy Brief*, No. 41, August. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
- Åslund, Anders, and Andrew Kuchins, 2009a. Pressing the "Reset Button" on US-Russia Relations, *CSIS Policy Brief*, March, available at http://www.csis.org/media/csis/pubs/090405_policy_briefing_russia_balance.pdf.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Åslund, Anders, and Andrew Kuchins, 2009b. *The Russia Balance Sheet*. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies.
- Asmus, Ronald D., 2008. How the West Botched Georgia, *The New Republic*, August 12, available at <http://tnr.com/politics/story.html?id=9da1fd2d-1701-470b-b734-3fc365571e0d>.
- Asmus, Ronald D., and Richard Holbrooke, 2008. Black Sea Watershed, *The Washington Post*, August 11, available at <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/08/10/AR2008081001870.html>.
- Baer, Robert, 2008. The Russian Empire Strikes Back, *Time*, August 12, available at <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1831857,00.html>.
- Balcerowicz, Leszek, 1995. *Socialism, Capitalism, Transformation*. Budapest: Central European University Press.
- Banuazizi, Ali, and Myron Weiner, eds., 1994. *The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands*. Bloomington: Indiana University Press.
- Baran, Zeyno, 2004. Developing a Euro-Atlantic Strategy Towards Black Sea Energy: The Example of the Caspian. In: *A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region*, ed. by Ronald D. Asmus, Konstantin Dimitrov, and Joerg Forbrig. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States, pp. 116—124.
- Basora, Adrian A., and Jean F. Boone, 2008. The Georgia Crisis and Continuing Democratic Erosion in Europe/Eurasia, *Foreign Policy Research Institute E-Notes*, October, available at <http://www.fpri.org/enotes/200810.basoraboone.georgiacrisis.html>.
- Bassin, Mark, 1991. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geopolitical Space, *Slavic Review*, Vol. 50, No. 1, pp. 1—17.
- Berman, Ilan, 2001. Slouching Toward Eurasia? *Perspective*, Vol. XII, No. 1, available at <http://www.bu.edu./iscip/vol12/berman.html>.
- Berman, Ilan, 2002. Putin's Problem: The War on Terrorism Gets in the Way of the Euroasian Dream, *National Review*, January 8, available at <http://www.nationalreview.com/comment/comment-berman010802.shtml>.
- Bertsch, Gary K., Cassidy Craft, Scott A. Jones, and Michael Beck, eds., 2000. *Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*. New York: Routledge.

- Birch, Julian, 1996. The Georgian/South Ossetian Territorial and Boundary Dispute. In: *Transcaucasian Boundaries*, ed. by John F.R. Wright, Suzanne Goldenberg, and Richard Schofield. New York: St. Martin's Press, pp. 151—189.
- Blank, Stephen, 2008. Russia Pressures CIS Members to Approve its Policies, *CACI Analyst*, October 1, available at <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4949>.
- Breyfogle, Nicholas S., 2005. *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press.
- Brzezinski, Zbigniew, 1997. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Brzezinski, Zbigniew, 2007a. How to Avoid a New Cold War, *Time*, June 7, available at <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1630544,00.html>.
- Brzezinski, Zbigniew, 2007b. *The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia*. Washington, D.C.: The CSIS Press.
- Bugajski, Janusz, 2008. *Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions*. Washington, D.C.: The CSIS Press.
- Cameron, Fraser, and Jarek M. Domański, 2005. Russian Foreign Policy with Special Reference to its Western Neighbours, *EPC (European Policy Centre) Issue Paper*, No. 37, available at http://www.epi.eu/TEWN/pdf/354600757_EPC%20Issue%20Paper%2037%20Russian%20Foreign%20Policy.pdf.
- Canfield, Robert L., 1992. Restructuring in Greater Central Asia: Changing Political Configurations, *Asian Survey*, Vol. 32, No. 10, pp. 875—887.
- Çelikpala, Mitat, 2008. The Latest Developments in the Caucasus, the Struggle for Global Hegemony and Turkey, *ASAM*, October 9, available at <http://www.asam.org.tr/tr/yazigoster.asp?ID=2891&kat2=2>.
- Chang, Felix K., 2008. Russia Resurgent: An Initial Look at Russian Military Performance in Georgia, *Foreign Policy Research Institute E-Notes*, August 13, available at <http://www.fpri.org/enotes/200808.chang.russiaresurgentgeorgia.html>.
- Chase, Howard, 2002. Future Prospects of Caucasian Energy and Transportation Corridor. The Role of Caucasian Energy Corridor in European Energy Security, *Georgian Economic Trends*, No. 3, pp. 85—87.
- Cheterian, Vicken, 2008. *War and Peace in the Caucasus: Ethnic Conflict and the New Geopolitics*. New York: Columbia University Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Chicky, Jon E., 2009. The Russian-Georgian War: Political and Military Implications for U.S. Policy, *Policy Paper*, February. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0902Chicky.pdf>.
- Chorbajian, Levon, Patrick Donabedian, and Claude Mutafian, 1994. *The Caucasian Knot. The History and Geo-politics of Nagorno-Karabakh*. London: Zed Press.
- Clover, Charles, 1999. Dreams of the Eurasian Heartland. The Reemergence of Geopolitics, *Foreign Affairs*, Vol. 78, No. 2, pp. 9—13.
- Cohen, Ariel, and Lajos F. Szaszdi, 2009. Russia's Drive for Global Economic Power: A Challenge for the Obama Administration, *The Heritage Foundation*, Backgrounder No. 2235, available at <http://www.heritage.org/research/RussiaandEurasia/bg2235.cfm>.
- Cohen, Stephen F., 2006. The New American Cold War, *The Nation*, June 21, available at <http://www.thenation.com/doc/20060710/cohen>.
- Coppieters, Bruno, 1998. The Failure of Regionalism in Eurasia and the Western Ascendancy over Russia's Near Abroad. In: *Commonwealth and Independence in Post-Soviet Eurasia*, ed. by Bruno Coppieters, Alexei Zverev, and Dmitri Trenin. London: FRANK CASS PUBLISHERS, pp. 191—213.
- Coppieters, Bruno, 2001. *Federalism and Conflict in the Caucasus*. London: Royal Institute of International Affairs.
- Cornell, Svante E., 1999. Geopolitics and Strategic Alignments in the Caucasus and Central Asia Perceptions, *Journal of International Affairs*, Vol. IV, No. 2, pp. 100—125.
- Cornell, Svante E., 2001a. Iran and the Caucasus: The Triumph of Pragmatism over Ideology, *Global Dialogue*, Vol. 2, No. 3, pp. 80—92.
- Cornell, Svante E., 2001b. *Small Nations and Great Powers. A Study of Ethno-political Conflict in the Caucasus*. Surrey: Curzon Press.
- Cornell, Svante E., 2002. Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective, *World Politics*, Vol. 54, No. 2, pp. 245—276.
- Cornell, Svante E., 2008a. The War that Russia Wants, *The Guardian*, August 08, available at <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/aug/08/georgia.nato>.
- Cornell, Svante E., 2008b. War in Georgia, Jitters All Around, *Current History*, Vol. 107, Issue 711, October, pp. 307—314, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/publications/2007/0810CH.pdf>.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Cornell, Svante E., 2009a. Pipeline Power. The War in Georgia and the Future of the Caucasian Energy Corridor, *Georgetown Journal of International Affairs*, Vol. 10, No. 1, available at <http://www.isdp.eu/files/publications/scornell/GJIA-2009.pdf>.
- Cornell, Svante E., 2009b. Why a Russian “Reset” Won’t Work, *Real Clear World*, April 3, available at http://www.realclearworld.com/articles/2009/04/why_a_russian_reset_wont_work.html.
- Cornell, Svante E., and S. Frederick Starr, 2006. The Caucasus: A Challenge for Europe, *Silk Road Paper*, June. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0606Caucasus.pdf>.
- Cornell, Svante E., and S. Frederick Starr, eds., 2009. *The Guns of August 2008: Russia’s War in Georgia*. Armonk: M.E. Sharpe.
- Cornell, Svante E., Johanna Popjanevski, and Niklas Nilsson, 2008. Russia’s War in Georgia: Causes and Implications for Georgia and the World, *Policy Paper*, August. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/silkroadpapers/0808Georgia-PP.pdf>.
- Cornell, Svante E., Mamuka Tsereteli, and Vladimir Socor, 2005. Geostrategic Implications of the Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline. In: *The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West*, ed. by S. Frederick Starr and Svante E. Cornell. Uppsala: Uppsala University, pp. 17—38.
- Cornell, Svante E., Roger N. McDermott, William O’Malley, Vladimir Socor, and S. Frederick Starr, 2004. *Regional Security in the Caucasus: The Role of NATO*. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS.
- Cotter, Michael W., 2008. The New Face of Central Asia, *Caucasian Review on International Affairs*, Vol. 2 (2), pp. 1—5, available at http://www.cria-online.org/Journal/3/New_face_of_Central_Asia_by_Michael_Cotter_done.pdf.
- Crane, Keith, D.J. Peterson, and Olga Oliker, 2005. Russian Investment in the Commonwealth of Independent States, *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 46, No. 6, pp. 404—444.
- Crews, Robert D., 2006. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard University Press.
- Croissant, Michael P., 1999. Georgia: Bridge or Barrier for Caspian Oil? In: *Oil and Geopolitics of the Caspian Sea Region*, ed. by Michael P. Croissant and Bülent Aras. Westport: Praeger.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Donaldson, Robert H., and Joseph L. Noguee, 2005. *The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests*. Armonk, M.E. Sharpe.
- Dowling, Malcolm, and Ganeshan Wignaraja, 2006. Central Asia's Economy: Mapping Future Prospects to 2015, *Silk Road Paper*, July. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0607Wignaraja.pdf>.
- Dragadze, Tamara, 1999. Ethnic Conflict as Political Smokescreen: The Caucasus Region. In: *Ethnicity and Intra-State Conflict*, ed. by Håkan Wiberg, and Christian P. Scherrer. Aldershot: Ashgate, pp. 262—279.
- Dugin, Alexander G., 2005. *Eurasian Mission (Program Materials of International Eurasian Movement)*. Moscow: ROF "Evrazia".
- Escudero, Stanley, 2001. Visions of Baku. Future Hub of the Caspian, *Azerbaijan International*, No. 9.3, available at http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/93_folder/93_articles/93_stanley_escudero.html.
- Escudero, Stanley, 2002. Hub for the 21st Century. Azerbaijan's Future Role in the Caspian Basin, *Azerbaijan International*, No. 10.2, available at http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/ai102_folder/102_articles/102_caspian_hub_escudero.html.
- Fairbanks, Charles, C. Richard Nelson, S. Frederick Starr, and Kenneth Weisbrode, 2001. *Strategic Assessment of Central Eurasia*. Washington, D.C.: The Atlantic Council of the United States, Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University.
- Farrell, Theo, 2005. Strategic Culture and American Empire, *The SAIS Review of International Affairs*, Vol. XXV, No. 2, pp. 3—18.
- Ferdinand, Peter, ed., 1994. *The New States of Central Asia and Their Neighbours*. New York: Council of Foreign Relations Press.
- Foglesong, David, and Gordon M. Hahn, 2002. Ten Myths about Russia Understanding and Dealing with Russia's Complexity and Ambiguity, *Centro Argentino de Estudios Internacionales*, available at <http://www.caei.com.ar/es/programas/cei/A02.pdf>.
- Freedman, Robert O., 1997. Russia and Iran: A Tactical Alliance, *SAIS Review of International Affairs*, Vol. XVII, No. 2, pp. 93—109.
- Friedman, George, 2008. The Russo-Georgian War and the Balance of Power, *Stratfor*, August 12, available at http://www.stratfor.com/weekly/russo-georgian_war_and_balance_power.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Friedman, Thomas L., 2008. The New Cold War, *The New York Times*, May 14, available at http://www.nytimes.com/2008/05/14/opinion/14friedman.html?_r=1.
- Fukuyama, Francis, 2008. They Can Only Go So Far, *The Washington Post*, August 24, available at <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/08/22/AR2008082202395.html>.
- Fuller, Graham E., 1990. The Emergence of Central Asia, *Foreign Policy*, No. 78 (Spring), pp. 49—67.
- Gaidar, Yegor, 2007. *Collapse of an Empire. Lessons for Modern Russia*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Gachechiladze, Revaz, 2002. Geopolitics in the South Caucasus: Local and External Players, *Geopolitics*, Vol. 17, No. 1, 113—138.
- Gamkrelidze, Thomas V., 1998. “Transcaucasia” or “South Caucasus”? Towards a More Exact Geopolitical Nomenclature. In: *Postcommunist Democratic Changes and Geopolitics in South Caucasus*. Acts of the Conference, October 17—18, 1997, ed. by V. Keshelava. Tbilisi: Metsniereba, pp. 40—42.
- Gati, Toby T., and Tapio L. Christiansen, 2003. The Political Dynamic. In: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia*, ed. by Jan H. Kalicki and Eugene K. Lawson. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, pp. 447—459.
- Gelb, Bernard A., 2008. Caspian Oil and Gas: Production and Prospects, *Current Politics and Economics of the Caucasus Region*, Vol., 1, No. 2/3, pp. 325—332.
- Gelb, Bernard A., and Terry Rayon Twyman, 2004. *The Caspian Sea Region and Energy Resources*. New York: Novinka Books.
- Goble, Paul, 2008a. GUAM after Georgia: More Important than Ever or Soon to Die? *Azerbaijan in the World. The Electronic Publication of Azerbaijan Diplomatic Academy*, Vol. I, No. 16, September 15, available at <http://www.ada.edu.az/biweekly/issues/155/20090328034444257.html>.
- Goble, Paul, 2008b. Turkey Returns to a Transformed Transcaucasus, *Azerbaijan in the World. The Electronic Publication of Azerbaijan Diplomatic Academy*, Vol. I, No. 18, October 15, available at <http://www.ada.edu.az/biweekly/issues/157/20090328072243629.html>.
- Goble, Paul, 2008c. What the Georgian Events Demonstrate, *Window on Eurasia*, August 10, available at <http://windowoneurasia.blogspot.com/2008/08/window-on-eurasia-what-georgian-events.html>.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Goble, Paul, 2009a. Nabucco After Budapest: Old Problems, New Challenges and a Changed Role for Azerbaijan, *Azerbaijan in the World. The Electronic Publication of Azerbaijan Diplomatic Academy*, Vol. I, No. 3, February 1, available at <http://www.ada.edu.az/biweekly/issues/164/20090329011708234.html>.
- Goble, Paul, 2009b. Railroads Again a Key Factor in Geopolitics of the South Caucasus, *Azerbaijan in the World. The Electronic Publication of Azerbaijan Diplomatic Academy*, Vol. II, No. 21, November 1, available at <http://ada.edu.az/biweekly/issues/vol2no21/20091106011322428.html>.
- Goldman, Marshall I., 2008a. Moscow's New Economic Imperialism, *Current History*, Vol. 107, Issue 711, October, pp. 322—329.
- Goldman, Marshall I., 2008b. *Petrostate: Putin, Power, and the New Russia*. New York: Oxford University Press.
- Grabbe, Heather, 2004. Towards a More Ambitious EU Policy for the Black Sea Region. In: *A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region*, ed. by Ronald D. Asmus, Konstantin Dimitrov, and Joerg Forbrig. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States, pp. 106—115.
- Greskovits, Béla, 1998. *The Political Economy of Protest and Patience: East European and Latin American Transformations Compared*. Budapest: Central European University Press.
- Grgic, Borut, and Alexandros Petersen, 2008a. Escaping Gazprom's Embrace, *The Journal of International Security Affairs*, Spring, No. 14, available at <http://www.securityaffairs.org/issues/2008/14/grgic&petersen.php>.
- Grgic, Borut, and Alexandros Petersen, 2008b. Europe's Caucasian Moment, *The Wall Street Journal*, August 5, available at http://online.wsj.com/article/SB121788609019011381.html?mod=opinion_main_commentaries.
- Hahn, Gordon M., 2002. The Rebirth of Eurasianism, *The Russia Journal*, No. 14, July 12—18, available at <http://www.cdi.org/russia/215-14.cfm>.
- Harutyunyan, Aram, 2004. Armenia as a Factor of Balance in the Southern Caucasus Region. In: *Security Sector Governance in Southern Caucasus — Challenges and Visions. Study Groups Regional Stability in Southern Caucasus Security Sector Reform*, ed. by Anja H. Ebnöther and Gustav E. Gustenau. Vienna: National Defense Academy, pp. 166—178.
- Hassner, Pierre, 2008. One Cold War Among Many? *Survival*, Vol. 50, No. 4, pp. 247—256.

- Hauner, Milan L., 1994. The Disintegration of the Soviet Eurasian Empire: An Ongoing Debate. In: *Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union*, ed. by Mohiaddin Mesbahi. Gainesville: University Press of Florida, pp. 209—233.
- Hausmann, Ricardo, 2001. Prisoners of Geography, *Foreign Policy*, No. 122, pp. 44—53.
- Hill, Fiona, 2004. *Energy Empire: Oil, Gas and Russia's Revival*. London: The Foreign Policy Centre, available at <http://fpn.org.uk/fsblob/307.pdf>.
- Himmelreich, Jörg, 2008. Moscow's Power Politics, *Spiegel Online International*, August, 11, available at <http://www.spiegel.de/international/world/0,1518,571229,00.html#>.
- Hirsch, Francine, 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hirsh, Michael, 2008. Pushing Russia's Buttons, *Newsweek*, August 12, available at <http://www.newsweek.com/id/152087>.
- Hovannisian, Richard G., 1994. Historical Memory and Foreign Relations: The Armenian Perspective. In: *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia*, ed. by S. Frederick Starr. Armonk: M.E. Sharpe, pp. 237—276.
- Hunter, Shireen, 1994. *The Transcaucasus in Transition: Nation-Building and Conflict*. Washington, D.C.: CSIS.
- Hunter, Shireen T., 2000. The Evolution of the Foreign Policy of the Transcaucasian States. In: *Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*, ed. by Gary K. Bertsch, Cassidy Craft, Scott A. Jones, and Michael Beck. New York: Routledge, pp. 25—47.
- Ingram, Alan, 2001. Alexander Dugin: Geopolitics and Neo-Fascism in Post-Soviet Russia, *Political Geography*, Vol. 20, Issue 8, pp. 1029—1051.
- Ismailov, Eldar, and Vladimer Papava, 2006. *The Central Caucasus: Essays on Geopolitical Economy*. Stockholm: CA&CC Press.
- Ismailov, Eldar, and Vladimer Papava, 2008a. A New Concept for the Caucasus, *Southeast European and Black Sea Studies*, Vol. 8, No. 3, pp. 283—298.
- Ismailov, Eldar, and Vladimer Papava, 2008b. *The Central Caucasus: Problems of Geopolitical Economy*. New York: Nova Science Publishers.
- Ismailzade, Fariz, 2008. The Georgian-Russian Conflict through the Eyes of Baku, *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 5, No. 154, August 12, available at http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=33881.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Jackson, Alexander, 2008. IA Forum Interview: Vladimer Papava, *International Affairs Forum*, August 14, available at <http://ia-forum.org/Content/ViewInternalDocument.cfm?ContentID=6377>.
- Jaffe, Amy, 2001. US Policy Towards the Caspian Region: Can the Wish-List be Realized? In: *The Security of the Caspian Sea Region*, ed. by Gennady Churin. New York: Oxford University Press, pp. 136—150.
- Japaridze, Tedo, 2008. Does GUAM have a Future? A Personal View, *Azerbaijan in the World. The Electronic Publication of Azerbaijan Diplomatic Academy*, Vol. I, No. 16, September 15, available at <http://www.ada.edu.az/bi-weekly/issues/155/20090328034800283.html>.
- Jersild, Austin, 2002. *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917*. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Johnson, Daniel, 2008. Putin's New Cold War, *The New York Sun*, February 7, available at <http://www.nysun.com/opinion/putins-new-cold-war/70910/>.
- Jones, Stephen, 2003. The Role of Cultural Paradigms in Georgian Foreign Policy, *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*, Vol. 19, No. 3, pp. 83—110.
- Jones, Stephen F., 2008. Clash in the Caucasus: Georgia, Russia, and the Fate of South Ossetia, *Origins: Current Events in Historical Perspective*, Vol. 2, Issue 2, available at <http://ehistory.osu.edu/osu/origins/article.cfm?articleid=20>.
- Kalicki, Jan H., 2001. Caspian Energy at the Crossroads, *Foreign Affairs*, Vol. 80, No. 5, pp. 122—134.
- Kalicki, Jan, and David L. Goldwyn, eds., 2005. *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press.
- Kalicki, Jan H., and Jonathan Elkind, 2005. Eurasian Transportation Futures. In: *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*, ed. by Jan Kalicki and David L. Goldwyn. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, pp. 149—174.
- Kanbolat, Hasan, 2008. What is Caucasian Stability and Cooperation? What can Turkey do in the Caucasus? *Today's Zaman*, August 19, available at <http://www.todayszaman.com/tz-web/detaylar.do?load=detay&link=150578>.
- Kaplan, Robert D., 2009. The Revenge of Geography, *Foreign Policy*, May/June, available at http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=4862.

- Kassenova, Nargis, 2009. Kazakhstan and the South Caucasus Corridor in the Wake of the Georgia-Russia War, *EUCAM, EU-Central Asia Monitoring Policy Brief*, No. 3, January 29, available at http://shop.ceps.eu/BookDetail.php?item_id=1786.
- Kemp, Geoffrey, and Robert E. Harkavy, 1997. *Strategic Geography and the Changing Middle East*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
- Kennedy, Paul, 2007. Worried about Putin's Russia?: Read on. *International Herald*, August 20, available at <http://www.ihf.com/articles/2007/08/20/opinion/edkennedy.php>.
- Kerr, David, 1995. The New Eurasianism: The Rise of Geopolitics in Russia's Foreign Policy, *Europe-Asia Studies*, Vol. 47, No. 6, pp. 977—988.
- King, Charles, 2001. The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States, *World Politics*, Vol. 53, No. 4, pp. 524—552.
- King, Charles, 2008a. The Five-Day War. Managing Moscow After the Georgia Crisis, *Foreign Affairs*, November/December, available at <http://www.foreignaffairs.org/20081001faessay87601/charles-king/the-five-day-war.html>.
- King, Charles, 2008b. *The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus*. New York: Oxford University Press.
- Kissinger, Henry, 2002. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the Twenty-First Century*. London: The Free Press.
- Kolossov, Vladimir, and Gerard Toal (Gearóid Ó Tuathail), 2007. An Empire's Fraying Edge? The North Caucasus Instability in Contemporary Russian Geopolitical Culture, *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 48, No. 2, pp. 202—225.
- Kotkin, Stephen, 2008. Myth of the New Cold War, *Prospect Magazine*, Issue 145, April, available at <http://www.prospect-magazine.co.uk/pdfarticle.php?id=10094>.
- Krastev, Ivan, 2008. Russia and the Georgia War: The Great-Power Trap, *Open Democracy News Analysis*, August 31, available at <http://www.opendemocracy.net/article/russia-and-the-georgia-war-the-great-power-trap>.
- Krugman, Paul, 1993. *Geography and Trade*. Cambridge: The MIT Press.
- Kuchins, Andrew, 2008a. Time to Treat Russia as a Partner, *The Moscow Times*, September 22, available at <http://www.moscowtimes.ru/article/1016/42/371114.htm>.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kuchins, Andrew, 2008b. Where Should U.S. Policy toward Russia Go from Here? *CSIS Commentary*, September 8, available at http://www.csis.org/media/csis/pubs/080908_kuchins_russia.pdf.
- Künzli, Jan, 2008. The Caucasus Needs a Rest After the War, Interview with Alexander Rahr, *Caucasian Review on International Affairs*, Vol. 2 (4), pp. 76—79, available at <http://cria-online.org/Journal/5/THE%20CAUCASUS%20NEEDS%20A%20REST%20AFTER%20THE%20WAR.pdf>.
- Kurtz, Stanley, 2003. Democratic Imperialism, *Policy Review*, Issue 118, April/May, pp. 3—20.
- Lapidus, Gail W., 2007. Between Assertiveness and Insecurity: Russian Elite Attitudes and the Russia-Georgia Crisis, *Post-Soviet Affairs*, Vol. 23, No. 2, pp. 138—155.
- Larrabee, F. Stephen, 2004. The Russian Factor in Western Strategy Toward the Black Sea Region. In: *A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region*, ed. by Ronald D. Asmus, Konstantin Dimitrov, and Joerg Forbrig. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States, pp. 147—156.
- Laruelle, Marlène, 2008a. Russia's Central Asia Policy and the Role of Russian Nationalism, *Silk Road Paper*, April. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.isdp.eu/files/publications/srp/08/ml08russiacentral.pdf>.
- Laruelle, Marlène, 2008b. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press.
- Lobjakas, Ahto, 2009. Turkish-Armenian Rapprochement Leaves Many Questions Unanswered, *Free Europe/Radio Liberty*, October 18, available at http://www.rferl.org/content/TurkishArmenian_Rapprochement_Leaves_Many_Questions_Unanswered/1854722.html.
- Lefebvre, Stéphane, and Roger N. McDermott, 2008. Russia and the Intelligence Services of Central Asia, *International Journal of Intelligence and Counter-Intelligence*, Vol. 2, No. 2, pp. 251—301.
- LeVin, Steve, 2007. *The Oil and the Glory: The Pursuit of Empire and Fortune on the Caspian Sea*. New York: Random House.
- Lewis, Martin W., and Kären E. Wigen, 1997. *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. Berkeley: University of California Press.
- Liloyan, Tigran, 2004. Armenia — Russia's Outpost in South Caucasus — Duma Speaker, *ArmenianDiaspora.com*, December 15, available at <http://www.armeniandiaspora.com/archive/16794.html>.

- Linn, Johannes F., and David Tiomkin, 2005. Economic Integration of Eurasia: Opportunities and Challenges of Global Significance, *CASE Studies & Analyses*, No. 298, April. Warsaw: CASE, available at http://www.case.com.pl/upload/publikacja_plik/4974349_sa298%20ok.pdf.
- Longworth, Philip, 2005. *Russia's Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin*. London: John Murray.
- Lucas, Edward, 2008. *The New Cold War: How the Kremlin Menaces Both Russia and the West*. London: Bloomsbury Publishing PLÑ.
- Lussac, Samuel, 2008. The Baku-Tbilisi-Kars Railroad and Its Geopolitical Implications for the South Caucasus, *Caucasian Review on International Affairs*, Vol. 2 (4), pp. 34—46, available at <http://cria-online.org/Journal/5/THE%20BAKU-TBILISI-KARS%20RAILROAD.pdf>.
- Lynch, Dov, 2004a. *Engaging Eurasia's Separatist States. Unresolved Conflicts and De Facto States*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press.
- Lynch, Dov, 2004b. Security Sector Governance in The South Caucasus — Towards an EU Strategy. In: *Security Sector Governance in Southern Caucasus — Challenges and Visions. Study Groups Regional Stability in Southern Caucasus Security Sector Reform*, ed. by Anja H. Ebnöther and Gustav E. Gustenau. Vienna: National Defense Academy, available at <http://www.bmlv.gv.at/wissen-forschung/publikationen/publikation.php?id=122>.
- Mackinder, Halford J., 1904. The Geographical Pivot of History, *Geographical Journal*, Vol. XXIII., No. 4, April, pp. 421—444.
- Mackinder, Halford J., 1919. *Democratic Ideals and Reality: A Study of the Politics of Reconstruction*. London: Constable.
- Mackinder, Halford J., 1943. The Round World and the Winning of the Peace, *Foreign Affairs*, Vol. 21, No. 4, pp. 595—605.
- MacKinnon, Mark, 2007. *The New Cold War: Revolutions, Rigged Elections, and Pipeline Politics in the Former Soviet Union*. New York: Carroll & Graf publishers.
- MacShane, Denis, 2008. Georgia: We must Unite to Resist Russian Aggression, *Telegraph.co.uk*, August 11, available at <http://www.telegraph.co.uk/opinion/main.jhtml?xml=/opinion/2008/08/11/do1104.xml>.
- Mahnovski, Sergej, 2003. Natural Resources and Potential Conflict in the Caspian Sea Region. In: *Faultlines of Conflict in Central Asia and the South Cau-*

БИБЛИОГРАФИЯ

- casus. Implications for the U.S. Army*, ed. by Olga Oliker and Thomas S. Szayna. Santa Monica: RAND, pp. 109—144.
- Maisaia, Vakhtang, 2007. *The Caucasus-Caspian Regional and Energy Security Agendas — Past, Contemporary and Future Geopolitics: View from Georgia*. Brussels-Tbilisi: Tbiliselebi.
- Makhmudov, Rustam, 2002. The Problem of Exporting Energy Resources from Central Asia. In: *Central Asia and South Caucasus Affairs: 2002*, ed. by Boris Rumer and Lau Sim Yee. Tokyo: Sasakawa Peace Foundation, pp. 163—188.
- Maleki, Abbas, 2003/2004. Does the Caspian Remain Important to All Actors? *Amu Darya. The Iranian Journal of Central Asian Studies*, Vol. 8, No. 16 & 17, pp. 47—76.
- Mankoff, Jeffrey, 2009. *Eurasian Energy Security*. New York: Council on Foreign Relations.
- Mann, Steven R., 2003. Caspian Futures. In: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia*, ed. by Jan H. Kalicki and Eugene K. Lawson. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, pp. 147—160.
- Makni (Muhammad Aslam Khan Niazi), 2008. *The New Great Game: Oil and Gas Politics in Central Eurasia*. New York: Raider Publishing International.
- Marat, Erica, 2006. The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan, *Silk Road Paper*, October. Uppsala: Uppsala University, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0610EMarat.pdf>.
- Marsh, Christopher, and Nikolas K. Gvosdev, 2009. The Persistence of Eurasia, *Policy Innovations — The Carnegie Council's Online Magazine for a Fairer Globalization*, November 5, available at <http://www.policyinnovations.org/ideas/commentary/data/000152>.
- Marson, James, 2009. Russia's Moves Raise Doubts About Obama's "Reset," *Time*, August 23, available at <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1917392,00.html>.
- Matern, Frederick, 2007. *The Discourse of Civilization in the Works of Russia's New Eurasianists: Lev Gumilev and Alexander Panarin*, YCISS Post-Communist Studies Programme Research Paper Series, No. 002, February, available at http://www.yorku.ca/yciss/activities/documents/PCSPP_aper002.pdf.
- Matthew, H.C.G., 1973. *The Liberal Imperialists. The Ideas and Politics of a Post-Gladstonian Élite*. Oxford: Oxford University Press.

- McFaul, Michael, 2007. New Russia, New Threat. Working with the West is no Longer the Goal as the Kremlin Flexes its Muscle and Rethinks its Role in the World, *Los Angeles Times*, September 2, available at <http://www.latimes.com/news/opinion/sunday/commentary/la-op-mcfaul2sep02,0,1062795.story?coll=la-sunday-commentary>.
- Menon, Rajan, 2007. Introduction: Central Asia in the Twenty-First Century. In: Eugene Rumer, Dmitri Trenin, and Huasheng Zhao, *Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing*. Armonk: M.E. Sharpe, pp. 3—17.
- Mesbahi, Mohiaddin, ed., 1994. *Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union*. Gainesville: University Press of Florida.
- Metreveli, Roin, 1998. On the Problem of War and Peace in the Caucasus, *Caucasica. The Journal of Caucasian Studies*, Vol. 2, pp. 170—182.
- Meyer, Karl, 2004. *The Dust of Empire: The Race for Supremacy in the Asian Heartland*. London: Abacus.
- Milov, Vladimir, 2008. *Russia and the West. The Energy Factor*. Washington, D.C.: CSIS, available at http://www.csis.org/media/csis/pubs/080731_milov_russia&west_web.pdf.
- Mkrtchyan, Tigran, Tabib Huseynov, and Kakha Gogolashvili, 2009. *The European Union and the South Caucasus. Three Perspectives on the Future of the European Project from the Caucasus. Europe in Dialogue 2009/01*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
- Mouawad, Jad, 2008. Conflict Narrows Oil Options for West. *The New York Times*, August 13, available at <http://www.nytimes.com/2008/08/14/world/europe/14oil.html>.
- Müller, Friedemann, 2000. Energy Development and Transport Network Cooperation in Central Asia and the South Caucasus. In: *Building Security in the New States of Eurasia. Subregional Cooperation in the Former Soviet Space*, ed. by Renata Dwan, and Oleksandr Pavliuk. Armonk: M.E. Sharpe, pp. 188—200.
- Naby, Eden, 1994. The Emerging Central Asia: Ethnic and Religious Factions. In: *Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union*, ed. by Mohiaddin Mesbahi. Gainesville: University Press of Florida, pp. 34—55.
- Nodia, Ghia, 1998. The Georgian Perception of the West. In: *Commonwealth and Independence in Post-Soviet Eurasia*, ed. by Bruno Coppieters, Alexei Zverev, and Dmitri Trenin. London: FRANK CASS PUBLISHERS, pp. 12—43.
- Nuriyev, Elkhon, 2007. *The South Caucasus at the Crossroads: Conflicts, Caspian Oil and Great Power Politics*. Berlin: LIT.

БИБЛИОГРАФИЯ

- O'Ballance, Edgar, 1997. *Wars in the Caucasus, 1990—1995*. New York: New York University Press.
- O'Hara, Sarah L., 2004. Great Game or Grubby Game? The Struggle for Control of the Caspian, *Geopolitics*, Vol. 9, No. 1, pp. 138—160.
- Olcott, Martha Brill, Anders Åslund, and Sherman W. Garnett, 1999. *Getting it Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
- Oliker, Olga, and Thomas S. Szayna, eds. 2003. *Faultlines of Conflict in Central Asia and the South Caucasus: Implications for the U.S. Army*. Santa Monica: RAND.
- O'Loughlin, John, and Paul F. Talbot, 2005. Where in the World is Russia: Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians, *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 46, No. 1, pp. 23—50, available at <http://www.colorado.edu/IBS/PEC/johno/pub/Wheres-Russia.pdf>.
- Osborn, Andrew, 2008. As If Things Weren't Bad Enough, Russian Professor Predicts End of U.S. In: Moscow, Igor Panarin's Forecasts are All the Rage; America "Disintegrates" in 2010, *The Wall Street Journal*, December 29, available at http://online.wsj.com/article_email/SB123051100709_638419-1MyQjAxMDI4MzMwMDUzMTAxWj.html#.
- Osmonaliev, Kairat, 2005. Developing Counter-Narcotics Policy in Central Asia: Legal and Political Dimensions, *Silk Road Paper*, January. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.silkroadstudies.org/Silkroadpapers/Osmonaliev.pdf>.
- O'Sullivan, John, 2008. Is Russia Morphing into Another USSR? *Globe and Mail*, August 12, available at http://www.rferl.org/content/OSullivan_in_Globe_and_Mail/1190884.html.
- Oxford Analytica, 2008. Turkey/Caucasus: Ankara Seeks Regional Stability Pact, *Oxford Analytica*, September 4, available at <http://www.oxan.com/display.aspx?ItemID=DB145306>.
- Panico, Christopher, and Jemera Rone, 1994. *Azerbaijan: Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh*. New York: Human Rights Watch.
- Papava, Vladimer, 1996. Georgian Economy: From "Shock Therapy" to "Social Promotion," *Communist Economies & Economic Transformation*, Vol. 8, No. 8, pp. 251—267.
- Papava, Vladimer, 1998. Strategic Economic Partnership in Caucasus, *Caucasica. The Journal of Caucasian Studies*, Vol. 2, pp. 189—197.

- Papava, Vladimer, 2005a. *Necroeconomics: The Political Economy of Post-Communist Capitalism*. New York: iUniverse.
- Papava, Vladimer, 2005b. On the Theory of Post-Communist Economic Transition to Market, *International Journal of Social Economics*, Vol. 32, No. 1/2, pp. 77—97.
- Papava, Vladimer, 2008a. “Central Caucasasia” Instead of “Central Eurasia,” *Central Asia and the Caucasus*, No. 2 (50), pp. 30—42.
- Papava, Vladimer, 2008b. Central Casaso-Asia: Toward a Redefinition of Post-Soviet Central Eurasia, *Azerbaijan in the World. The Electronic Publication of Azerbaijan Diplomatic Academy*, Vol. I, No. 17, October 1, available at http://www.ada.edu.az/biweekly/issues/156/200903280419278_33.html.
- Papava, Vladimer, 2009a. The End of the Frozen Cold War? *Caucasian Review of International Affairs*, Vol. 3 (1), Winter, pp. 98—102, available at http://www.cria-online.org/Journal/6/Done_%20End%20of%20the%20Frozen%20Cold%20War_Vladimer%20Papava.pdf.
- Papava, Vladimer, 2009b. The New Threats of the Old Cold War, *e-politik.de*, February 18, available at <http://english.e-politik.de/3247>.
- Papava, Vladimer, and Michael Tokmazishvili, 2008. Pipeline Harmonization Instead of Alternative Pipelines: Why the Pipeline “Cold War” Needs to End, *Azerbaijan in the World. The Electronic Publication of Azerbaijan Diplomatic Academy*, Vol. I, No. 10, June 15, available at <http://www.ada.edu.az/biweekly/issues/150/20090327030535315.html>.
- Papava, Vladimer, and Nino Gogatadze, 1998. Prospects for Foreign Investments and Strategic Economic Partnership in the Caucasus, *Problems of Economic Transition*, Vol. 41, No. 5, pp. 79—88.
- Penkova, Tomislava, 2008. Russia’s Attitude Towards the Post-Soviet Space after the War in Georgia, *ISPI Policy Brief*, Issue 111, December, available at http://www.ispionline.it/it/documents/PB_111_2008.pdf.
- Petersen, Alexandros, 2008. Russia Invaded Georgia to Teach the West a Lesson, *EU Observer*, August 18, available at <http://euobserver.com/13/26611>.
- Powell, Bill, 2008. Cold War: The Sequel, *Time*, August 12, available at <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1831859,00.html>.
- Rakel, Eva, 2005. Paradigms of Iranian Policy in Central Eurasia and Beyond. In: *Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security and Development*,

БИБЛИОГРАФИЯ

- ed. by Mehdi Parvizi Amineh and Henk Houweling. Leiden: Brill, pp. 235—257.
- Ramezanzadeh, Abdollah, 1996. Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis. In: *Contested Borders in the Caucasus*, ed. by Bruno Coppieters. Brussels: VUB Press, available at <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/eng/ch0701.htm>.
- Rangsimaporn, Paradorn, 2006. Interpretations of Eurasianism: Justifying Russia's Role in East Asia, *Europe-Asia Studies*, Vol. 58, No. 3, pp. 371—390.
- Reiff, David, 1999. A New Age of Liberal Imperialism? *World Policy Journal*, Vol. XVI, No. 2, pp. 1—10.
- Roberts, John, 2001. Energy Reserves, Pipeline Routs and the Legal Regime in the Caspian Sea. In: *The Security of the Caspian Sea Region*, ed. by Gennady Chufrin. New York: Oxford University Press, pp. 33—68.
- Roberts, John, 2008. Georgia Falls Victim to Pipeline Politics, *BBC News*, August 12, available at <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/7557049.stm>.
- Robinson, Matt, and Ibon Villeda, 2009. Turkey-Armenia Rapprochement Far From Guaranteed, *The Daily Star*, October 13, available at http://www.dailystar.com.lb/article.asp?edition_id=10&categ_id=2&article_id=107456.
- Rondeli, Alexander, 2001. The Choice of Independent Georgia. In: *The Security of the Caspian Sea Region*, ed. by Gennady Chufrin. New York: Oxford University Press, pp. 195—211.
- Rondeli, Alexander, 2002. Pipelines and Security Dynamics in the Caucasus, *Insight Turkey*, Vol. 4, No. 1, pp. 13—17.
- Rondeli, Alexander, 2004. The South Caucasus: Pipeline Politics and Regional Economic Interests. In: *The South Caucasus: Promoting Values Through Cooperation*, Seminar Report Series No. 20, Helsinki, 12—15 May 2004. Rome: NATO Defense College, Academic Research Branch, pp. 43—52.
- Rumer, Boris, 2002. The Search for Stability in Central Asia. In: *Central Asia: A Gathering Storm?* ed. by Boris Rumer. Armonk: M.E. Sharpe, pp. 3—66.
- Sabahi, Farian, and Daniel Warner, eds., 2004. *The OSCE and the Multiple Challenges of Transition. The Caucasus and Central Asia*. Aldershot: Ashgate.
- Sachs, Jeffrey, 1997. The Limits of Convergence: Nature, Nurture and Growth, *The Economist*, 14 June, pp. 19—22.

- Sasley, Brent, 2004. The Intersection of Geography and Resources: Geopolitics in the Caspian Sea Basin. In: *Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns*, ed. by Lasha Tchantouridze. Winnipeg: Centre for Defence and Security Studies, University of Manitoba, pp. 191—207.
- Schmidt, Matthew, 2005. Is Putin Pursuing a Policy of Eurasianism? *Demokrati-zatsiya*, Vol. 13, No. 1/Winter, available at http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3996/is_200501/ai_n13640828/print.
- Sebestyen, Victor, 2009. *Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire*. New York: Pantheon Books.
- Semmel, Bernard, 1958. Sir Halford Mackinder: Theorist of Imperialism, *The Canadian Journal of Economics and Political Science*, Vol. 24, No. 4, pp. 554—561.
- Sengupta, Anita, 2009. *Heartlands of Eurasia: The Geopolitics of Political Space*. Lanham: Lexington Books.
- Service, Robert, 2003. *Russia: Experiment with a People*. Cambridge: Harvard University Press.
- Service, Robert, 2009. *A History of Modern Russia: From Tsarism to the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press.
- Sestanovich, Stephen, 2008. What Has Moscow Done? Rebuilding U.S.-Russian Relations, *Foreign Affairs*, November/December, available at <http://www.foreignaffairs.org/20081001faessay87602/stephen-sestanovich/what-has-moscow-done.html>.
- Sherman, Daniel, 2000. Caspian Oil and a New Energy Politics, *Freezerbox Magazine*, May 25, available at <http://www.freezerbox.com/archivearticle.php?id=55>.
- Shevardnadze, Eduard, 1999. *Great Silk Route. TRACECA-PETRA. Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia. The Eurasian Common Market. Political and Economic Aspects*. Tbilisi: Georgian Transport System.
- Shevtsova, Lilia, 2007. *Russia Lost in Transition: The Yeltsin and Putin Legacies*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
- Shlapentokh, Dmitry V., 1997. Eurasianism: Past and Present, *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 30, No. 2, pp. 129—151.
- Simons, Jr., Thomas W., 1990. *The End of the Cold War?* New York: St. Martin's Press.
- Simons, Jr., Thomas W., 2008. *Eurasia's New Frontiers: Young States, Old Societies, Open Futures*. Ithaca: Cornell University Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Sloan, G., 1999. Sir Halford J. Mackinder: The Heart-land Theory Then and Now, *Journal of Strategic Studies*, Vol. 22, No. 2/3, pp. 15—38.
- Smith, Graham, 1999. The Masks of Proteus: Russia, Geopolitical Shift and the New Eurasianism, *Transactions of the Institute of British Geographers*, Vol. 24, Issue 4, pp. 481—494.
- Smith, Keith C., 2004. *Russian Energy Politics in the Baltics, Poland, and Ukraine. A New Stealth Imperialism?* Washington, D.C.: The CSIS Press.
- Socor, Vladimir, 2004. Frozen Conflicts: A Challenge to Euro-Atlantic Interests. In: *A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region*, ed. by Ronald D. Asmus, Konstantin Dimitrov, and Joerg Forbrig. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States, pp. 127—137.
- Socor, Vladimir, 2008. Business Confidence Returning to the South Caucasus Transport Corridor, *Eurasia Daily Monitor, The Jamestown Foundation*, Vol. 5, No. 186, September 29, available at http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=33978.
- Sokov, Nikolai, 2008. The South Caucasus Corridor After the Russian-Georgian War, *Transformations in the Black Sea Region. A PONARS Eurasia Workshop*, PONARS Eurasia Policy Memo No. 49, available at https://gushare.georgetown.edu/eurasianstrategy/Memos/2008/Transformations%20in%20the%20Black%20Sea%20Region_PONARS%20Eurasia.pdf.
- Spechler, Martin C., and Dina R. Spechler, 2008. Is Russia Winning in Central Asia? *CACI Analyst*, October 29, available at <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4972>.
- Spoor, Max, and Anatoly Krutov, 2005. The “Power of Water” in a Divided Central Asia. In: *Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security and Development*, ed. by Mehdi Parvizi Amineh and Henk Houweling. Leiden: Brill, pp. 279—300.
- Spykman, Nicholas J., 1942. *America's Strategy in World Politics*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Spykman, Nicholas J., 1944. *The Geography of the Peace*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Starr, S. Frederick, 2003. The Investment Climate in Central Asia and the Caucasus. In: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia*, ed. by Jan H. Kalicki and Eugene K. Lawson. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, pp. 73—91.

- Starr, S. Frederick, 2004. *U.S. Afghanistan Policy: It's Working*. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at http://www.silkroadstudies.org/docs/publications/OLD/Afghan_Starr_2004_Total.pdf.
- Starr, S. Frederick, 2005a. A “Greater Central Asia Partnership” for Afghanistan and Its Neighbors, *Silk Road Paper*, March. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.stimson.org/newcentury/pdf/Strategy.pdf>.
- Starr, S. Frederick, 2005b. A Partnership for Central Asia, *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 4, pp. 164—178.
- Starr, S. Frederick, 2008. In Defense of Greater Central Asia, *Policy Paper*, September. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0809GCA.pdf>.
- Starr, S. Frederick, 2009. Rediscovering Central Asia, *Wilson Quarterly*, Summer, available at http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?fuseaction=wq.essay&essay_id=545818.
- Starr, S. Frederick, and Svante E. Cornell, 2005. The Politics of Pipelines: Bringing Caspian Energy to Markets, *SAISPHERE*, pp. 57—61.
- Stroev, Egor. S., Leonid S. Bliakhman, and Mikhail I. Krotov, 1999. *Russia and Eurasia at the Crossroads. Experience and Problems of Economic Reforms in the Commonwealth of Independent States*. Berlin-Heidelberg: Springer.
- Tchantouridze, Lasha, 2004. After Marxism-Leninism: Eurasianism and Geopolitics in Russia. In: *Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns*, ed. by Lasha Tchantouridze. Winnipeg: Centre for Defence and Security Studies, University of Manitoba, pp. 167—190.
- Ter-Sahakyan, Karine, 2008. Armenia Should Make It Clear What the USA, Russia, Turkey and Even the EU Promise Her for “Model Behaviour,” *PanARMENIAN Network*, October 4, available at <http://www.panarmenian.net/details/eng/?nid=935>.
- Terterov, Marat, ed., 2001. *Doing Business with Georgia*. London: GMB Publishing Limited, available at http://books.google.com/books?hl=en&id=CEDbQ-_Yvq4C&dq='marat+terterov+georgia'&printsec=frontcoer&source=web&ots=awUpC3qGHY&sig=cKJDemr2ezJfEI7r5Jvk4QQtVuo&sa=X&oi=book_result&resnum=1&ct=result#PPP1,M1.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Toft, Monica Duffy, 2008. Russia's Recipe for Empire, *Foreign Policy*, September, available at http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=4462.
- Tolz, Vera, 1998. Conflicting "Homeland Myths" and Nation-State Building in Postcommunist Russia, *Slavic Review*, Vol. 57, No. 2, pp. 267—294.
- Tolz, Vera, 2001. *Russia*. London: Arnold.
- Torbakov, Igor, 2003. Russian Policymakers Air Notion of "Liberal Empire" in the Caucasus, Central Asia, *Eurasia Insight. Eurasianet*, October 27, available at <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav102703.shtml>.
- Traynor, Ian, 2008. Putin's Second War Can Have Only One Victor, *The Guardian*, August 11, available at <http://www.guardian.co.uk/world/2008/aug/11/georgia.russia10>.
- Trenin, Dmitri, 2002. *The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
- Trenin, Dmitri, 2005. Reading Russia Right, *Policy Brief*, No. 42, October. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
- Triantaphyllou, Dimitrios, and Yannis Tsantoulis, 2008. Looking Beyond the Georgian Crisis: The EU in Search of an Enhanced Role in the Black Sea Region, *International Centre for Black Sea Studies Policy Brief*, No. 8, October, available at http://icbss.org/index.php?option=com_content&task=view&id=84&Itemid=101.
- Tsereteli, Mamuka, 2008. Beyond Georgia: Russia's Strategic Interests in Eurasia, *Central Asia-Caucasus Institute Analyst*, June 11, available at <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4879>.
- Tsygankov, Andrei P., 2002. *Pathways after Empire: National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers.
- Tsygankov, Andrei P., 2003. Mastering Space in Eurasia: Russian Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up (Review Essay), *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 35, No. 1, available at <http://www.bss.sfsu.edu/tsygankov/Research/RusEurasPap.htm>.
- Umland, Andreas, 1998. *The Fascist Threat in Post-Soviet Russia*, available at <http://www.nato.int/acad/fellow/96-98/umland.pdf>.
- Victor, David G., Amy M. Jaffe, and Mark H. Hayes, eds., 2006. *Natural Gas and Geopolitics: From 1970 to 2040*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Waal, Thomas de, 2003. *Black Garden. Armenia and Azerbaijan Through Peace and War*. New York: New York University Press.
- Warkotsch, Alexander, 2008. Normative Suasion and Political Change in Central Asia, *Caucasian Review on International Affairs*, Vol. 2 (4), pp. 62—71, available at <http://cria-online.org/Journal/5/NORMATIVE%20SUASION>. pdf.
- Weisbrode, Kenneth, 2001. *Central Eurasia: Prize or Quicksand? Contenting Views of Instability in Karabakh, Ferghana and Afghanistan*, The International Institute for Strategic Studies, Adelphi Paper 338. New York: Oxford University Press.
- Weitz, Richard, 2008. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia, *Silk Road Paper*, July. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, available at <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0807Weitz.pdf>.
- Welt, Cory D., 1999. Making the Caucasus Whole Again: A Cooperation Approach to Restoring the Domestic Status Quo. In: *Caucasus Regional Security for the 21-st Century*, Materials of International Conference (March 13—14, 1999, Tbilisi, Georgia). Tbilisi: CIS and Peaceful Caucasus State Affairs Bureau and ICCN, pp. 97—101.
- Winik, Jay, 2007. Vladimir the Great? Putin's Inspiration Is Much Older Than the Cold War, *The Washington Post*, September 2, available at <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/08/31AR2007083101533.html>.
- Xuetang, Guo, 2006. The Energy Security in Central Eurasia: The Geopolitical Implications to China's Energy Strategy, *China and Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 4, No. 4, available at http://www.silkroadstudies.org/new/docs/CEF/Quarterly/November_2006/Guo.pdf.
- Yalowitz, Kenneth S., and Svante Cornell, 2004. The Critical but Perilous Caucasus, *Orbis, A Journal of World Affairs*, Vol. 48, No. 1, pp. 105—116.
- Yasmann, Victor, 2001. The Rise of the Eurasians, *The Eurasian Politician*, Issue 4, August, available at <http://www.c.jyu.fi/~aphamala/pe/issue4/yasmann.htm>.
- Yasmann, Victor, 2003. Aleksandr Dugin Eurasia Party Founder and Chief Ideologue of the Russian Geopolitical School, *Radio Free Europe/Radio Liberty*, available at <http://www.rferl.org/specials/russianelection/bio/dugin.asp>.
- Ziyadov, Taleh, 2005. Officials Meet to Discuss South Caucasus Rail System, *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 2, No. 232, December 14, available at http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=31218.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Zubarevich, Natalia V., and Yuri E. Fedorov, 1999. Russian-Southern Economic Interaction: Partners or Competitors? In: *Russia, the Caucasus, and Central Asia: The 21st Century Security Environment*, ed. by Rajan Menon, Yuri E. Fedorov, and Ghia Nodia. Armonk: M.E. Sharpe, pp. 119—144.
- Zverev, Alexei, 1996. Ethnic Conflicts in the Caucasus 1988—1994. In: *Contested Borders in the Caucasus*, ed. by Bruno Coppieters. Brussels: VUB University Press, pp. 13—71.